

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (21)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 1 (21)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Рябов В.В.</i> главный редактор	доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Жиляков И.Г.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Исаков В.А.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Кириллов В.В.</i>	кандидат исторических наук, профессор
<i>Корнилов В.А.</i>	кандидат исторических наук, профессор
<i>Карпачев С.П.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Малышева О.Г.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Михайловский Ф.А.</i> заместитель главного редактора	доктор исторических наук, профессор
<i>Осиновский И.Н.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Пашенцев Е.Н.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Ртищева Г.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Сорокин А.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Уколова В.И.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Хаванов Е.И.</i>	доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© ГАОУ ВО МГПУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Исаков В.А.* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским
в развитии политической коммуникации 8
- Салихов Э.Р.* Дореволюционная историография феномена
самозванчества (на примере движения Лжедмитрия II) 17
- Гонтарев В.В.* Вооруженное сопротивление населения
Смоленской губернии в период Отечественной войны 1812 года 25
- Токарева Е.А.* Российская художественная интеллигенция и власть:
некоторые вопросы теории и истории исследований 36

Новейшая история России

- Музафарова Н.И.* Отношение советской власти к религии
(1917–1939 годы) 44
- Карпов Е.А.* Артиллерийские подготовительные училища
как инструмент послевоенной модернизации в СССР 51

Всеобщая история

- Павлов А.А.* Магистратура и плебейский трибунал у Авла Геллия:
к вопросу систематизации римской магистратуры 58
- Крыкин С.М.* Фракийский серебряный ритон с позолотой
из Болгарии 71
- Фуццев Р.В.* Империя и территориальные государства Германии
раннего Нового времени в контексте формирования европейской
системы государств 78
- Агуреев С.А.* Из истории становления русско-эфиопских культурных
и общественных связей в конце XIX – начале XX веков 90

Критика. Рецензии. Публицистика

Рябов В.В., Хаванов Е.И. Кому принадлежит молодежь? 100

Орчакова Л.Г. Женщины и женский вопрос в революционной
деятельности на рубеже XIX–XX веков 112

**Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки»,
2016, № 1 (21)..... 117**

Требования к оформлению статей..... 119

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Isakov V.A.* Correspondence of Ivan the Terrible
with Andrei Kurbski in the Development of Political Communication 8
- Salikhov E.R.* Pre-revolutionary Historiography of the Phenomenon
of Imposture (on the Example of Movement of False Dmitry II) 17
- Gontarev V.V.* Armed Resistance of Population of Smolensk Province
during Patriotic War of 1812 25
- Tokareva E.A.* The Russian Artistic Intelligentsia and Power:
Some Questions of Theory and History of Studies 36

Modern History of Russia

- Muzafarova N.I.* The Attitude of the Soviet Authority Towards Religion
(1917–1939)..... 44
- Karpov E.A.* Artillery Preparatory School as an Instrument of Postwar
Modernization in the USSR..... 51

General History

- Pavlov A.A.* Magistracy and Tribune of the Plebs
as Seen by Aulus Gellius: to the Issue of Systematization
of Roman Magistracy 58
- Krykin S.M.* Thracian Silver Rhyton with Gilding from Bulgaria..... 71
- Furtsev R.V.* The Empire and the Territorial States of Germany
in the Early Modern Period in the Context of the Formation
of the European System of States 78
- Agureev S.A.* From the History of Development of Russian-Ethiopian
Public and Cultural Relations at the End of XIXth – the Beginning
of XXth Century 90

Criticism. Reviews. Publicism

Ryabov V.V., Khavanov E.I. Whom does the youth belong to? 100

Orchakova L.G. Women and Women's Issue in Revolutionary
Activity at the Turn of XIX–XX Centuries 112

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies»,
2016, № 1 (21) 117

Style Sheet..... 119

История России: с древнейших времен до 1917 года

В.А. Исаков

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским в развитии политической коммуникации

В статье впервые в отечественной историографии рассматривается значение переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским в становлении и развитии политической рекламы и коммуникации в России. Исследование осуществлено на основе историко-типологического и сравнительно-исторического методов. Показано столкновение двух принципиально противоположных подходов в понимании сущности политической дискуссии, ее места в общественной жизни.

Ключевые слова: переписка; дискуссия; политическая коммуникация и реклама.

Факт переписки (1564–1579 гг.) бежавшего в Литву Андрея Курбского — человека из высшего эшелона власти — с самим русским монархом Иваном IV является беспрецедентным в отечественной истории. Он свидетельствовал о бурной политической жизни, отразившейся в пяти письмах (три Курбского и два Ивана Грозного), о крайнем напряжении в политической элите, о поисках объяснения сложившейся ситуации и выхода из нее, о необходимости внятно заявить свою позицию. Надо помнить и о том, что в идейной схватке сошлись два мощных литературных таланта, два идеолога. Этой переписке посвящена огромная литература, научная, научно-популярная и художественная. Нашей задачей является выявление и анализ тех ее эпизодов и элементов, которые служили целям политической рекламы и коммуникации в современном их понимании, но с учетом тех форм и особенностей, которые были присущи той эпохе. В таком разрезе переписка не рассматривалась, хотя исследователи сознавали, как пишет М.Д. Булавин, что «тесная связь литературы с жизнью породила особое внимание к слову как орудию политической борьбы. Неслучайно именно в это время особую популярность получает жанр послания, причем открытого послания. Эта тенденция достигает своей кульминации, когда

за перо берется сам царь Иван Грозный, чтобы в жанре открытого письма обосновать свои политические убеждения» [1: с. 3].

Имеет значение и то обстоятельство, что ранее подобная ситуация — заочная дискуссия — была, скорее всего, невозможна, поскольку после Ярослава Мудрого и его сына Всеволода на Руси князья нечасто отличались высокой образованностью, которая очевидна в случае с царем Иваном Грозным. Образованность Курбского была для своего времени тоже скорее исключением. Не было и такого феномена, как политическая эмиграция, хотя бегство за границу, точнее, переход к другому сюзерену, что являлось признанной феодальной нормой, было явлением нередким.

В основе первого письма Курбского лежит перечень упреков царю и перечисление своих достоинств и достижений: водил полки царские и всегда одерживал победы, страдал от ран, переносил разлуку с семьей. Присутствует постоянная апелляция к Богу как высшей и объективной инстанции. Памфлетный стиль посланий Курбского поддерживается чередой вопросов, содержащих обвинения в адрес царя: зачем истребил «сильных во Израиле?», «в чем провинились и чем прогневали тебя христиане — соратники твои?» [3: с. 119–121]. Андрей Курбский, без сомнения, сознавал, что его письмо станет известно широкому кругу читателей, в том числе сочувствующих ему, и позднее, в третьем послании, напишет об этом. Он фактически взялся быть выразителем их настроений, и в этой политической коммуникации в расчете на сочувствие и, возможно, взаимодействие проявилась новация, ранее невозможная, хотя примеры обращения через послания известны: например, широко расхоронившиеся письма старцев в дискуссии иосифлян и нестяжателей. Таким образом, политическая коммуникация во второй половине XVI века становилась действенным и опасным средством. И пользовался Курбский этим средством не в первый раз. Еще до отъезда (или бегства) в Польшу он обратился к старцам Печорского монастыря. Как пишет авторитетный исследователь эпохи Ивана Грозного Р. Скрынников, «в послании к печорским старцам Курбский нарисовал картину полного упадка и оскудения дворянства, бедственное положение купцов и землевладельцев, задавленных непомерными податями. Послание Курбского в Печорский монастырь позволяет заключить, что высшая знать, подвергшаяся гонениям и казням, готова была бросить вызов самодержавному монарху от имени всех чинов. На пороге полного разрыва с царем Курбский сознавал себя защитником как своей “братии” несправедливо гонимых князей и бояр, так и разоренного дворянства и низших сословий» [4: с. 314]. Для настоящего исследования важно то обстоятельство, что Курбский писал не только царю, но и широким кругам недовольных в России. Его послания и старцам, и царю становились объединяющим и вдохновляющим политическим манифестом.

Царь ответил письмом, в двадцать раз превышающим объем послания Курбского. Уже это свидетельствовало о том, что он сильно задел царя. Да и сам монарх сознался: «Писание твое принято и прочитано внимательно» [3: с. 125].

Концептуальное заявление царя содержится в самом начале письма и заключается в том, что «исполненное... истинного православия самодержавство Российского царства началось по божьему изволению». Сам он, царь Иван, «божиим повелением» воцарился. И в этом смысл «христианского смиренного ответа бывшему прежде истинного православного христианства и нашего самодержавия боярину и советнику, и воеводе, ныне же отступнику... и губителю христиан» [3: с. 122–123]. Добавлялось много других оскорбительных эпитетов и выражений: «отступившему от поклонения божественным иконам, и поправшему все освященные установления, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священные сосуды и образа», нарушившему «крестное целование», совершающему «злосебный собачий умысел», «измену, недоброжелательство и бессовестную нерадивость», «смердящему гнуснее кала» [3: с. 123, 127]. Надо признать, что подобными характеристиками и определениями царь Иван заметно продвинул вперед сферу политической дискуссии, которая является отправной точкой политической коммуникации. Далее царь, обильно цитируя и пересказывая в качестве аргументации в свою пользу Священное Писание, повторяет и нюансирует во множестве редакций свое первоначальное утверждение. Сам при этом сознает, что бесконечно повторяется: «Пишу все одно и то же». Но повтор является одним из приемов коммуникации для достижения цели. Иногда эти добавления и повторы существенны: «...мы не насилем добыли царство, тем более поэтому, кто противится такой власти — противится богу!». В свою политическую дискуссию-перепалку оба, как видно, настойчиво вовлекали Господа. Грозный заявлял, что его власть от Бога, и он, царь, не хочет быть «под властью попа и вашего злодейства», «кто тебя поставил судьей или властителем надо мной?» [3: с. 124, 127, 129, 131]. Если следовать этой логике, то нападки на царя есть нападки на Бога. А это уже сформулированная политическая позиция, озвученная в России и дошедшая до зарубежья. Это уровень превосходящий политическую рекламу, но требующий ее для подкрепления главного постулата. И Грозный выполняет эту задачу: «Царь не страшен для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро, а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит» [3: с. 129]. Чеканность подобных царских формулировок напоминает плакатный стиль. Они легко запоминаются, они однозначны, формально с ними трудно спорить. Такие требования предъявляются сегодня к политическому слогану, и, как видим, стиль успешно осваивается с давних пор. Даже есть чему поучиться.

В пылу полемики проскакивают интереснейшие цитирования, которые можно назвать теоретическими и которые не потеряли своего значения до сегодняшнего дня и уж точно должны учитываться в политической сфере. Иван Грозный обращает внимание на мысль, содержащуюся в соборном послании Иакова: «Язык — огонь, прикраса неправды, таково место языка в теле нашем, что все тело может он осквернить и опалить весь круг жизненный, и сам

опалюем ядом» [3: с. 130]. Весь стиль его послания говорит о том, что он осознает опасность, исходящую от слов и мыслей Курбского — выдающегося мастера языка.

Базовая идея Грозного о том, что власть его от Бога и неподсудна никому, кроме Бога, дополняется существенными соображениями. Одно из самых принципиальных звучит так: «многочачалие и многовластие» пагубны и многие страны погибали от этого. Царь усиленно пропагандирует единоначальную форму правления, пользуясь активно историческим материалом: «Какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители» [3: с. 134].

Другое соображение Грозного заключалось в том, что он не признает обвинений в истреблении своих соратников, а если и казнит, то это его историческое право: «А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить». Заявка была сделана однозначная и означала, что на попятную царь не пойдет. Этот посыл был услышан российской элитой и произвел тягостное впечатление. Грозный в качестве аргумента приводил горькие воспоминания своего детства: «Ни в чем нам воли не было», «когда же исполнилось нам пятнадцать лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава богу, управление наше началось благополучно». Далее Грозный формулирует политическую антирекламу на своих приближенных: самого Курбского, Алексея Адашева, Сильвестра, Дмитрия Курлятьева, — пытаюсь доказать их нелояльность, пренебрежительное к себе отношение, свою способность управлять самостоятельно.

Царь в своем ответе пользуется очень старым политическим приемом — он лжет: «Никаких козней для истязания христиан мы не придумываем, а, напротив, сами готовы пострадать ради них в борьбе с врагами не только до крови, но и до смерти» [3: с. 138, 139, 140–143, 155]. Многочисленные факты истязаний, пыток, казней были уже широко известны, и Грозный пытается оправдаться, отчетливо сознавая, что его ответ станет широко известен. Он фактически обращается к большой аудитории и пытается взять инициативу в свои руки в этом незримом, но в какой-то степени судьбоносном диалоге. Идет напряженная борьба за влияние на нее. Это обстоятельство во все времена было составной частью политической борьбы и в данном случае проявилось практически в классической форме.

Второе послание Курбского Ивану Грозному было названо им «Краткий ответ Андрея Курбского на препространное послание Великого князя Московского». Ответ на обширное первое письмо царя представляет собой фактически инструкцию о том, как писать политические тексты и вести политическую полемику. Курбский предельно четко уловил недостатки и промахи царского послания и сосредоточился на их критике, формулируя свой подход уже не столько к содержанию послания и его основным тезисам, а к тому, что должен представлять собой ответ в подобной ситуации. Прodelал Курбский

это изящно и убедительно, сохранив при этом свой блистательный литературный стиль. Он сознавал свои таланты: «А хотел, царь, ответить на каждое твое слово и мог бы написать не хуже тебя, ибо по благодати Христа моего овладел по мере способностей своим словом древних» [3: с. 164].

Первым и главным недостатком он считает то, что письмо царя «широковещательное и многошумное». Проистекает это от того, что «оно от неукротимого гнева с ядовитыми словами изрыгнуто». Иначе говоря, вести такую полемику, поддаваясь чувствам, нельзя. Думается, автор прав в этом утверждении и это актуально и для наших дней.

Далее Курбский обвиняет царя в начетничестве, неумении выбрать у цитируемых авторов главное. Грозный ссылается на их тексты «со многой яростью и злобой, не строчками и не стихами, как это в обычае людей искусных и ученых, когда случается им писать, в кратких словах излагая важные мысли, а сверх меры многословно и пустозвонно, целыми книгами» [3: с. 163]. И здесь Курбский прав: излишнее и затянутое цитирование отвлекает внимание читателей, даже раздражает, снижая эффект воздействия главной мысли, которая порой ускользает совсем. Политическая же коммуникация требует предельной четкости, без отвлечения на детали.

И Курбский подмечает этот досадный промах царя. Тот легко перескакивает с важных тем на мелочи: «Тут же и о постелях, и о телогрейках и иное многое». Царь забывает, что его письмо будут читать и «ученые и знающие люди», и «простые и дети», «а тем более посылать в чужую землю, где встречаются и люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику и философию» [3: с. 163]. Курбский фактически обвиняет царя Ивана в невежестве. Конечно, это было не совсем так: царь проявил свои немалые познания, но продемонстрировал также полное отсутствие культуры политической дискуссии, поскольку вырос и воспитался в условиях, где этому негде было учиться, а затем он привык быть единственным оратором. «Иван — один из лучших московских ораторов и писателей XVI века, потому что это был самый раздраженный москвич того времени, — писал В.О. Ключевский, — не считающимся с мнением других и построение и смысл своей речи не подлежащими критике» [2: с. 178]. И уж тем более он не привык учитывать мнение хоть и просвещенной, но далекой зарубежной аудитории. Похоже, Курбский приоткрыл царю глаза на это обстоятельство. В итоге второе послание Грозного будет по объему равно первому письму Курбского, т. е. будет в двадцать раз меньше собственного первого. Царь смог сделать надлежащие выводы, и это тоже было частью политической реальности, по крайней мере, в переписке. Таким образом, в какой-то мере изменения произошли. Когда царь получил второе послание Курбского, неизвестно, и получил ли вообще, но косвенным доказательством, что все-таки получил, служит стиль второго послания Грозного: краткий, менее эмоциональный, менее пафосный и при этом более эффективный. Точно известно только то, что свое второе послание, не надеясь, что

оно дошло в первый раз, Курбский присовокупил к третьему, найдя и в этом обстоятельстве повод для уязвления царя: даже письма до тебя не доходят, так крепко ты закрыл от внешнего мира страну [3: с. 172].

Следует еще раз обратить внимание на то, что авторы, по крайней мере, Курбский, отчетливо сознавали, что факт их переписки не является частным делом, а известен широкому кругу современников и в России и за рубежом. Этим осознанием они отдавали себя, свои заявленные позиции на их суд, что является логичным следствием публичности факта. И те элементы политической рекламы, которые ощутимо присутствовали в посланиях, тоже адресовались многочисленным свидетелям словесной дуэли.

Курбский не только поучал царя, как нужно обращаться с цитированием, но и показывал пример этого: «Вместо того, чтобы утешить меня, пребывающего во многих печалях, словно забыл ты и презрел пророка, говорящего: “Не оскорбляй мужа в беде его, и так достаточно ему”» [3: с. 163]. Выпукло поданная мысль в цитате, отсутствие лишнего контекста резко повышала ее «убойность». Она легко запоминалась и могла быть использована читателями. И даже в финальной части второго послания, когда пафос повысился, и Курбский переносил их спор перед «престолом Христа», он не удержался от поучения относительно манеры ведения дискуссии: «Скажу, что не подобает мужам благородным браниться, как простолюдинам, а тем более стыдно нам, христианам, извергать из уст грубые и гневные слова, о чем я тебе не раз говорил и раньше» [3: с. 164]. Получалось, что царь был в курсе хороших политических манер, но урока не усвоил.

В своем втором послании Грозный, по сути, повторил тезисно то, что содержалось в первом. Звучало это так: «Вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили, как хотели, а меня устранили от власти: на словах я был государь, а на деле ничем не владел» [3: с. 166]. Аргументы своим оценкам царь увидел в победах русского оружия в Ливонской войне, в том, что «провидение обратило на нас свою милость». И завершает царь свое второе послание наглядной, по его мнению, и действительно впечатляющей на тот момент политической презентацией успехов: «Писано в нашей отчине Ливонской земле, в городе Вольмере (откуда было отправлено первое послание Курбского. — *В.И.*), в 7086 году (1577 г.), на 43-м году нашего правления, на 31-м году нашего Российского царства, 25-м — Казанского, 24-м — Астраханского» [3: с. 105]. Реклама и вправду получилась убедительной, но только на время. Уже в 1579 году русские войска будут вытеснены из Прибалтики, и у царя не будет оснований заявить: «Писано в нашей отчине Ливонской земле». Примечательно, что царь пользовался таким приемом неоднократно. В частности, в Послании шведскому королю Юхану III в 1572 году, т. е. четырьмя годами раньше он таким же образом закончил послание. Для политической рекламы повтор базовых позиций имеет большое значение, и Иван Грозный смог уловить этот нюанс и был по-своему прав.

Третье послание Курбского Ивану Грозному называлось «Ответ царю Великому Московскому на его второе послание от убогого Андрея Курбского, князя Ковельского». С учетом изложения в предыдущем письме Грозного его полного царского титула, Курбский делает хитрый ход в политической дуэли: опускает «титул свой великий и пространный», показывая этим, что не титулы являются главным предметом в их противостоянии [3: с. 168].

Курбский берет под защиту своих единомышленников, в частности протопопа Сильвестра, который много лет пытался, по его словам, врачевать душу Грозного: «Преподобный, ради трудноизлечимого недуга твоего, прибежал к пластырям: то язвительными словами осыпал тебя и порицал и суровыми наставлениями словно бритва вырезал твои дурные обычаи... Ты же не вспомнил о том. А порой он словно уздой крепкой и поводьями удерживал невоздержанность твою и непомерную похоть и ярость» [3: с. 169–170]. Перед нами урок политического воспитания в ходе полемики. Имея возможность ничего не скрывать, Курбский говорит правду, к которой царь не привык или от которой давно отвык. Собственно царская трактовка прошедших событий дополняется новой, противоположной и предельно некомфортной для него. Даже если он ее отвергает, он будет ее знать в неприкрытой, откровенной форме, что тоже значило немало. Еще значимее было то обстоятельство, что известна она будет множеству посторонних людей, неподвластных царю. И неистовая натура Ивана Грозного должна была отреагировать каким-то образом на это обстоятельство. Практика показала, что он адекватных выводов не сделал. На третье послание Курбского царь уже не ответил.

В этом послании Курбский перечисляет свои дела уже после бегства из России, которыми он гордился и которые были противоположностью того, что творил Грозный. Он, Курбский, не разорял и не жег православных церквей. Командуя войсками, он отказался идти в поход на Россию в союзе с крымским ханом, «несмотря на повеление королевское». «Потом и сам король удивился и похвалил меня», — пишет Курбский.

Прекрасный, как и царь, знаток библейской и русской истории, он, перечислив случаи, когда московские князья выступали как изменники Руси и как убийцы, делает вывод-приговор: «И тот ваш издавна кровопийный род» [3: с. 171]. Политическая дуэль перешла на высокие беспощадные ноты, хотя и до этого не отличалась мягкостью. Финальные оценки Курбским Ивана Грозного звучат пророчески: «Ныне в какую бездну глупости и безумия развращения низвергнут ты из-за своих мерзких маньяков и лишился здравого смысла!» Используемые Курбским определения однозначны по смыслу и чеканны по форме: «лютость твоей власти»; «поучись у мудрейших и покори и подчини в себе звериную часть божественному образу и подобию».

Курбский вновь возвращается в конце третьего послания к общественному резонансу от их переписки: «А если в непомерной гордости и зазнайстве думаешь про себя, что мудр и что всю вселенную можешь поучать, пишешь

в чужие земли чужим слугам, как бы воспитывая их и наставляя, то здесь над этим смеются и поносят тебя» [3: с. 175, 178]. Коммуникация, видимо, срабатывала не так, как бы хотел Грозный. Явное игнорирование осведомленности аудитории, которая могла знать о содержании переписки, свидетельствует об определенной, даже значительной, неопытности царя в части диспутов и повышенном самомнении. К тому же Курбского нельзя было, как пастора в завоеванной Прибалтике, ударить, сидя при этом на лошади, грязно обозвать и поехать прочь. Этот эпизод хорошо изложен В.О. Ключевским: «В 1577 г. на улице в завоеванном ливонском городе Кокенгаузене он благодушно беседовал с пастором о любимых своих богословских предметах, но едва не приказал его казнить, когда тот неосторожно сравнил Лютера с апостолом Павлом, ударил пастора хлыстом по голове и ускакал со словами: “Поди ты к черту со своим Лютером”» [2: с. 179]. Этот эпизод наглядно демонстрирует фундаментальную неготовность царя к равноправному диалогу и пониманию значения политической коммуникации.

Финал переписки складывался явно не в пользу русского царя. Аргументы Курбского были убедительнее, понятнее, эффективнее. Политическая реклама непривычных царю ценностей была доступнее для достаточно широкого круга предполагаемых читателей, чем многословные отступления монарха к библейским сюжетам. Переписка стала известна широким слоям и в России, и в Польше, и Литве, и, скорее всего, в других европейских странах. Она подтвердила то, что значение политической рекламы, коммуникации и PR становилось все ощутимее. Пренебрежение этой сферой политического бытия могло иметь драматические последствия. Этот вывод актуален и по сей день.

Литература

1. Булавин М.Д. Переводы и послания Максима Грека. Л.: Наука, 1984. 280 с.
2. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 2: Курс русской истории. М.: Мысль, 1988. 448 с.
3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / АН СССР; [отв. ред. Д.С. Лихачев]; текст подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. Л.: Наука, 1979. 431 с.
4. Скрынников Р. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: в 2 т. Смоленск: 1996. Т. 1. 438 с.; Т. 2. 427 с.

Literatura

1. Bulavin M.D. Perevody' i poslaniya Maksima Greka L.: Nauka, 1984. 280 s.
2. Klyuchevskij V.O. Sochineniya: v 9 t. T. 2: Kurs russoj istorii. M.: My'sl', 1988. 448 s.
3. Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim / AN SSSR; [otv. red. D.S. Lixachev]; tekst podgot. Ya.S. Lur'e, Yu.D. Ry'kov. L.: Nauka, 1979. 431 s.
4. Skry'nnikov R. Velikij gosudar' Ioann Vasil'evich Grozny'j: v 2 t. Smolensk, 1996. T. 1. 438 s.; T. 2. 427 s.

V.A. Isakov

**Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbski
in the Development of Political Communication**

For the first time in domestic historiography the article considers the importance of the correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbski in the formation and development of political advertising and communications in Russia. This study was carried out on the basis of historical — typological and comparative — historical methods. The author shows the clash of two fundamentally opposing approaches in understanding of the essence of political discussion, its place in public life.

Keywords: correspondence; discussion; political communication and advertising.

Э.Р. Салихов

Дореволюционная историография феномена самозванчества (на примере движения Лжедмитрия II)

В статье осуществляется комплексный анализ дореволюционной отечественной историографии, посвященной феномену самозванчества на примере движения Лжедмитрия II, его личности и особенностей деятельности.

Ключевые слова: историография; самозванец; Лжедмитрий II.

Несмотря на достаточно активную разработку историками проблем Смутного времени, изучение феномена самозванчества и личности Лжедмитрия II, их анализ, квалификацию, типологизацию, т. е. историко-теоретическую проработку, можно признать недостаточным. За значительный период времени можно выделить лишь работу И.О. Тюменцева [11], которая, на наш взгляд, при всем уважении к автору не исчерпывает проблематики деятельности данного исторического персонажа.

Начиная, например, с происхождения самого Лжедмитрия II, можно сказать, что мы располагаем крайне незначительным числом свидетельств на этот счет. Подобное обстоятельство не могло не сказаться на освещении данного вопроса в историографии, но весьма слабо отразилось на экспертно-методологической оценке самого явления самозванчества.

В частности, В.Н. Татищев, придававший большое значение иностранному вмешательству, считал, что самозванец был поляком, и поэтому роль иностранного государства в «Смуте» была велика.

Д.П. Бутурлин полагал, что самозванца звали Иваном, который был родом из России, но жительство имел в белорусском городе Сокол и занимал место учителя при детях священника.

Н.И. Костомаров отмечал, что «по одним известиям, Лжедмитрий II назывался Богданом и был литвин, по другим — крещеный, по третьим — некрещеный еврей, по четвертым — сын Курбского, по пятым — его отыскал в Киеве путивльский поп Воробей, по шестым — его выслала в Московское государство жена Мнишека, по седьмым — он был родом стародубец и учил детей сначала в Шклове, а потом в Могилеве» [5: с. 321].

Как видим, единой точки зрения на происхождение Лжедмитрия II нет, но сама неопределенность его личности многое дает нам для понимания той роли, которую он сыграл в тяжелый период существования Московского

государства. То, при каких обстоятельствах он появился на исторических подмостках, уже служит поводом для размышлений.

В.Н. Татищев отмечал, что самозванец, придя в Стародуб, назвался не царем Димитрием, а Андреем Андреевым сыном Нагим: «прииде в Стародуб новый вор и назвался Андреем Андреевым сыном Нагим, да с ним товарищ, московской подъячей Алексей Рукин. И сказали в Стародубе, что они присланы от царя Димитрия» [10: с. 303].

Такой же точки зрения придерживались и другие дореволюционные историки — Д.П. Бутурлин и Н.И. Костомаров: «... онъ наконецъ объявилъ, что подъ именемъ Нагаго скрывается самъ Димитрій, чудесно спасенный отъ измены Московскихъ жителей, которые будто бы вместо его убили какого-то Немца, по имени Арцъкарлуса» [2: с. 89].

Но они, в отличие от В.Н. Татищева, связывали появление самозванца с семьей Мнишеков: «Михайло Молчанов, убежавши из Москвы, прибыл в Самбор и в соумышлении с женою Мнишека начал приискивать нового самозванца. Он поручил Болотникову собирать против Шуйского силы русского народа, уверяя всех и каждого, что Димитрий спасся от смерти в Москве и явится снова отнимать свой престол у похитителя. И новый названный Димитрий явился в Стародуб... Рассказывают, что самозванец, вышедший из литовских владений в Московское государство, по внушению агента жены Мнишека Меховецкого, не решился сразу назвать себя царем, а назвался дядею Димитрия Нагим. Пришедши в Стародуб вместе с подъячим Алексеем Рукиным, он объявлял, что сам он Нагой, а за ним идет Димитрий с паном Меховецким» [5: с. 321].

Кроме того, к ближайшему окружению второго самозванца В.Н. Татищев относил польско-литовских панов, которые примкнули к нему, когда он вторгся в Московское государство: «К вору ж оному пришел ис Польши полковник Лисовской с войском, и он, с ними совокупясь, осадил Брянск, чрез что в городе учинился голод великой. К нему ж пришли козаки... Вор пошел к Орлу. В Орле же его приняли с честью, и тут он зимовал. Ту зиму пришел к нему ис Польши гетман Ружинской с войском в ночь» [10: с. 304].

Н.И. Костомаров, напротив, сначала к ближайшему окружению самозванца относил людей, его нашедших, — Михайло Молчанова и жену Юрия Мнишека. Вскоре к нему стали примыкать большие массы людей: «Немедленно к нему стеклось до трех тысяч русских с Северской земли. Пришел выславший его Меховецкий с отрядом украинской вольницы, дожидавшийся на границе, что станется с самозванцем, когда он объявит о себе русским. Потом пристал к нему донский атаман Заруцкий, родом из Червонной Руси, отправленный Болотниковым искать Димитрия. Меховецкий разослал в Польшу письма и извещал, что Димитрий явился, что пришла для поляков пора военной славы и мщения за убитых в Москве. По этим письмам один за другим прибыли к самозванцу паны Адам Вишневецкий, Хруслинский, Хмелевский, Валавский, Самуил Тишкевич и самый сильный

князь Роман Рожинский. У всех было по значительному отряду вольницы, человек до тысячи в каждом, а у Рожинского более четырех тысяч. Кроме того, князь Рожинский был человек с весом, и его войско увеличивалось с каждым днем новыми пришельцами. Тут были преступники, так называемые “банниты”, осужденные за разные своевольства и избегавшие законной казни, проигравшиеся и пропившиеся шляхтичи, которым ради насущного хлеба надобно было приняться за какое-нибудь ремесло, а по тогдашним польским понятиям только военное ремесло и было достойно шляхетского звания. Были здесь и неоплатные должники, бежавшие от займодавцев, наконец, были и такие молодцы, для которых было все равно, в какую бы сторону ни отправиться, лишь бы весело пожить, а по их понятиям весело пожить значило грабить, разорять и вообще делать кому-нибудь вред. Шайка увеличивалась и поляками, и русскими. Пришли к самозванцу паны Млоцкий, Александр Зборовский, Выламовский, Стадницкий и отважный богатырь Ян Сапега, племянник канцлера Льва, осужденный в отечестве за буйство. Все они привели с собою отряды вольницы под названием гусар и казаков» [5: с. 323].

Исходя из этого, видно, что историк отмечал значимость поляков в армии самозванца, но в то же время не игнорировал роли местного населения, составлявшего костяк его войска.

Отечественные историки пытались, упоминая иностранное присутствие в окружении Лжедмитрия II, прежде всего определить степень самостоятельности этой фигуры.

В частности, В.Н. Татищев отмечал, что самозванец был самостоятелен, хотя вторгся в Московское государство с помощью московского подьячего Алексея Рукина. А уже потом к нему только начали примыкать польско-литовские и казацкие отряды.

По мнению Д.П. Бутурлина, самозванец определенно зависел от польских панов, хотя напрямую он об этом не говорит, видя целями мятежников наживу и «удовлетворение низких страстей».

Иной точки зрения придерживался Н.М. Карамзин. Являясь просвещенным консерватором по своим убеждениям, он поддерживал традиционную точку зрения, что Лжедмитрий II был ставленником польско-литовской шляхты и в борьбе с Шуйским опирался главным образом на польские отряды.

Напротив, по мнению Н.И. Костомарова, самозванец водворился в Стародубе без помощи извне, и поляки играли роль наемников в его лагере. Он выдвигал на первый план внутривосточную борьбу и в связи с этим видел инициаторами смуты вооруженные группы неопределенного социального статуса: «Главная сила вора состояла тогда в казачестве, которое стремилось к ниспровержению прежнего порядка и установлению казачьей вольности» [5: с. 325].

В связи с этим важно добавить, что не только личность самозванца оказалась весьма туманной, но достаточно неопределенным по своему составу и характеру было и его непосредственное окружение.

Хотя само собой разумеется, что наиболее активно, исходя из исторических традиций межгосударственных отношений того времени, отечественные историки пытались высветить связь Лжедмитрия II именно с поляками.

Д.П. Бутурлин отмечал небрежное отношение поляков к самозванцу: «Служившие ему Поляки признавали его Государем только по имени а в самом деле вовсе не уважали его. В недавнее еще время, Рожинский не усумнился в его присутствии ударить по щеке и бить палкою любимца его Вишневецкаго, а Самуил Тишкевич самага его ругал в глаза и называл лгуном и мошенником. Он все переносил и сделался предметом общаго презрения» [3: с. 61].

Того же мнения придерживался и Н.И. Костомаров: «Никто не верил, чтобы Димитрий был настоящим. Князь Рожинский отстранил Меховецкого, принял звание гетмана и начал так помывать названным царем, что последний два раза хотел убежать от чести называться царем, но его возвращали и принуждали снова играть взятую роль. В третий раз в отчаянии он начал пить водку, которой прежде не пил, хотел допиться до смерти, но это ему не удалось, и он решил предаться своему жребию» [5: с. 323].

Кроме того, поляки, освоившись в стане Лжедмитрия II, нарочито агрессивно относились к конфессиональной идентификации местного населения, что объективно служило хаотизации социального пространства: «Поляки умышленно оказывали пренебрежение к святыне, загоняли в церковь скот, кормили собак в алтарях, шили себе штаны из священнических риз, клали мясо на церковную утварь и разгулявшись, для забавы приказывали монахам и монахиням петь срамные песни и плясать» [5: с. 326].

Как и Д.П. Бутурлин, историк указывает на пренебрежительное отношение поляков к самозванцу: «Поляки в глаза обзывали самозванца обманщиком и вором и кричали на него так, что он прятался от них» [5: с. 326].

Правда, В.О. Ключевский выдвигал на первый план в окружении самозванца не только польско-литовских панов: Меховецкого, Зеновича, Рагозу, — но и казацкого атамана Ивана Заруцкого, будущего тушинского «боярина» и главу казачьего приказа. В.О. Ключевский выделял его, так как рассматриваемые им события Смуты связаны с внутривосточной борьбой, а Заруцкий и ему подобные были непосредственными политическими противниками Шуйского и его окружения.

Е.Ф. Шмурло предлагал свою точку зрения на ближайшее окружение Лжедмитрия II. По его мнению, в окружение и армию самозванца входили «беглые холопы и крестьяне; гуляющий народ — донские и запорожские казаки и польские шляхетские отряды, участвовавшие в рокоше (вооруженном бунте против короля), люди тоже выбитые из колеи, кто был осужден на изгнание и волей-неволей шел на стороне искать себе счастья (известный наездник Лисовский со своими “лисовчиками”), кто — просто не желал выпускать сабли из рук, выжидая подходящего случая пустить ее поскорее в дело (пан Рожинский)» [12: с. 236–237].

Крайне важно, что Е.Ф. Шмурло, определяя цели сторонников самозванца, уделял большое внимание людям «выбитым из колеи», т. е. акторов с расплывчатой социальной диспозицией.

Возможно, здесь сказывалось и влияние его учителя К.Н. Бестужева-Рюмина: «Всего войска у самозванца набралось до 7000 поляков, до 8000 казаков, под начальством Заруцкаго; были, кроме того, еще нестройныя толпы холопов и разных беглых» [1: с. 256–257].

По словам же С.Ф. Платонова, стародубцы, уверовавшие в самозванца, появившегося в Стародубе, стали помогать ему деньгами и рассылать о нем грамоты другим городам. Под знаменами Лжедмитрия II собрались северские мятежники; вокруг него сформировалась дружина, но не земская; состояла она из польских авантюристов и всяких проходимцев. Таким образом, самозванец постепенно накапливал силы, собирал большую армию: «...уже в конце августа у него были ратные люди из Речи Посполитой с вождами Меховецким и Будзилом. Эти паны приняли руководство всеми вообще военными силами Вора, в составе которых были и московские украинные “воровские” казаки. Так с самого начала действий Вора первенство при нем получили поляки и Литва, и Вор стал смотреть из их рук. С течением времени, и при том довольно скоро. Уже в начале 1608 года, к Вору стеклось много польско-литовских “полков”, потому что тогда в Речи Посполитой, благодаря “рокошу” было немало готовых к походу отрядов — как людей, которые ходили за короля на рокошан, так и самих рокошан. Последние спасались от королевской репрессии в Московское государство, чая себе там безопасности, добычи и славы» [8: с. 418].

Итак, при самозванце образовалось значительное польско-литовское войско, гетманом которого с весны 1609 года стал Рожинский.

«К этому основному ядру армии Вора примкнули и русские (точнее — московские) отряды. Они, конечно, не могли сравниться по степени военного искусства с правильными польскими “ротами” и представляли собой иррегулярные войска; но, накапливаясь постепенно при Воре, они все-таки образовали собой большую рать, с определенным боевым устройством и с излюбленными вождями “атаманами”. В эту рать вошли, прежде всего, “ратные и жилецкие люди” тех мест (Северской украины), где появился и получил первое признание Вор. Затем, к Вору пристали те части войска Болотникова, которые избежали тульской осады или спаслись из Тулы до ее сдачи; таковы были “станции” атамана Ивана Заруцкого. Далее, к Вору приходили случайные ватаги бродячих казаков с Дона и Днестра. Наконец, с самого начала 1608 года литовский выходец, изгнанник, “отсуженный своей чести” за рокош, Александр Лисовский, начал свою операцию сбора Тульской “бежи”. Он обошел всю московскую украину, собирая по дорогам остатки войск Болотникова, отпущенные Шуйским из Тульского плена на юг. Из этого сброда он составлял боевые отряды, снабжая их оружием и провиантом из взятых им украинных

крепостей. В результате “собралось с ним тридцать тысяч русских украинских людей”. Он как бы возродил к новой деятельности только что уничтоженное Шуйским войско Болотникова и привел его на службу Вору» [8: с. 419].

Как видим, С.Ф. Платонов очень подробно разбирает состав войска Лжедмитрия II, делая акцент на разнородных по своему составу и национальности отрядах.

Таким образом, мнения историков по поводу окружения самозванца неоднозначны в деталях, но в главном они сходятся: окружение и войско Лжедмитрия II имели крайне неоднородный, неопределенный характер.

Хотя, по мнению С.М. Соловьева, самозванец водворился в Стародубе без какой-либо значительной помощи извне и поляки играли роль наемников в его лагере. Историк на первый план выдвигал внутривосточную борьбу и события, и в связи с этим считал целью подручных самозванца произвести смуту в Московском государстве, свергнув Шуйского с престола: «Осажденные два раза отправляли гонца в Польшу, к друзьям Мнишка, чтобы те постарались немедленно выслать какого-нибудь Лжедмитрия, в отчаянии писали к ним: “От границы до Москвы все наше, придите и возьмите, только избавьте нас от Шуйского”» [9: с. 61].

Интересно: Е.Ф. Шмурло и С.Ф. Платонов отмечали, что в отличие от первого Лжедмитрия не он руководил толпами своих сторонников и подданных, а напротив, они его влекли за собою в своем стихийном брожении, мотивом которого был не интерес претендента, а собственные интересы его отрядов [8: с. 417].

«Служа самозванцу, они и не думали ни о каких политических или династических целях. В лице стародубского вора явился поэтому не представитель династии или известного государственного порядка, а простой вожак хищных шаек двух национальностей, русской и польской, — шаек, которых манила к себе Русь своей политической слабостью и шаткостью русского общества... Первый самозванец восстанавливал династию, а второй ничего не восстанавливал, он просто воровал» [6: с. 304].

Более того, Е.Ф. Шмурло считал самозванца разбойником и поэтому полагал, что его шайки хотели просто ограбить, разорить Московское государство. С.Ф. Платонов считал самозванца марионеткой в руках своего окружения и поэтому приносил ему роль в Московском государстве.

К.Н. Бестужев-Рюмин, как и Е.Ф. Шмурло, определял цели польских захватчиков как преимущественно разбойничьи, корыстолюбивые: «Желающих служить самозванцу нашлось в Польше много: прекратившийся мятеж (рокош) Зебжидовскаго оставил много охотников до военных приключений. Желание мести за убитых в Москве поляков было столь же сильною побудительною причиною, как и охота к приключениям и ожидание богатой добычи: слухи о богатстве московской казны и расточительность первого самозванца привлекали охотников легкой наживы» » [1: с. 254].

По мнению С.Ф. Платонова, полякам нетрудно было запугать шкловского бродягу и заставить его называться именем Андрея Нагого, так как в это время он был очень беден, бессилен, поэтому поляки держали его в страхе, подчинив себе. Они обращались с самозванцем дурно, казаки также относились к нему так, как к своим собственным самозванцам, которых они в то время научились фабриковать во множестве. Социальная опора его была неотчетлива, так как имела разнородный состав, разную религию, вкусы и обычаи.

Подводя итоги историографического анализа трудов отечественных дореволюционных историков, посвященных феномену самозванчества, следует отметить определенные характерные черты, присущие изучению данного явления.

С одной стороны, характер историографического подхода отличается «наивной» проблематизацией, повторяющей в нарративном изложении содержательную конфигурацию источников и фактически игнорирующей главное условие принципа историзма — теоретико-методологическую экспертизу пространства изучаемого.

С другой стороны, можно отметить следующие, на наш взгляд, важные историографические результаты. Лжедмитрий II выступает «туманной» личностью в истории, о чем уже упоминалось ранее, но не потому, что до нас дошло лишь незначительное число источников, а в силу того, что самозванец по своей сути был фигурой неоднозначной и неопределенной. Об этом говорит множество фактов из его жизни и деятельности. При этом неопределенность происхождения, окружения, намерений самозванца дополнительно подчеркивает неопределенность природы самой фигуры Лжедмитрия II. Если взять, например, окружение самозванца, то большинство людей, которые объединялись вокруг него, были людьми маргинальными, т. е. «людьми с обочины», без каких-либо «длинных» целей и культурных ограничителей, «выбитыми из колеи» и искавшими взаимной поддержки. Эта характеристика в полной мере касается и «казаков», и «рокошан». На наш взгляд, загадка второго самозванца во многом связана с неопределенностью, маргинальностью того социального субстрата, в рамках которого он выдвинулся или оказался выдвинутым в лидеры.

Литература

1. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Феодоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Август. С. 245–295.
2. *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России в начале XVII века. Часть вторая. СПб.: В типографии А. Бородина, 1841. 430 с.
3. *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России в начале XVII века. Часть третья. СПб.: В типографии К.И. Жернакова, 1846. 516 с.
4. *Ключевский В.О.* О русской истории. М.: Просвещение, 1993. 576 с.
5. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: ЭКСМО, 2006. 1024 с.

6. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск: АО Фолиум, 1996. 364 с.
7. *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории. СПб.: Наука, 1997. 430 с.
8. *Платонов С.Ф.* Смутное время. СПб.: Лань, 2001. 460 с.
9. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 8. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1896. 1726 с.
10. *Татищев В.Н.* История Российская: в 7 т. Т. 6. М.; Л.: Наука, 1966. 482 с.
11. *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999. 600 с.
12. *Шмурло Е.Ф.* История России: IX–XX вв. М.: Аграф, 1997. 736 с.

Literatura

1. *Bestuzhev-Ryumin K.N.* Obzor soby'tij ot smerti czarya Ioanna Vasil'evicha do izbraniya na prestol Mixaila Feodorovicha Romanova // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya. 1887. Avgust. S. 245–295.
2. *Buturlin D.P.* Istoriya Smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka. Chast' vtoraya. SPb.: V tipografii A. Borodina, 1841. 430 s.
3. *Buturlin D.P.* Istoriya Smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka. Chast' tret'ya. SPb.: V tipografii K.I. Zhernakova, 1846. 516 s.
4. *Klyuchevskij V.O.* O russkoj istorii. M.: Prosveshhenie, 1993. 576 s.
5. *Kostomarov N.I.* Russkaya istoriya v zhizneopisaniyax ee glavnejshix deyatelej. M.: E'KSMO, 2006. 1024 s.
6. *Platonov S.F.* Polny'j kurs lekcij po russkoj istorii. Petrozavodsk: AO Folium, 1996. 364 s.
7. *Platonov S.F.* Uchebnik russkoj istorii. SPb.: Nauka, 1997. 430 s.
8. *Platonov S.F.* Smutnoe vremya. SPb.: Lan', 2001. 460 s.
9. *Solov'ev S.M.* Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. T. 8. SPb.: Tovarishhestvo «Obshhestvennaya pol'za», 1896. 1726 s.
10. *Tatishhev V.N.* Istoriya Rossijskaya: v 7 t. T. 6. M.; L.: Nauka, 1966. 482 s.
11. *Tyumencev I.O.* Smuta v Rossii v nachale XVII stoletiya: dvizhenie Lzhedmitriya II. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. 600 s.
12. *Shmurlo E.F.* Istoriya Rossii: IX–XX vv. M.: Agraf, 1997. 736 s.

E.R. Salikhov

Pre-revolutionary Historiography of the Phenomenon of Imposture (on the Example of Movement of False Dmitry II)

The article made a comprehensive analysis of prerevolutionary Russian historiography devoted to the phenomenon of imposture on the example of movement of False Dmitry II, his personality and characteristics of activity.

Keywords: historiography; an impostor; False Dmitry II.

В.В. Гонтарев

Вооруженное сопротивление населения Смоленской губернии в период Отечественной войны 1812 года

Статья посвящена анализу архивных материалов и воспоминаний участников Отечественной войны 1812 года, позволяющих расширить знания о борьбе народа за освобождение Смоленской губернии. В работе рассматриваются вооруженные формирования ее жителей, а также их количество, его соотношение с общей численностью населения, дается их систематизация, оценка результатов их деятельности и степени наносимого врагу ущерба. Историографический обзор научной литературы позволяет проследить хронологию освещения данной темы в трудах отечественных историков.

Ключевые слова: вооруженные формирования жителей; Смоленская губерния; 1812 год.

Роль населения в Отечественной войне 1812 года не раз становилась предметом исследования отечественных историков. Среди многочисленных работ XIX – начала XX веков особое место занимают труды и мемуары участников военных действий и непосредственных очевидцев событий 1812 года: А.И. Михайловского-Данилевского [24], Д.П. Бутурлина [9], Ф.Н. Глинки [12], А.П. Ермолова [17], Н.А. Мурзакевича (отца Никифора) [25], И.П. Липранди [22], Н.И. Андреева [2], И.П. Лесли [20], Д.В. Давыдова [15] и др. Существуют многотомные исследования М.И. Богдановича [8], фундаментальная монография В.М. Вороновского [11], а также труды В.И. Грачева [14], А.Г. Слезскинского [29], Н.П. Жерве [18], С.П. Писарева [27], в которых содержится значительное количество фактической информации.

Среди работ советского периода выделяются монографии Е.Ф. Тарле [32], П.Г. Андреева [3], Л.Н. Бычкова [10], В.И. Бабкина [4], Л.Г. Бескровного [7]. По мнению данных авторов, сопротивление населения в тылу врага играло важную роль в войне, существенно ослабляло противника, отвлекало на себя значительные силы наполеоновских войск. «Грабежи и расправы с населением, породившие народную войну, превратили тыл французской армии в новый фронт...» [7: с. 117]. В период перестройки, гласности, уменьшения влияния идеологии и цензуры в отечественной исторической науке появились более широкие возможности всестороннего анализа различных аспектов участия населения в военных действиях. Например, в трудах Л.В. Мельниковой, в частности, в работе «Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года», дается анализ роли духовенства в работе с широкими слоями населения и армии. Автор приводит фактические

данные о деятельности представителей церкви в отрядах сопротивления в Смоленской губернии [23: с. 20–21].

В 2005 году была издана работа О.Н. Лесли, в которой автор собрал значительный фактический материал о деятельности отряда Лесли в Смоленской губернии [21]. Среди исследований Отечественной войны 1812 года постсоветского периода можно выделить работы А.И. Попова, где с новых позиций рассматриваются вопросы вооруженного сопротивления населения французам, в том числе в Смоленской губернии. Автор утверждает: «Если крестьяне чувствовали за спиной поддержку русских властей и войск, они смело вели себя перед лицом противника» [28: с. 707]. В статье А.П. Нахимова «Народная война на Смоленщине в 1812 году» приводятся фактические данные о борьбе жителей Сычевского уезда (Нахимов А.П. Народная война на Смоленщине в 1812 // 1812 год: война и мир: мат-лы III Междунар. конфер. Смоленск, 2010. URL: http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3910).

Вместе с тем известные нам сведения об участии жителей Смоленщины в вооруженном сопротивлении французам в 1812 году, представленные в работах отечественных исследователей, требуют сегодня дополнительного анализа и уточнения. Документы фондов Российского государственного военно-исторического архива, например, позволяют расширить представление о формах вооруженного сопротивления населения Смоленщины в 1812 году, количестве участников соединений, характере отрядов, групп и степени наносимого ими ущерба противнику.

Жители Смоленщины испытали всю тяжесть вторжения французских захватчиков и трехмесячной оккупации. Из двенадцати уездов Смоленской губернии восемь были заняты противником [11: с. 261]. Вторжение армии Наполеона и поведение захватчиков на оккупированной ими территории вызывало у значительной части населения чувство возмущения, оскорбления и ненависти. Особенно поражали многих варварские убийства мирных жителей и военнопленных [32: с. 290], «бесчинства и разбои» [17: с. 235], мародерство, надругательство над женщинами [28: с. 416], разорение православных храмов, осквернение христианских святынь [11: с. 293]. Об этом свидетельствуют воспоминания очевидцев, в том числе французских: «...виновато во всем невнимание Наполеона к религиозному духу русского народа. Из неуважения французов к... церквям русские заключили, что французы посягают на веру, и, конечно, не знали за то пределов своей ненависти к неприятелю» [16: с. 57]. Эти и другие факторы привели к тому, что Наполеона повсеместно в народе называли «антихристом», а его солдат «басурманами», «чертями» [1: с. 8].

Действия русской армии в Смоленской губернии поддерживались местным населением. О его настроениях и помощи пишет в «Записках 1798–1826 гг.» А.П. Ермолов: «Здесь, в Смоленской губернии, готовы были видеть в нас избавителей. Невозможно было изъявлять... более... живейшего усердия..., предлагая содействовать, ни собственности не жалея, ни жизни самой не щадя!» [17: с. 15].

Для борьбы с захватчиками мирные жители вынуждены были объединяться и вооружаться. Разобщенные до войны представители разных сословий сплотились, как бывало на Руси, перед лицом общей опасности. «Общая опасность и общие надежды сделали русских членами одной семьи» [8: с. 416]. Сопротивление населения Смоленской губернии имело различные формы. Весь народ поднялся на защиту Отечества. Многие жители воевали в составе русской армии, было организовано Смоленское ополчение, в которое вступило более 20 тыс. чел. [11: с. 255]; (РГВИА. Ф. 31 (Комитет, учрежденный при 5-м отделении инспекторского департамента для решения дел, переданных из военной коллегии). Оп. 3/129. Д. 25. Л. 5). Но самой большой неожиданностью для наполеоновских захватчиков на этой земле было другое. «Партизанские отряды... стали образовываться во всех уездах Смоленской губернии», — утверждает В.М. Вороновский [11: с. 262]. Именно «вступив в Смоленскую губернию, неприятель почувствовал всю могучую силу народного отпора... ясно увидел все грозные признаки народной войны» [11: с. 257–258].

Одним из важнейших источников изучения вооруженного сопротивления Смоленской губернии является «Записка о ходе народной войны в 1812 г.» из архива Смоленского губернского правления [11: с. 384–391]. Документ послужил основой для данной работы, в которую были включены также сведения из многих других источников по одиннадцати уездам.

В Гжатском уезде самым крупным вооруженным объединением жителей был отряд рядового драгунского кавалерийского полка Е. Четвертакова (до 4 тыс. 300 «крестьян на конях») [11: с. 272–274]. Он занимался защитой мирных поселян от грабежей, спасал их от разорения и гибели, совершал рейды по тылам противника, делал набеги «на главные пути сообщения великой армии» [11: с. 273], захватывал не только оружие, но и пушки, осуществлял разгром крупных вражеских подразделений, например, батальона французской пехоты. Отряду удалось установить контроль практически над всей территорией уезда [15: с. 37–42; 11: с. 274]. Отряд рядового гусарского Елизаветградского полка Ф. Потапова (Самуся) (до 2 тыс. крестьян [11: с. 271], из них до 200 конных) уничтожил до 3 тыс. захватчиков. Отряд стрелка Таврического гренадерского полка С. Еременко уничтожил более 1500 чел., взял в плен более 1000 чел., захватывал обозы противника [26: с. 102]. Бурмистр Игнатий Никитин в отряде совместно с братом Иваном Никитиным и сыном вели вооруженную борьбу, участвовали в армейских операциях [30: с. 20; 3: с. 152]. Бурмистр Г. Максимов участвовал в организации вооруженного сопротивления [3: с. 152].

В Краснинском уезде староста С. Архипов возглавлял несколько сотен крестьян, которыми было уничтожено 1500 чел., взято в плен около 2 тыс. [8: с. 262]. Отряд из дворовых людей помещика коллежского асессора В.П. Энгельгардта (19 чел.) разбивал мелкие отряды противника и отбивал у них имущество, награбленное в помещичьих усадьбах, уничтожал и брал

в плен фуражиров и мародеров [8: с. 262]. Существовали также отряд из дворовых помещика Ф.Д. Брецинского, отряд поручика Яганова [8: с. 262].

В Поречском уезде по инициативе уездного предводителя дворянства А.Г. Баранцова были созданы конные разъезды городских партизан, которые занимались очисткой уезда от мародеров [3: с. 156]. Конные разъезды коллежского асессора Загряжского занимались охраной уезда, уничтожили совместно с разъездами поручика Аданцева и под руководством майора Есповского более 400 французов [30: с. 24]. В городе Поречье отряд жителей во главе с мещанином Н. Минченковым осуществлял охранные разъезды. Было взято в плен 105 чел., французский курьер с почтой, захвачено знамя и орел 11 французского полка [3: с. 156]. Конный отряд прапорщика П. Храповицкого (27 чел. дворовых) нападал на противника, захватывал награбленное имущество, возвращал его по принадлежности [11: с. 265], снабжал продовольствием отряд Давыдова [11: с. 400]. Подполковник в отставке П.И. Энгельгарт со своими крестьянами занимался отражением отрядов мародеров, захватом пленных, уничтожением противника [8: с. 401; 11: с. 248]. Охранные разъезды под командованием поручика В. Длотовского занимались взятием в плен и уничтожением противника [3: с. 163]. Исправник И. Банин возглавлял 16 чел., которые вели вооруженную борьбу, брали в плен, уничтожали противника [24: с. 19, 24].

В Смоленском уезде отряд братьев Лесли (отставные штабс-ротмистр А.Д. Лесли, поручик Г.Д. Лесли, подпоручики Е.Д. Лесли, П.Д. Лесли, 60 конных дворовых и крестьян) участвовал в конном патрулировании границы Смоленской губернии. Они организовывали засады, совершали налеты на отдельные отряды и группы противника, затем участвовали в сражениях под Красным, Смоленском, Бородином [11: с. 266–267].

В Духовщинском уезде дворянин С.И. Шубин совместно с отрядом Казанского драгунского полка осуществлял вооруженную защиту своего имения и соседних сел от французских мародеров [8: с. 402; 3: с. 162]. Отряд управляющего имением Аландера (80 чел.) вел вооруженную борьбу с французами [30: с. 24]. Майор С. Гринев [3: с. 153] участвовал в конных разъездах, охране границ уезда [11: с. 267]. Корнет Яков Скрыдло [28: с. 37] участвовал в организации вооруженной борьбы [11: с. 267]. Крестьянка деревни Соколово, кружевница Прасковья, возглавляла группу крестьян и крестьянок, которая боролась с отрядами фуражиров [32: с. 115]. Коллежский регистратор Ф. Василевский участвовал в организации отражения противника у границ уезда [3: с. 153].

В Дорогобужском уезде отряд унтер-офицера Киевского драгунского полка Е. Васильева (до 600 беглых конных крестьян) с 15 августа до 20 октября 1812 года уничтожил около 1000 чел., более 50 фур и зарядных ящиков, захватил множество обозов и до 200 лошадей [11: с. 269–270]. Отряд дворовых людей помещика Барышникова осуществлял защиту усадьбы от мародеров, уничтожил 17 чел. [11: с. 271]. Отряд дворовых людей села Казулина и села Белый Берег [11: с. 281] (до 500 чел.) вел борьбу с французскими фуражирами, осуществил возврат награбленного, уничтожил и захватил в плен мародеров [11: с. 385].

В Сычевском уезде предводитель дворянства Н. Нахимов занимался организацией партизанского движения в уезде, координацией действий отрядов Емельянова, Богуславского, Тимашева [11: с. 274–275], лично выезжал «против больших партий неприятельских для распоряжения и поощрения крестьян» (РГВИА. Ф. 846. ВУА¹. Оп. 16. Д. 3465 (Материалы, служащие к описанию войны 1812 г.). Т. 11. Л. 403–404); [30: с. 5–6]. Отряд отставного майора С. Емельянова (до 400 чел.) провел 15 боев, уничтожил 572 чел., взял в плен 325 чел. [3: с. 154–155]. Надворный советник, Сычевский городничий П. Карженковский занимался организацией защиты селений уезда от разорения [7: с. 122]. Отряд исправника Е. Богуславского с 14 августа по 30 октября 1812 года уничтожил 1760 чел., захватил в плен 1009 чел. [7: с. 122]. Отряд отставного штабс-капитана Н. Тимашева (до 800 чел., из них 200 вооруженных конных крестьян) осуществлял охрану и оборону уезда, захватил в плен не менее 1500 французских кавалеристов [30: с. 16–17; 11: с. 276]. Бурмистр, член городской Ратуши Масленников участвовал в организации вооруженной борьбы [30: с. 10]. Пономарь А. Смирягин организовал крестьян для самообороны, в схватке лично отнял у противника орден Почетного легиона и «ландкарту в четырех отделениях» [11: с. 276]. Управляющий имением А. Иванов, управляющий имением С. Миронов, ратман Денисов [11: с. 275], ратман Бандурин [11: с. 275] — организаторы, руководители народного сопротивления [3: с. 152]. Управляющий имением М. Васильев, управляющий имением А. Федоров, приказчик А. Степанов, лейтенант Меньшиков, купец Мельшков, бурмистр А. Антонов, заседатель земского суда, лейтенант Граблинов 1 [30: с. 6] участвовали в организации вооруженной борьбы [3: с. 152]. Голова Баскаковской экономической вотчины В. Никитин организовал крестьян для борьбы и поражения отрядов французской армии. Ими было взято в плен значительное число солдат противника [3: с. 152]. Помещик Граблинов 2 участвовал в организации разведки [30: с. 15]. Отряд Василисы Кожинной из подростков и женщин осуществлял конвоирование пленных французов, оказывал помощь отрядам Д. Давыдова, А. Фигнера, И. Вадбольского и др. [2: с. 152–153]. Уездный судья Мельников организовал отражение отрядов противника от границ уезда охранными разъездами [3: с. 163]. Сычевский заседатель Сысоев организовал разведывательный отряд из 80 конных крестьян [30: с. 15]. Начальник инвалидной команды, подпоручик Подлущкий, квартальный надзиратель Леонов участвовали в организации вооруженной обороны г. Сычевки ее жителями [11: с. 277–278].

В Рославльском уезде князь И.Г. Тенишев был «избран дворянами в должность кордонного начальника» [11: с. 400], занимался организацией защиты Рославльского, Ельнинского уездов и города Рославля от многочисленных отрядов противника. Его отряд взял в плен более 400 мародеров, спас от смерти множество людей, от разорения множество дворянских усадеб, осуществлял

¹ Внутренний учетный архив.

совместные операции с «армейскими» партизанскими отрядами Д. Давыдова, А. Сеславина, А. Фигнера [11: с. 279]. Отряды самообороны отставного капитана Завизина (до 340 чел.) разбивали отряды мародеров и фуражиров, взяли в плен 300 чел. Совместно с отрядом Тенишева французские войска были выбиты ими из Рославля. Рославльский голова Полозов организовал около 200 чел. для охраны города Рославля с разъездами по уезду, осуществлял розыск и преследование мародеров. Они взяли в плен более 300 чел. совместно с разъездами купца И. Голикова [11: с. 387]. Я. Васютин, П. Шишов возглавляли по 100 человек из отряда Голикова [11: с. 279]. Дьяк С. Крастелев организовал жителей своего прихода для самообороны [11: с. 280]. Исправник Семичев организовал вместе с казаками отражение наступления противника к Брянскому арсеналу [3: с. 152]. В Бельском уезде предводитель дворянства Л.И. Каленов создал внутреннее охранное войско (до 600 конных, пешие егеря из дворовых и охотников) для дозора и защиты Бельского уезда [11: с. 281, 3: с. 152].

Майор Д. Борейша, поручик А. Борейша [3: с. 163], подпоручик Г. Майданович, прапорщик Б. Борщевский, ротмистр П. Романовский, штабс-капитан Г. Коленов [3: с. 152] возглавляли охранные отряды из войска Л.И. Каленова. Они осуществляли дозор по г. Сычевке, захват фуражиров, истребление мародеров, выполнение совместных с другими группировками операций по обороне города [11: с. 281]. Помещик, городничий Н.И. Адамович участвовал в организации захвата и уничтожения фуражиров [11: с. 71]. Поручик Лабут со своими людьми осуществлял охрану границ уезда, захват фуражиров, истребление мародеров [11: с. 281].

В Ельнинском уезде отряды, «воодушевляемые священником, отцом Иоанном Стабровским», вели оборонительную борьбу с врагом [8: с. 281].

В Юхновском уезде отряд уездного предводителя дворянства титулярного советника С.Я. Храповицкого (до 2 тыс. чел., «несколько десятков конных») [11: с. 398–399] отражал «наступление партий неприятельских мародеров на Юхнов и способствовал вооружению дворян... вместе с которыми защищал уезд от вторжения французов» [11: с. 391], оказывал помощь отряду Д. Давыдова [11: с. 398–399; 24: с. 114]. Отряд села Крутая Гора, возглавляемый священником отцом Г. Лелюхиным, боролся с мародерами, отбил у них захваченное церковное имущество, вступил в схватку с отрядом Мюрата [23: с. 20–21]. Ротмистр А. Бельский, штабс-капитан Я. Волков, корнет А. Марков руководили охранными разъездами, отражавшими отряды противника от границ уезда [3: с. 163].

Собранные данные были сгруппированы по одиннадцати уездам Смоленской губернии. Сопоставительный анализ вооруженных формирований позволил выявить определенные закономерности и сделать выводы.

По приведенным выше данным, на территории Смоленской губернии, по приблизительным подсчетам, вооруженную борьбу вело более 13 тыс. жителей. Это составляет более 1,3 % от их общего числа, если исходить из того, что накануне войны в 1811 году население губернии насчитывало около 1 млн 56 тыс. чел. [31: с. 27].

Несмотря на отчасти стихийный характер формирования отрядов сопротивления населения [10: с. 3], они представляли значительную вооруженную силу, противостоявшую захватчикам. Некоторые жители защищали не только свои селения, но и целые уезды от отдельных отрядов противника. Если рассматривать вооруженные формирования населения как элементы одного общественного организма, системного образования, становятся понятны причины распространения действий отрядов сопротивления на обширных территориях. Между действующими группировками возникала связь, согласованность, а впоследствии и планомерность военных операций. «Действия партизан приобрели постепенно стратегическое значение» [7: с. 85].

Как показывает проведенный сопоставительный анализ, вооруженные формирования жителей Смоленской губернии 1812 года по роду деятельности можно разделить на 3 типа: отряды самообороны, охранные и отряды широкого назначения. Отряды самообороны занимались вооруженной защитой имений, своих деревень, сел и городов от разграбления и истребления населения, вели оборонительные бои и операции. Они зачастую возникали в нейтральных зонах на границах операционных линий. К данному типу можно отнести, например, отряды И.Г. Тенишева, С.И. Шубина, П. Карженковского, Н. Тимашева, а также «местные дружины самообороны» [28: с. 705]. Всего в одиннадцати уездах действовал как минимум двадцать один оборонительный отряд.

К охранным отрядам можно отнести конные разъезды, пешие патрули, народные дружины, пикеты и т. п. на занятых врагом территориях. В работе собраны данные о шестнадцати подобных отрядах, среди которых формирования Длотовского, Загряжского, Аданцева, Леонова, П. Шишова, Я. Васютина, А. Маркова, Я. Волкова и др.

Отряды широкого назначения вели более масштабную борьбу. Они уничтожали противника, брали военнопленных, ценные трофеи, совершали набеги на главные пути сообщения французов, захватывали обозы с провиантом, фуражом и амуницией (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208-а. Д. 107. Т. 20: Личный фонд Баркляя-де-Толли)). Кроме того, они отбивали награбленное, возвращали его жителям, истребляли французских мародеров (РГВИА. Ф. 31. (Комитет, учрежденный при 5-м отделении инспекторского департамента для решения дел, переданных из военной коллегии). Оп. 3/129. Д. 25. Л. 5). Кроме того, они совершали рейды по тылам врага, вели разведку, участвовали в армейских операциях, некоторые из них контролировали целые уезды. К этому типу можно отнести двадцать партизанских отрядов: Ф. Потапова, Лесли, П. Храповицкого, Н. Минченкова, Е. Васильева, Е. Четвертакова и др. Однако данная классификация вооруженных формирований условна. Города Белый, Сычевка, Юхнов, Рославль, не захваченные противником, оборонялись своими силами совместно с казаками, отрядами армии. Они стали центрами сопротивления населения Смоленской губернии.

В результате анализа собранных данных можно заключить, что наибольшее число вооруженных формирований населения, оказывавших сопротивление наполеоновским захватчикам, существовало в Сычевском уезде. Они, «отличаясь исключительной храбростью и удалством, прославились на всю Россию... создали себе грозную известность в рядах неприятелей. Бродившие по уезду отряды их... боялись имени “сычевки”» [11: с. 274].

Характерной особенностью многих отрядов и групп народного сопротивления в Смоленской губернии была высокая мобильность. Их участники, «заслуженно прозванные налетами, внезапно набегали на врага, разили его и бесследно исчезали» [11: с. 261]. Некоторые отряды существенно увеличивали свою численность для проведения отдельных операций. Например, к отряду Четвертакова в 300 чел. в отдельных случаях присоединялось до 4 тыс. крестьян [11: с. 274]. Это было самым крупным вооруженным объединением жителей губернии на занятой противником территории.

Другой важной отличительной чертой многих отрядов сопротивления была их связь с русской армией. Ценную информацию местные жители часто передавали командованию русской армии, находясь в контакте с армейскими отрядами Д. Давыдова [11: с. 398–399], А. Фигнера [11: с. 269], А. Сеславина, Ф. Винцингероде [11: с. 262–267] и др., а также с казаками [9: с. 80].

Проведенный анализ показал, что на территории Смоленской губернии существовала согласованность действий крестьянских отрядов и казачьих соединений, которые вместе «наводили ужас» [18: с. 215] на отступавшие колонны противника.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Вооруженное сопротивление населения Смоленской губернии наполеоновским захватчикам в период Отечественной войны 1812 года имело различные формы. Оно объединило представителей различных слоев смоленского общества: духовенство [11: с. 280], дворян [26: с. 1], купцов, отставных офицеров и солдат, деревенских бурмистров, приказчиков, мещан, ремесленников, крестьян и др. Неполный захват территории Смоленской губернии (8 уездов из 12) противником позволил иметь базы сопротивления не только на оккупированных землях, но и в прилегающих, не занятых врагом районах. Вооруженные формирования населения представляли значительную угрозу для захватчиков, всячески препятствовали покорению смоленских земель иноземцами и установлению оккупационных порядков [11: с. 279]. Они явились одним из важных факторов последующего изгнания наполеоновских войск. Уточнение данных по истории вооруженной борьбы населения Смоленской губернии позволяет расширить знания о героическом сопротивлении русского народа иноземным захватчикам в 1812 году.

Литература

1. *Агронов Л.И.* Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем. Интернет-проект «1812 год». 2006. 25 с.

2. *Андреев Н.И.* Воспоминания офицера 50 армейского полка // Русский архив. М., 1879. Т. 3. С. 174–202.
3. *Андреев П.Г.* Народная война в Смоленской губернии в 1812 г. Смоленск: Смоленское областное книжное издательство, 1940. 190 с.
4. *Бабкин В.И.* Специфика классово-войсковой борьбы в период Отечественной войны 1812 года // История СССР. 1972. № 2. С. 111–121.
5. *Барклай-де-Толли М.Б.* Изображение военных действий 1812 г. М.: Университетская типография, 1859. 107 с.
6. *Бенкендорф А.Х.* Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов / сост., прим. и сопровод. ст. П.Н. Грюнберга. М.: Языки славянской культуры, 2001. 304 с.
7. *Бескровный Л.Г.* Партизаны в Отечественной войне 1812 года. Ч. 1 // Вопросы истории. 1972. № 1. С. 114–124.
8. *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г.: в 3 т. Т. 3. М.: Тип. Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко, 1859. 563 с.
9. *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: в 2 ч. СПб.: Воен. тип., 1837–1838. 867 с.
10. *Бычков Л.Н.* Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М.: Госполитиздат, 1954. 104 с.
11. *Вороновский В.М.* Отечественная война в пределах Смоленской губернии. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. 500 с.
12. *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года. М.: Тип. Августа Семена, 1821. 225 с.
13. *Грачев В.И.* Письма французского офицера из города Смоленска в 1812 году. Смоленск: Тип. Силина, 1911. 24 с.
14. *Грачев В.И.* Смоленск и его губерния в 1812 году. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1912 г. 293 с.
15. *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 года // Сочинения Д.В. Давыдова: в 3 т. Т. 2. СПб.: Издание Евг. Евдокимова, 1893. 328 с.
16. *Де-ла Флиз Д.* Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М.: Образование, 1912. 145 с.
17. *Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова 1798–1826 гг. М.: Высшая школа, 1991. 450 с.
18. *Жерве Н.П.* Славные Партизаны 1812 года. М.: Типогр. Сытина, 1912. 45 с.
19. *Князьков С.А.* Партизаны и партизанская война в 1812-м году // Отечественная война и русское общество. М.: И.Д. Сытин, 1912. Т. 4. С. 208–227.
20. *Лесли И.П.* Смоленское дворянское ополчение 1812 года. М.: Типогр. Сытина, 1912 г. 126 с.
21. *Лесли О.Н.* Лесли в войне 1812 г. Смоленск: Маджента, 2005. 152 с.
22. *Липранди И.П.* Материалы для Отечественной войны 1812 г.: собрание статей. СПб.: Типогр. Э. Арнольда, 1867 г. 199 с.
23. *Мельникова Л.В.* Отечественная война 1812 года и Русская православная церковь // Отечественная история. 2002. № 6. С. 27–38.
24. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб.: Печатано в военной типографии, 1839. 392 с.
25. *Мурзакевич Н.А.* История губернского города Смоленска с древнейших времен до 1804 года. Смоленск: При губернском правлении, 1804. 308 с.

26. Отечественная война 1812 года: сборник документов и материалов / под ред. Е.В. Тарле. Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. 248 с.
27. *Писарев С.П.* Памятная книга города Смоленска. Смоленск, 1898. 204 с.
28. *Попов А.И.* Кто был «зачинателем» народной войны в 1812-м году? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8. № 3. 940 с.
29. *Слезкинский А.* Смоленские партизаны в 1812 году // Русская старина. 1900. № 9. С. 651–665.
30. *Слезкинский А.* Народная война в Смоленской губернии в 1812 году // Русский архив. 1901. Кн. 2. № 5. С. 5–26.
31. *Соловьев В.А.* Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М.: Типография А. Семена, 1855. 492 с.
32. *Тарле Е.Ф.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Пресса, 1994. 544 с.

Literatura

1. *Agronov L.I.* Vospriyatie soby'tij Otechestvennoj vojny' 1812 g. rossijskim prostonarod'em. Internet-proekt «1812 god». 2006. 25 s.
2. *Andreev N.I.* Vospominaniya oficera 50 armejskogo polka // Russkij arxiv. T. 3. M., 1879. S. 174–202.
3. *Andreev P.G.* Narodnaya vojna v Smolenskoj gubernii v 1812 g. Smolensk: Smolenskoe oblastnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1940. 190 s.
4. *Babkin V.I.* Specifika klassovoj bor'by' v period Otechestvennoj vojny' 1812 goda // Istoriya SSSR. 1972. № 2. S. 111–121.
5. *Barklaj-de-Tolli M.B.* Izobrazhenie voenny'x dejstvij 1812 g. M.: Universitetskaya tipografiya, 1859. 107 s.
6. *Benkendorf A.X.* Zapiski Benkendorfa. 1812 god. Otechestvennaya vojna. 1813 god. Osvobozhdenie Niderlandov / Sost., prim. i soprovod. st. P.N. Gryunberga. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2001. 304 s.
7. *Beskrovny'j L.G.* Partizany' v Otechestvennoj vojne 1812 goda. Ch. 1 // Voprosy' istorii. 1972. № 1. S. 114–124.
8. *Bogdanovich M.I.* Istoriya Otechestvennoj vojny' 1812 g.: v 3 t. T. 3. M.: Tip. Torgovogo doma S. Strugovshhika, G. Poxitonova, N. Vodova i Ko, 1859. 563 s.
9. *Buturlin D.P.* Istoriya nashestviya imperatora Napoleona na Rossiyu v 1812 godu: v 2 ch. SPb.: Voen. tip., 1837–1838. 867 s.
10. *By'chkov L.N.* Krest'yanskoe partizanskoe dvizhenie v Otechestvennoj vojne 1812 goda. M.: Gospolizdat, 1954. 104 s.
11. *Voronovskij V.M.* Otechestvennaya vojna v predelax Smolenskoj gubernii. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 1912. 500 s.
12. *Glinka F.N.* Pis'ma russkogo oficera o voenny'x proisshestviyax 1812 goda. M.: Tip. Avgusta Semena, 1821. 225 s.
13. *Grachev V.I.* Pis'ma francuzskogo oficera iz goroda Smolenska v 1812 godu. Smolensk: Tip. Silina, 1911. 24 s.
14. *Grachev V.I.* Smolensk i ego guberniya v 1812 godu. Smolensk: Tip. P.A. Silina, 1912 g. 293 s.
15. *Davy'dov D.V.* Dnevnik partizanskix dejstvij 1812 goda // Sochineniya D.V. Davy'dova: v 3 t. T. 2. SPb.: Izdanie Evg. Evdokimova, 1893. 328 s.
16. *De-la Fliz D.* Poxod Napoleona v Rossiyu v 1812 godu. M: Obrazovanie, 1912. 145 s.

17. *Ermolov A.P. Zapiski A.P. Ermolova 1798–1826 gg.* M.: Vy'sshaya shkola, 1991. 450 s.
18. *Zherve N.P. Slavny'e Partizany' 1812 goda.* M.: Tipogr. Sytina, 1912. 45 s.
19. *Knyaz'kov S.A. Partizany' i partizanskaya vojna v 1812-m godu // Otechestvennaya vojna i russkoe obshchestvo.* M.: I.D. Sy'tin, 1912. T. 4. S. 208–227.
20. *Lesli I.P. Smolenskoe dvoryanskoe opolchenie 1812 goda.* M.: Tipogr. Sy'tina, 1912 g. 126 s.
21. *Lesli O.N. Lesli v vojne 1812 g.* Smolensk: Madzhenta, 2005. 152 s.
22. *Liprandi I.P. Materialy' dlya Otechestvennoj vojny' 1812 g.: sobranie statej.* SPb.: Tipogr. E'. Arngol'da, 1867 g. 199 s.
23. *Mel'nikova L.V. Otechestvennaya vojna 1812 goda i Russkaya pravoslavnaya cerkov' // Otechestvennaya istoriya.* 2002. № 6. S. 27–38.
24. *Mixajlovskij-Danilevskij A.I. Opisanie Otechestvennoj vojny' 1812 goda.* SPb.: Pechatano v voennoj tipografii, 1839. 392 s.
25. *Murzakevich N.A. Istoriya gubernskogo goroda Smolenska s drevnejshix vremen do 1804 goda.* Smolensk: Pri gubernskom pravlenii, 1804. 308 s.
26. *Otechestvennaya vojna 1812 goda: sbornik dokumentov i materialov / pod red. E.V. Tarle.* L.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1941. 248 s.
27. *Pisarev S.P. Pamyatnaya kniga goroda Smolenska.* Smolensk, 1898. 204 s.
28. *Popov A.I. Kto by'l «zachinatelem» narodnoj vojny' v 1812-m godu? // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk.* 2006. T. 8. № 3. 940 s.
29. *Slezskinskij A. Smolenskie partizany' v 1812 godu // Russkaya starina.* 1900. № 9. S. 651–665.
30. *Slezskinskij A. Narodnaya vojna v Smolenskoj gubernii v 1812 godu // Russkij arxiv.* 1901. Kn. 2. № 5. S. 5–26.
31. *Solov'ev V.A. Sel'skoxozyajstvennaya statistika Smolenskoj gubernii.* M.: Tipografiya A. Semena, 1855. 492 s.
32. *Tarle E.F. Nashestvie Napoleona na Rossiyu. 1812 god.* M.: Pressa, 1994. 544 s.

V.V. Gontarev

Armed Resistance of Population of Smolensk Province during Patriotic war of 1812

The article is devoted to the analysis of archival data and memoirs of participants of Patriotic war of 1812 which allows to broaden the knowledge about the people's struggle for the liberation of Smolensk province. The work considers armed units of its inhabitants and also their number and its relationship with the general population. The author gives their systematization, evaluation of results of their activity and the degree of damage caused to the enemy. Historiographical review of the scientific literature allows us to trace the chronology of coverage of this topic in the writings of domestic historians.

Keywords: armed units of inhabitants; Smolensk province; 1812.

Е.А. Токарева

Российская художественная интеллигенция и власть: некоторые вопросы теории и истории исследований

В статье анализируются некоторые теоретические и методологические вопросы изучения взаимоотношений отечественной художественной интеллигенции и власти. Подчеркивается необходимость серьезного научного анализа механизмов социально-культурной модернизации в истории России, установления связи между развитием гражданского общества и становлением интеллектуальных профессий в практическом поле гражданской и творческой публичности.

Ключевые слова: социально-культурная модернизация; самосознание; самоидентификация и ценностные ориентиры художественной интеллигенции; гражданская и профессиональная идентичность интеллигенции.

Тема взаимоотношения российской художественной интеллигенции и власти давно является одной из излюбленных в отечественной и зарубежной историко-философской мысли. Сложность, неоднозначность, а во многих случаях и полярность оценок, заставляют исследователя обращаться и к истории, и к теории вопроса. Следует отметить, что при кажущемся многообразии и обилии существующих публикаций исследователь, по сути, сталкивается с малоизученным теоретическим пространством, да и сами процессы взаимодействия, взаимоотношения и взаимовлияния художественной интеллигенции и власти на различных исторических этапах их существования описаны чрезвычайно поверхностно и фрагментарно¹.

Думается, что одной из важных в этом направлении выступает задача определения интеллигенции, в том числе и художественной, как субъекта исторического действия, т. е. научного определения ее как части социальной структуры российского общества XIX–XX веков². Существующий разброс мнений специалистов в этом вопросе отражает, прежде всего, специфическую природу этого социально-го феномена в истории российского государства и общества.

Крайне запутанной и сложной для исследователя видится проблема классификации понятий: интеллигент, работник умственного труда, носитель

¹ На это обстоятельство указывают почти все авторы такого научного направления, как интеллигентоведение. Здесь, конечно, имеются в виду не только историки, но и социологи, философы, политологи и другие представители гуманитарного знания.

² Представляется, что понятие «интеллигенция» (как, впрочем, и само явление) в действительности применимо к истории России периода второй половины XIX–XX веков.

и генератор духовных ценностей, интеллектуал, «соль земли», «совесть народа»; и далее — интеллигенция творческая и художественная, гуманитарная и научная, научно-техническая и литературная, педагогическая, врачи, учительство, театральные деятели и т. д. В таком виде терминология часто выглядит абсурдной, хотя понятно, что здесь совокупные признаки интеллигенции выстраиваются по двум критериям: духовному (морально-этическому) и социальному (статус, профессиональная принадлежность и т. д.). Возможно, обществоведы и историки пока не находят достойную вербальную форму для понятия «интеллигенция». Это обязывает исследователя в каждом конкретном случае наполнять термин собственным содержанием и толкованием, придерживаясь в то же время рамок определенного подхода (социологического, исторического, культурологического и др.), и рассматривать историю российской интеллигенции в контексте определенных исторических событий. Действительно, произвольное хронологическое применение термина «интеллигенция» не просто отрывает его от исторической среды появления, но и не позволяет вести конкретный научный анализ (см. [23: с. 310]).

Так, в одной из своих статей М.Л. Гаспаров, рассуждая об определении интеллигенции применительно к России второй половины XIX – начала XX века, заметил, что когда западные историки, привыкшие к тому, что их интеллектуалы исправно служат обществу и государству, стараются понять, в чем особенность русской интеллигенции, то определяют ее приблизительно так: «это слой общества, воспитанный в расчете на участие в управлении обществом, но за отсутствием вакансий оставшийся со своим образованием не у дел». Отсюда и оппозиционность: «когда тебе не дают места, на которое ты рассчитывал, ты, естественно, начинаешь дуться». Выявляя особенности русской действительной жизни, которые породили такое явление, как интеллигенция, автор предположил, что непрофессиональная и аморфная власть в России требовала не специалистов, а универсалов, способных действовать в непредсказуемых и случайных условиях. «Действительно, русская интеллигенция была похожа на западных интеллектуалов, посаженных в русскую казарму», — замечает М.Л. Гаспаров. В силу исторической неприяности (монополярная власть в России никогда не желала идти на уступки) оппозиционность поневоле стала постоянной ролью одного и того же общественного слоя — интеллигенции, — принципиально не вовлекаемого в политику (см. [6: с. 10–14]).

Кроме того, время появления интеллигенции на исторической арене России совпало со временем появления буржуазной идеологии, буржуазного национализма и культуры разночинцев — здесь кроются «психологические» корни долга интеллигенции перед народом.

Рассуждая о феноменологии русской интеллигенции, исследователь И.В. Кондаков отметил ее способность к саморефлексии, выявлению внутренних противоречий в самой себе, что очень осложняло ее собственную жизнь, собственное самосознание и самореализацию в деятельности и в культурном творчестве. «Принадлежность к интеллигенции в разные культурно-исторические эпохи была

престижна по-своему, но исключительно в смысле духовного и нравственного превосходства над другими слоями и классами общества, — замечает И.В. Кондаков, — ни социально-политических, ни экономических, ни властных привилегий причастность к интеллигенции никогда не давала, хотя стимулом для пополнения рядов ее продолжала являться даже тогда, когда наименование интеллигенции было равносильно политической неблагонадежности или оппозиционности властям, а ее материальное положение было, по сравнению с другими социальными группами, просто плачевным» [13: с. 72–73].

Смысл духовной избранности интеллигенции, как специфического явления российской действительности, традиционно в отечественной историографии объясняется тем обстоятельством, что социальная дифференциация российского общества и разложение сословно-классовой структуры феодального типа привели к утрате некоторыми сословиями и классами в России своих социальных границ, а вслед за ними — смысловых (ценностных). Появились «размытые» или маргинальные группы общества, не всегда способные осмыслить и словесно оформить свою систему ценностей, свой сознательный протест или свое мировоззрение, выраженные в том числе в достижениях творческой мысли или в произведениях искусства. Эту функцию и брала на себя интеллигенция. Другим условием духовного мессианства интеллигенции в России, по мысли большинства исследователей, выступало традиционное, наивно-просветительское представление общества о поступательном характере экономического и политико-культурного развития в целом, что само по себе вело к появлению различных политико-философских, религиозно-нравственных и художественно-эстетических идей, продуцируемых деятелями культуры, мыслителями, творческой элитой. Это объясняет притязания интеллигенции на выражение высшего нравственного и историко-этического смысла действительности, на понимание народной совести и воли, на духовное и творческое сподвижничество.

Среди специалистов есть мнение, что интеллигенция как субъект исторического действия — это определенная мифологема, отчасти придуманная самой интеллигенцией и поддерживаемая ею в научном сознании до сегодняшнего дня. В такой трактовке интеллигенция чаще всего понимается как временная социокультурная группа, некая духовная элита общества, самоопределяющаяся извне и изнутри, формирующая определенные стандарты и ценности общества в конкретно-исторический момент (см., например: [3; 22]). В рамках этого подхода кажется весьма интересной попытка некоторых авторов определять главную функцию интеллигенции как «экспертную» (выработка точных идеологических схем, концепций, теорий, религий, которые могут значительно влиять на существующую картину мира и которые власть представляет населению как ядро «общенациональной культуры») (см., например: [9; 12; 15; 24]).

Важно отметить тесную, органическую связь социальных мифов и политических иллюзий самой интеллигенции, которая никогда не была политически или идейно однородной, но всегда, во всей своей массе была склонна и к социальной мечтательности, и к революционности в своих взглядах на общество,

возможные пути его обустройства. Это порой рождало идеи в самых крайних выражениях, в том числе и художественных.

Верно, что история российской интеллигенции не существует вне истории российской государственности, ее элементов и властных традиций, так же, как она не существует вне социокультурного контекста эпохи. Очевидно и то, что ярко выраженная «позиция» отечественной художественной интеллигенции во второй половине XIX–XX веков (ценностная доминанта, которая и выработывалась ею самой)³ определялась тесным взаимодействием с властью и часто позиционировалось самой властью.

Вообще изучение истории художественной интеллигенции России XIX–XX веков невозможно без серьезного научного анализа процессов модернизации, которые происходили в обществе. Конфликт между традиционной культурой и надвигающимися преобразованиями (зачастую, революционными) приобретал почти системный характер. Самосознание российской интеллигенции также испытывало на себе силу этого конфликта. Традиционное мироощущение, новые радикальные идейно-политические концепции и конструктивные инновации приводили к разрушению самосознания интеллигенции, к потере прежних ценностных и эстетических ориентиров и к появлению новых [18: с. 51].

«Новые» ценности рождались в мировоззренческом сознании «старой» интеллигенции и совпадали с социально-психологическими, эмоциональными ожиданиями общества и ожиданиями нового сильного государства. О механизмах появления социально-психологических и психоэмоциональных ожиданий в российском обществе в условиях протекания революционных процессов и имперских кризисов написано немало в отечественной исторической науке (см.: [2; 5; 12; 15; 17; 19; 20]). Именно поэтому изучение проблем взаимоотношений власти и интеллигенции, в том числе художественной, требует, прежде всего, исследований в контексте конфликта ценностей в самом российском обществе в условиях конкретной эпохи.

Историческая «среда обитания» диктовала интеллигенции парадигмы поведения и правила обустройства жизни. Расширение этого пространства, появление новых социально-психологических и художественно-эстетических полей позволяли сложиться новой системе ценностей, новым механизмам формирования или крушения профессиональных, гражданских или нравственных репутаций [14: с. 31]. Как и почему это происходило — вот вопросы, которые стали наиболее перспективными для специалистов конца XX века в изучении проблем взаимоотношения отечественной художественной интеллигенции и власти⁴.

³ Здесь и далее имеется в виду национальное самосознание, генерируемое интеллигенцией в качестве базисной основы существования государства как института.

⁴ На это впервые обратили внимание участники научной конференции «Роль русской интеллигенции в формировании картины мира», проведенной еще в 1997 году научным советом по истории мировой культуры РАН совместно с Институтом искусствоведения Министерства культуры РФ. (По результатам конференции были опубликованы «Культурологические записки Вып. 4: Роль интеллигенции в формировании картины мира» (М., 1998)).

Поначалу эти проблемы решались в общем пространстве гуманитарного знания философами и культурологами, социологами и психологами (см.: [1; 4; 14; 21; 25; 26 и др.]), а позднее обращение к «теории идентичности» обрело своих последователей в конкретных исторических исследованиях (см.: [7; 9; 10; 11; 16]).

Наиболее удачный и интересный подход для решения подобных историографических задач предложили авторы сборника «Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начале XX века», которые «увязали» изучение гражданской идентичности с контекстом формирования профессиональных групп российской интеллигенции в этот период, выявляя различные аспекты самосознания интеллигенции: ценностные и эстетические, символические и коммуникативные. Изучение профессиональных и активистских групп населения, сформировавшихся в России во второй половине XIX – начале XX века, с точки зрения авторов позволяет по-новому интерпретировать и само понятие «интеллигенции», и перспективы развития гражданского общества в Российской империи. Отстранившись от ставших классическими дискуссий об отсутствии социальной базы и «потерянном среднем классе», на конкретно-историческом материале авторы обнаружили тесную связь генезиса гражданского общества и становления интеллектуальных профессий, легального активизма и периода «расцвета» российской интеллигенции: ориентированность на публичность, эгалитарность, достижительность, идеалы общественного блага, самоценность и индивидуальную ответственность личности [8: с. 20–21]. По мнению одного из авторов сборника, Н.А. Проскураковой, «в дореволюционной России интеллектуальная элита, с одной стороны испытывала сильное влияние традиционно-религиозных ценностей всего общества, из разных сословных страт, в которых она формировалась, с другой стороны, интеллектуальное меньшинство активно осваивало и усваивало западноевропейские ценности (гражданские права и свободы, выборное представительство, конституция, развитое правосознание, рационально мотивированная общественная дисциплина, социальная ответственность и инициатива), стремясь соединить их с базовыми компонентами российской культуры... Происходило становление личности нового типа, органично сочетавшей профессиональные и гражданские ценности» [8: с. 288–290]. Сказанное в полной мере можно отнести к художественной интеллигенции России.

Смысловое наполнение термина «интеллигенция» не может быть одинаковым, например, применительно к России начала прошлого века и его конца, поскольку компоненты ментальности, социальная практика, социальные отношения в пространстве идентичности слишком различны, хотя и могут иметь сходную природу или тенденцию развития. Тем самым острота дискуссии вокруг понятия «интеллигенция», вокруг исследований о взаимоотношениях интеллигенции с российской властью на протяжении XIX–XX веков сохраняется. Очевидно, что новое качественное состояние современной исторической науки, наработанные подходы к осмыслению прошлого, современные методы работы с источниками, сама расширяющаяся источниковая база, позволяют определить теоретическое и практическое поле будущих исследований.

Представляется, что исследовательское поле современного интеллигентоведения может получить новый импульс развития в пространстве «теории гражданской и духовной идентичности».

Литература

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в западной психологии // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 131–143.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. 446 с.
3. Баженова Е.Ю., Орлов С.Б. Мифологема интеллигенции: генезис и современное состояние // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике: мат-лы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 1998. С. 23–25.
4. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, журнал «Ab Imperio», 2010. С. 143–157.
5. Булдаков В.Л. Имперство и российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 31–39.
6. Гаспаров М.Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 2000. С. 5–13.
7. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. 304 с.
8. Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2013. 296 с.
9. Гражданское общество: теория, история, современность. М.: Издательство Института социологии РАН, 1999. 165 с.
10. Гражданское общество России: перспективы XXI века. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2000. 264 с.
11. Гражданское общество: истоки и современность / под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. СПб., 2002. 492 с.
12. Зимина В.Д. Интеллигенция в политических процессах России начала XX века. Волгоград: Изд. Волгоградской академии гос. службы, 1999. 101 с.
13. Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 2000. С. 63–90.
14. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 29–37.
15. Марасинова Е.Н. Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века). М.: Наука, 2008. 458 с.
16. Модели общественного переустройства России. XX век / под ред. В.В. Шелохаева. М.: Наука, 2004. 607 с.
17. Модернизация России и конфликт целостностей. М.: Институт философии РАН, 1994. 157 с.
18. Набокина М.Е. Структурные и организационные особенности Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2013. № 1 (11). С. 50–56.
19. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд. Московского университета, 1999. 367 с.

20. Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 2000. 423 с.
21. *Симонова О.А.* К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 17–24.
22. *Соколов К.Б.* Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 2000. С. 149–208.
23. *Токарева Е.А.* Интеллигенция и власть в России. Основные подходы к изучению // История государства Российского: истоки, процессы, проблемы (к 1150-летию образования): монография / под общ. ред. Н.И. Дорохова. [Электронное издание]. М.: Изд. «МУ им. С.Ю. Витте», 2014. С. 309–323.
24. *Токарева Е.А.* Печать и государственная власть в Российской империи в начале XX века // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2014. № 4 (20). С. 21–25.
25. *Филиппова Е.И.* Территория идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ, 2010. 300 с.
26. *Хомяков Н.Б.* Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / под ред. В.С. Магун, Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова. М.: Институт социологии РАН, 2006. 327 с.

Literatura

1. *Antonova N.V.* Problema lichnostnoj identichnosti v zapadnoj psixologii // Voprosy' psixologii. 1999. № 1. S. 131–143.
2. *Axiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I.* Istoriya Rossii: konecz ili novoe nachalo? М.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 446 s.
3. *Bazhenova E.Yu., Orlov S.B.* Mifologema intelligencii: genezis i sovremennoe sostoyanie // Intelligenciya Rossii v konce XX veka: sistema duxovny'x cennostej v istoricheskoy dinamike: mat-ly' Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 1998. S. 23–25.
4. *Brubejker R., Kuper F.* Za predelami identichnosti // Mify' i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma. М.: Novoe izdatel'stvo, zhurnal «Ab Imperio», 2010. S. 143–157.
5. *Buldakov V.L.* Imperstvo i rossijskaya revolyucionnost' (Kriticheskie zametki) // Otechestvennaya istoriya. 1997. № 2. S. 31–39.
6. *Gasparov M.L.* Intellektualy', intelligenty', intelligentnost' // Russkaya intelligenciya. Istoriya i sud'ba. М.: Nauka, 2000. S. 5–13.
7. Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoj deyatelnosti v Rossijskoj imperii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. М., 2007. 304 s.
8. Grazhdanskaya identichnost' rossijskoj intelligencii v konce XIX – nachale XX vv. М.: Novy'j xronograf, 2013. 296 s.
9. Grazhdanskoe obshhestvo: teoriya, istoriya, sovremennost'. М.: Izdatel'stvo Instituta sociologii RAN, 1999. 165 s.
10. Grazhdanskoe obshhestvo Rossii: perspektivy' XXI veka. SPb.: NIIX SPbGU, 2000. 264 s.
11. Grazhdanskoe obshhestvo: istoki i sovremennost' / pod red. I.I. Kal'nogo, I.N. Lopushanskogo. SPb., 2002. 492 s.
12. *Zimina V.D.* Intelligenciya v politicheskix processax Rossii nachala XX veka. Volgograd: Izd. Volgogradskoj akademii gos. sluzhby', 1999. 101 s.
13. *Kondakov I.V.* K fenomenologii russkoj intelligencii // Russkaya intelligenciya. Istoriya i sud'ba / sost. Т.Б. Князевская. М.: Nauka, 2000. S. 63–90.

14. *Malaxov V.S.* Neudobstva s identichnost'yu // *Voprosy' filosofii*. 1998. № 2. S. 29–37.
15. *Marasinova E.N.* Vlast' i lichnost' (Ocherki russkoj istorii XVIII veka). M.: Nauka, 2008. 458 s.
16. *Modeli obshhestvennogo pereustrojstva Rossii. XX vek / pod red. V.V. Shelohaeva.* M.: Nauka, 2004. 607 s.
17. *Modernizaciya Rossii i konflikt celostnostej.* M.: Institut filosofii RAN, 1994. 157 s.
18. *Nabokina M.E.* Strukturny'e i organizacionny'e osobennosti Moskovskogo religiozno-filosofskogo obshhestva pamyati Vladimira Solov'eva // *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2013. № 1 (11). S. 50–56.
19. *Panarin A.S.* Rossiya v ciklax mirovoj istorii. M.: Izd. Moskovskogo universiteta, 1999. 367 s.
20. *Russkaya intelligenciya. Istoriya i sud'ba / sost. T.B. Knyazevskaya.* M.: Nauka, 2000. 423 s.
21. *Simonova O.A.* K formirovaniyu sociologii identichnosti // *Sociologicheskij zhurnal*. 2008. № 3. S. 17–24.
22. *Sokolov K.B.* Mify' ob intelligencii i istoricheskaya real'nost' // *Russkaya intelligenciya. Istoriya i sud'ba / sost. T.B. Knyazevskaya.* M.: Nauka, 2000. S. 149–208.
23. *Tokareva E.A.* Intelligenciya i vlast' v Rossii. Osnovny'e podxody' k izucheniyu // *Istoriya gosudarstva Rossijskogo: istoki, processy', problemy' (k 1150-letiyu obrazovaniya): monografiya / pod obshh. red. N.I. Doroxova.* [E'lektronnoe izdanie]. M.: Izd. «MU im. S.Yu. Vitte», 2014. S. 309–323.
24. *Tokareva E.A.* Pechat' i gosudarstvennaya vlast' v Rossijskoj imperii v nachale XX veka // *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2014. № 4 (20). S. 21–25.
25. *Filippova E.I.* Territoriya identichnosti v sovremennoj Francii. M.: FGNU, 2010. 300 s.
26. *Xomyakov N.B.* Identichnost', tolerantnost' i ideya grazhdanstva // *Grazhdanskie, e'tnicheskie i religiozny'e identichnosti v sovremennoj Rossii / pod red. V.S. Magun, L.M. Drobizhevoj, I.M. Kuzneczova.* M.: Institut sociologii RAN, 2006. 327 s.

E.A. Tokareva

The Russian Artistic Intelligentsia and Power: Some Questions of Theory and History of Studies

This article analyses some theoretical and methodological issues of studying the relations between Russian artistic intelligentsia and power. The author emphasizes the need for serious scientific analysis of the mechanisms of socio-cultural modernization in Russia's history, establishing of a link between the development of civil society and the development of the intellectual professions in the practical field of civil and creative publicity.

Keywords: socio-cultural modernization; self-consciousness, self-identity and value orientations of artistic intelligentsia; civil and professional identity of the intelligentsia.

Н.И. Музафарова

Отношение советской власти к религии (1917–1939 годы)

В статье прослежены вопросы взаимоотношения Советского государства и Церкви, раскрываются формы и методы, которые проводили коммунисты в борьбе против религии как враждебной социализму идеологии.

Ключевые слова: советская власть; религия; церковь; государственный атеизм.

Советская власть с первых лет своего существования изменила отношение к религии. На протяжении многих столетий взаимоотношения власти и религии складывались и определялись уровнем политического и социально-экономического развития общества. Религия как форма общественного сознания способствует формированию мировоззрения, морально-этических норм верующих, представляет духовную культуру народа. Государство, учитывая силу влияния и многоплановость функций религии, использовало конфессиональные организации в целях воздействия на людей.

Русская православная церковь (РПЦ) до революции 1917 года была клерикальной и занимала привилегированное положение. За многовековой период ее существования был создан государственно-церковный монолит, сущность которого обосновал С. Уваров в официальной формуле «Православие. Самодержавие. Народность». В условиях советской власти РПЦ была лишена всех прав и поставлена в жесткие рамки выживания. Наступила эпоха государственного атеизма. В определенной мере это можно объяснить трансформацией морально-этических установок раннего христианства, позицией церкви, вставшей на защиту господствующих классов в ущерб интересам простого народа. Н.А. Бердяев писал, что историческое христианство изменило первоначальным идеалам справедливости, добра, равенства людей (христианского социализма) и, постепенно перерождаясь, впало в греховность, оправдывая зло и насилие господствующей элиты. Это вызывало протест народа и привело к появлению атеизма в разных его формах. [1: с. 139–140].

Советская власть, учитывая приверженность населения религиозным традициям, объявила о свободе совести, что давало возможность верующим соблюдать культы или встать на позиции атеизма. 23 января 1918 года Советское правительство опубликовало декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который провозглашал принципы свободы совести. Согласно декрету каждому человеку предоставлялось право исповедовать любую религию или не признавать никакой [2: с. 272–273]. Однако в реальности свобода вероисповедания была сопряжена с трудностями, которые возникали в связи с проводимой большевиками политики непримиримого отношения к религии. Коммунистическая партия, придя к власти, в своем программном документе потребовала от своих членов бороться с религией как чуждой и даже вредной идеологией в деле построения социализма. Лидер партии большевиков В.И. Ленин заявлял о необходимости наступления на религию как классового врага и ставил задачи преодоления религиозных предрассудков трудящихся. Для этого в 1920 году после спада Гражданской войны были созданы агитационно-пропагандистские отделы (АПО), в обязанность которым вменялось проведение антирелигиозной работы среди населения.

В 1922 году вышла в свет статья В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма», которая явилась теоретической разработкой и стратегической установкой государственного атеизма [3: с. 33–43]. Самим названием статья нацеливала на воинствующий атеизм, давала установку на преодоление религиозного вероучения и господство материалистического мировоззрения. В целях преодоления религиозных предрассудков предлагалось использовать в агитации и пропаганде научно-просветительную работу и усилить критический материал, касающийся церкви и духовенства.

В связи с отсутствием квалифицированных кадров и стремлением партийных и советских работников быстрыми темпами «покончить» с религией началась «вакханалия» по отношению к духовенству и верующим. Принципы свободы совести от заявленного гуманного, толерантного отношения к верующим трансформировались в политику воинствующего атеизма. Вопрос борьбы с религией был перенесен из идеологической области в сферу практических действий: закрытие и уничтожение храмов, культовых аксессуаров, представлявших шедевры искусства и памятники старины, гонение верующих и репрессии духовенства.

АПО рекомендовало антирелигиозную работу проводить в тесной связи с задачами социалистического строительства – культурной революцией, индустриализацией, коллективизацией. Однако взятый курс на форсированное выполнение планов пятилеток адекватно отразился в антирелигиозной работе, принимая форму «ударных» методов борьбы с религией. Следует отметить, что в первые два десятилетия после революции стало развиваться антирелигиозное движение, охватившее значительные слои бедняцкой молодежи и части средних слоев населения. Вместе с тем нельзя не указать на фактор сопротивления части населения проводимой антирелигиозной политики.

Этим объясняется участие священнослужителей и верующих в Гражданской войне на стороне белой армии, а также выступление против мероприятий советского государства в период изъятия церковных ценностей для помощи голодающим в 1922 году.

Оценка изъятия церковных ценностей неоднозначна и вызывает споры. Одна из концепций заключается в утверждении, что советское государство перешло на позиции нанесения мощного удара религиозным организациям в целях уничтожения религии. Другая концепция исходит из тяжелого экономического положения — обрушившийся на Поволжье голод и вынужденное изъятие ценностей храмов для обмена на импортные продукты питания.

Атеистическая работа на каждом этапе советского государства имела свои черты. В годы Гражданской войны это были небольшие «агитки» (листы, плакаты, стенгазеты), выступления агитаторов, концерты художественной самодеятельности. К примеру, добровольческий отряд В.Ф. Сивкова, действовавший в тылу колчаковских войск в 1918–1919 годы, в периоды мирных передышек занимался агитационно-пропагандистской работой. Активисты его отряда проводили беседы с населением, выступали с концертами, сочиняли частушки, ставили инсценировки, написанные собственными авторами — Дудницким, Думченко, Кошелевым (СГАСПИ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 337. Л. 80).

Мероприятия, связанные с расширением атеистической работы, сопровождались рядом законодательных актов по реформированию образования и процесса воспитания, внедрению новой социалистической обрядности, ломке стереотипов мышления старшего поколения. Основными мероприятиями в этой сфере были ликбез, расширение сети начальных школ и открытие их в районах проживания национальных меньшинств, издание учебников на родном языке народов России и др. Необоснованно резкой формой борьбы с религиозными воззрениями стали антирелигиозные кампании. Инициаторами их проведения были союзы воинствующих безбожников (СВБ), созданные в 1924–1925 годы под руководством Е. Ярославского. Деятельность СВБ обуславливалась иллюзией партийных, советских работников и революционно настроенной молодежи «одним махом» покончить с религией. В конце 1920-х – начале 1930-х годов СВБ широкомасштабно провели кампании по закрытию церквей, сбрасыванию колоколов (на нужды индустриализации). Это вызвало многочисленные протесты верующих в связи с нарушением принципов свободы совести и прав человека. Советские органы вынуждены были рассмотреть «громкие» дела по закрытию храмов и отменить некоторые скоропалительные решения. Однако процесс борьбы с религией набрал сокрушительные обороты.

Среди «ударных» и популярных форм антирелигиозных мероприятий были диспуты. Они проводились при скоплении большого числа людей и длились по несколько часов, вызывая интерес слушателей. АПО Центрального комитета предостерегал местные органы не увлекаться данной формой, поскольку не хватало пропагандистов, способных аргументированно доказать

преимущества социалистической идеологии. Нередко лица духовного звания, владея искусством риторики, были более убедительными в своих выступлениях, побеждая партийных ораторов. Вместе с тем следует назвать видных представителей советского аппарата, которые прославились своей эрудицией на диспутах. Большой интерес и популярность вызывали своими выступлениями на диспутах А.В. Луначарский и Е.М. Ярославский, которые хорошо знали библейское и социалистическое учения. А.В. Луначарский в ряде городов проводил диспуты с А. Введенским (лидером обновленцев) и умело оппонировал, одновременно критикуя и указывая на слабые стороны обновленцев и староцерковников. В Перми и Екатеринбурге диспуты, в которых участвовал Луначарский, длились по пять-шесть часов. На эти диспуты стремились попасть толпы людей, они пробуждали интерес слушателей к истории и становлению государственно-церковных отношений, вызывали множество вопросов, порой втягивали в дискуссию отдельные лица (СГАСПИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 108. Л. 21).

Основными формами антирелигиозной работы были лекции, беседы, громкие читки атеистической литературы в клубах, избах-читальнях, красных уголках. В газетах и журналах публиковались материалы для лекций и бесед, давались методические рекомендации. Местные пропагандисты, накапливая опыт работы с населением, разрабатывали циклы атеистических лекций с соответствующими методическими рекомендациями. Пропагандист А. Вернеев (г. Пермь), к примеру, рекомендовал читать цикл лекций по трем отраслям знаний: естественнонаучной, марксистской и богословской [4: с. 46–52]. Аналогичные чтения цикла лекций проводились во многих регионах.

АПО заботились об идейно-теоретическом содержании лекций и периодически рассылали рекомендательные материалы. Уделялось внимание вовлечению в агитационно-пропагандистскую работу активистов из разных страт. Интерес и непреходящую ценность представляют советы начинающему лектору. Суть их заключалась в следующем: 1) лекцию читать спокойно и уверенно; 2) в содержание включить материал, настраивающий слушателей к размышлениям; 3) излагать доходчиво, не увлекаясь виртуозными фразами и пустословием; 4) не допускать оскорбления чувств верующих; 5) учитывать состав слушателей и дифференцированно подходить к аудитории [5: с. 2–3]. Названные рекомендации свидетельствуют о стремлении пропагандистских органов улучшить идеологическую работу, повысить уровень мастерства лекторов, которые сталкивались в полемике с духовенством.

Духовные лица имели навыки воздействия на паству, они обучались риторике, ведению службы, проведению литургии, тогда как партийные пропагандисты и агитаторы приобретали первый опыт общения с аудиторией. Вопросы идеологической борьбы проявлялись в разной форме. Иногда под видом коммунистических пропагандистов выступали их оппоненты. В Екатеринбургской губернии, например, с лекциями выступал бывший приват-доцент МГУ

Э. Ропп, который умышленно указывал на негативные стороны марксистского учения (СГАСПИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 106. Л. 21–22). В Тюменской губернии и Тобольском округе с лекциями и на диспутах выступал религиозный идеолог А.Б. Ярославский, явно компрометируя Е.М. Ярославского (ГАТО. Ф. 30. Оп. 4. Д. 108. Л. 2). В подобных случаях советские органы административными мерами прекращали «гастроли» лекторов, взгляды которых не совпадали с социалистической идеологией.

В агитационно-пропагандистской работе все большее значение приобретали лекции. С подготовкой кадров, накоплением опыта и навыков работы с разной аудиторией лекции по содержанию и по форме изложения заняли надлежащее место в атеистическом воспитании. Прошедшие подготовку лекторы находили контакт со слушателями, реагировали на их запросы, материал излагали в контексте хозяйственно-трудовых задач в доходчивой и эмоциональной форме. Тем не менее данный подход к атеистическому воспитанию нарушался, приобретая порой необоснованно грубые методы борьбы с религией, верующими, духовенством.

ЦК ВКП (б), обобщая опыт идеологической работы в 1928 году, дал критику партийным организациям Украины, Урала, Сибири, которые уделяли недостаточное внимание атеистическому воспитанию, а потому потребовал улучшить агитацию и пропаганду с учетом преддверия Пасхи (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 142. Л. 3–4).

Значительное место в агитационно-пропагандистской работе занимала печать. Ко второй половине 1920-х годов основная масса населения стала грамотной, потому партийные и профсоюзные организации активно проводили подписку на газеты и журналы. В каждом номере изданий публиковались атеистические статьи, неравнозначные по содержанию: научные, резко сатирические и т. д. К примеру, стихи Д. Бедного не отличались глубиной содержания, носили характер грубых выпадов против церкви, духовенства, верующих. Они публиковались в журналах «Безбожник», «Безбожник у станка», «Антирелигиозник» и др. Центральные органы неоднократно давали указания не допускать грубых выпадов против религии и верующих, однако данные директивы издательствами часто игнорировались.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов антирелигиозная работа проводилась под лозунгом «Борьба с религией — борьба за социализм». Основная работа проводилась Союзом безбожников, комсомолом и другими общественными организациями под непосредственным руководством партийных комитетов. Действия СВБ и комсомола часто носили грубый, оскорбительный характер. Особенно это проявилось при проведении кампаний «Комсомольское рождество» и «Комсомольская пасха», в которых участвовало значительное количество молодежи. Кампании напоминали карнавальные шествия с антирелигиозными лозунгами, они сопровождались выкриками против духовенства и верующих, а в финале сожжением изображений Бога, культовых аксессуаров и уничтожением церковных атрибутов. Постепенно названные мероприятия уходили с авансцены, уступая место

научным лекториям. В 1930-е годы в практику стали входить кинолектории с широкой тематикой по разным отраслям науки, техники, хозяйственно-бытовой жизни. Кинолектории пользовались большой популярностью и спросом у разных слоев населения.

Успехи в выполнении задач пятилеток, развернутое стахановское движение, инициатива комсомола каждому овладеть «техминимумом» знаний привели к отходу части населения от религии. Большая часть духовенства встала на лояльные позиции к Советской власти. Конституция СССР 1936 года внесла изменения в государственно-религиозные отношения. Была предоставлено право голосования верующим и духовенству независимо от вероисповедания. Принципы свободы совести (равно в Конституциях 1977 и 1993 годов) официально сохранили свой статус. В реалии право свободного вероисповедания в советский период было затруднено.

Во второй половине 1930-х годов борьба с религией заметно ослабела. Центр тяжести был перенесен на хозяйственно-экономическую сферу, с одной стороны, военно-спортивную работу — с другой. В среде партийных и советских работников появилось убеждение о естественном отмирании религии по мере укрепления социализма. Подводя итоги 20-летнего периода существования Советской власти в 1937 году, Е.М. Ярославский говорил, что две трети городского и треть сельского населения порвали с религией [5: с. 12]. Вместе с тем его высказывания вызывают сомнение. Веками существовавшие традиции и обряды не могли так быстро исчезнуть. В семейном кругу, с друзьями и близкими люди продолжали соблюдать религиозные обряды, которые по истечении десятилетий обрели светский характер, но сохранили народный национальный колорит.

После распада СССР социалистическая идеология и атеистическая пропаганда были отвергнуты. Их место заняла «западная», плюралистическая идеология, прикрываемая демократизмом. Конфессиональные организации получили возможность свободно функционировать, начался процесс по возрождению храмов, народных традиций, отправлению культов, открытию духовных семинарий и высших богословских учебных заведений. Этим объясняется религиозный бум, который произошел в постсоветский период. Однако значительная часть населения религию воспринимает как внешний атрибут, своеобразную причастность к духовной культуре, не следуя ее гуманным моральным ценностям. Это привело к расширению деятельности религиозных организаций, с одной стороны, но и определенному мировоззренческому, морально-этическому кризису, с другой.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.) // Собрание узаконений Рабочего и Крестьянского правительства. НКЮ. 1918. № 18. Ст. 263.
3. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 45. М.: Политиздат, 1974. С. 23–33.

4. Уральский коммунист. 1923. № 11–12. С. 46–52.
5. Уральский рабочий. 1924. 20 августа.
6. *Ярославский Е.М.* О религии. М.: Государственное политическое издательство, 1967. 639 с.

Literatura

1. *Berdyayev N.A.* Istoki i smy'sl russkogo kommunizma. M.: Nauka, 1990. 224 s.
2. Dekret SNK «Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly' ot cerkvi» (23 yanvaryaya 1918 g.) // Sobranie zakononij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. NKYu. 1918. № 18. St. 263.
3. *Lenin V.I.* O znachenii voinstvuyushhego materializma // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. T. 45. M.: Politizdat, 1974. S. 23–33.
4. Ural'skij kommunist. 1923. № 11–12. S. 46–52.
5. Ural'skij rabochij. 1924. 20 avgusta.
6. *Yaroslavskij E.M.* O religii. M.: Gosudarstvennoe politicheskoe izdatel'stvo, 1967. 639 s.

N.I. Muzafarova

The Attitude of the Soviet Authority Towards Religion (1917–1939)

The article traced the problems of relationship of the Soviet state and the Church. The author reveals the forms and methods which the communists carried out in the struggle against religion as an ideology hostile to socialism

Keywords: Soviet authority; religion; Church; State atheism.

Е.А. Карпов

Артиллерийские подготовительные училища как инструмент послевоенной модернизации в СССР

В статье впервые рассматривается вопрос взаимосвязи модернизационных процессов в СССР после окончания Великой Отечественной войны с деятельностью артиллерийских подготовительных училищ — военно-учебных заведений для подростков с профессиональной артиллерийской составляющей, функционировавших в 1946–1955 годах.

Ключевые слова: артиллерийские подготовительные училища; воинское обучение и воспитание в СССР; модернизация; ремодернизация; советская молодежь; послевоенный период истории СССР; подготовительные военно-учебные заведения для подростков.

К моменту окончания Великой Отечественной войны в Советском Союзе разворачивается широкомасштабная реконструкция и обновление промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом, системы образования, системы управления страной и других сфер государственной деятельности с максимальным использованием потенциала имеющихся производительных сил и даже сверх этого. Модернизация и ремодернизация (восстановление полноты циклов и реконструкция) были явлениями, которые охватили многие сферы жизнедеятельности советского общества, вызвав повсеместный энтузиазм.

Модернизационные процессы происходили и в Вооруженных Силах СССР (далее — ВС СССР). С 1945 года их численность сократилась более чем наполовину (с 11,3 млн до 2,8 млн чел.), но к началу 1950-х годов, в связи с эскалацией «холодной войны», она снова возросла. Сокращения практически не коснулись артиллерийских частей и соединений. Начиная с 1943 года было создано 11 новых военных округов [4: с. 5, 10]. На вооружение были приняты новые модели оружия. Изменения коснулись и системы подготовки кадров, в частности, системы подготовительного военно-профессионального образования для подростков, которая сложилась в 1937–1940 годах и была представлена школами военно-музыкантских воспитанников, артиллерийскими и военно-морскими спецшколами, а также спецшколами ВВС. Спецшколы находились в ведении народных комиссариатов просвещения союзных республик.

Одним из участников модернизационных процессов в ВС СССР послевоенного периода являлись артиллерийские подготовительные училища (далее — АПУ) — подготовительные военно-учебные заведения для подростков с профессиональной артиллерийской составляющей. Всего в ведении Министерства

Вооруженных Сил СССР (с 1950 года — Военного министерства СССР) в 1946–1955 годах действовало десять АПУ, расположенных в РСФСР, УССР, БССР и Армянской ССР, со сроком обучения три года — 8-й, 9-й и 10-й классы. Воспитанники проживали в интернатах, фактически в казарме¹.

Цель настоящей статьи — рассмотреть создание, деятельность и ликвидацию сети АПУ в рамках модернизационной парадигмы, показать взаимосвязь АПУ с модернизационными процессами в ВС СССР и в стране в первое послевоенное десятилетие.

Создание сети АПУ стало заключительным звеном в процессе модернизации сложившейся до войны системы учебных заведений для подростков с военно-профессиональным компонентом. Модернизация имела целью обеспечение эффективной подготовки кадров для видов и родов войск армии и флота, а также войск и органов НКВД СССР в условиях крупного военного противостояния.

Изначально создание такой системы также было обусловлено модернизационными процессами в рамках подготовки Красной Армии и Флота к современной войне в условиях активной внешней политики СССР второй половины 1930-х годов [1: с. 35–37; 2: с. 262–371].

Модернизация системы подготовительного военного образования для подростков началась в 1943 году. В целях подготовки кадров для военных училищ была создана сеть суворовских военных училищ (далее — СВУ), а в целях подготовки кадров для военных училищ войск и органов НКВД и НКГБ СССР были созданы СВУ войск НКВД СССР. В 1944 году, чтобы обустроить детей военнослужащих и партизан, были созданы нахимовские военно-морские училища (далее — НВМУ), а в целях повышения качества кадров для военно-морских училищ созданы военно-морские подготовительные училища (далее — ВМПУ).

Наконец, к концу августа 1946 года, чтобы повысить качество подготовки кадров для комплектования артиллерийских училищ, вместо упраздняемых артспецшкол была создана сеть АПУ². Очевидно, их создание также было обусловлено необходимостью повышения уровня владения оружием офицерским составом. Существовавшая до войны система обучения и воспитания командных кадров для армии была признана недостаточно эффективной, в большей степени теоретической.

Так, 22 августа 1944 года маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал заместителю народного комиссара обороны СССР по кадрам, начальнику Главного управления кадров НКО СССР генерал-полковнику Ф.И. Голикову о том, что даже на завершающем этапе войны командиры плохо знают технику [3: с. 480–481]. Артспецшколы не справлялись с возложенной задачей: более 30 % их выпускников, не связанных никакими обязательствами, отказывались продолжать обучение в артиллерийских училищах (ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 178673. Д. 510).

¹ Подробнее о создании, деятельности и ликвидации АПУ см. [6].

² АПУ были созданы в соответствии с постановлением Совмина СССР от 10 июля 1946 года № 1532-680сс «Об организации артиллерийских подготовительных училищ в системе Министерства Вооруженных Сил Союза ССР».

Поскольку артиллерия оставалась основой огневой мощи Советской Армии, предусмотренное обязательное распределение выпускников АПУ в артиллерийские училища должно было обеспечить регулярный приток офицеров, знакомых с артиллерийским вооружением со школьной скамьи.

Модернизация системы подготовительного военного образования для подростков происходила на фоне масштабных мер по восстановлению социального обеспечения и системы образования, нарушенных за годы войны и направленных на возвращение массы подростков в русло социально-приемлемых общественных отношений и в учебный процесс.

Масштаб предстоящей работы был огромным: только сирот в детских домах насчитывалось более 1,5 млн чел. [1: с. 70].

Достаточно быстро восстанавливалась довоенная школьная сеть, были организованы пришкольные интернаты. В 1943–1944 годах для обучения без отрыва от производства подростков, работающих на предприятиях и на селе, были созданы школы рабочей и сельской молодежи. В том же 1943 году для детей, потерявших родителей, была создана сеть специальных ремесленных училищ (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 217). Воспитанники детских домов, трудовых колоний НКВД СССР, а также дети, оставшиеся без родителей, были впервые направлены по разверстке в ремесленные, железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения (далее — школы ФЗО) (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 216). Завершался переход к обязательному семилетнему образованию, что являлось безусловным прогрессом даже по сравнению с довоенным периодом [7: с. 56].

В 1944 году в детские дома, школы ФЗО, ремесленные училища и на работу было устроено примерно 598 200 сирот. Еще около 350 000 таких детей к концу войны воспитывались в семьях [3: с. 375].

Благодаря мерам, предпринятым государством, к концу Великой Отечественной войны уровень детской и подростковой преступности сравнялся с довоенным. В 1945 году количество преступлений, совершенных детьми и подростками, приблизилось к уровню 1940 года (6,2 % и 5 % соответственно от общего количества преступлений в стране за год) [4].

В 1946–1947 годах была усилена борьба с беспризорностью, безнадзорностью и детской преступностью. Активизирована работа отделов НКВД / УНКВД на данном направлении, был развернут массовый призыв в школы ФЗО, выросла численность детских домов, усилены меры административного воздействия к родителям и лицам их заменяющим [8: с. 33, 42].

Если СВУ изначально были сформированы в том числе с целью заботы о сиротах и полусиротах, то АПУ, НВМУ, СВУ войск НКВД СССР, как следует из соответствующих постановлений высших коллегиальных органов власти СССР об их создании, были ориентированы на обучение прежде всего детей военнослужащих армии, флота, сотрудников войск и органов НКВД СССР и НКГБ СССР с последующим поступлением в военные училища по специализации.

Вместе с тем в указанных нормативных правовых актах была особо закреплена социальная функция этих военно-учебных заведений: дети погибших военнослужащих и других советских граждан имели преимущество при поступлении (кроме ВМПУ, фактически было также) (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 217, 218, 226, 229; Оп. 106 а. Д. 216).

Восстановительные процессы нашли отражение и в деятельности АПУ. Прежде всего к ним относится ликвидация отставания воспитанников в учебе и общее укрепление организма. Как отмечают начальники училищ, при поступлении в АПУ кандидаты имели недостаточную подготовку, в том числе по русскому языку (особенно в Армянской ССР и Украинской ССР) и математике, по иностранному языку, культуре речи, а также слабое общее и физическое развитие (ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 363274с. Д. 61, 67, 69, 75, 78, 84; Оп. 363275с. Д. 21, 53, 55, 57).

Отмечается несоответствие уровня знаний кандидатов оценкам, проставленным в свидетельствах об окончании семи классов. Изначально уровень знаний воспитанников 10-х классов равнялся примерно 6–7-му классам общеобразовательных средних школ. Значительное количество воспитанников при этом было старше положенного возраста.

Только по данным Отдела народного образования Харьковской области, выпуск из 7-го класса 17-тилетних переростков должен был продолжаться до 1950 года (ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 363274с. Д. 68). Управлением артиллерийских военно-учебных заведений в аппарате командующего артиллерией Советской Армии был издан ряд директив, согласно которым разрешалось принимать таких ребят в 8-й, позднее в 9-й и 10-й классы АПУ. Переростки обучались в АПУ, по крайней мере, до 1952 года. На момент выпуска им было по 19, 20 и даже 21 год³.

Судя по всему, руководству АПУ удалось достаточно успешно преодолеть отставание по общеобразовательным предметам и повысить уровень обучения, о чем свидетельствует количество выпускников-медалистов и рост успеваемости. Например, в 1948 году только в 1-м и 2-м Московских, Ленинградском и Киевском АПУ общее количество воспитанников с золотыми и серебряными медалями составило 53 чел. на 526 выпускников, а в 1953 году — уже 151 медалист на 576 выпускников соответственно (ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 363275 с. Д. 52, 53; Ф. 60162. Оп. 670045 с. Д. 1; Ф. 60170. Д. 2; Ф. 60173 а. Оп. 505393 с. Д. 3; Ф. 60174. Оп. 502801 с. Д. 16).

В том же 1948 году среднее количество «отличников» по указанным училищам составляло 22,4 %, а «хорошистов» 43,9 % от общего количества воспитанников, а в 1952 году «отличники» составляли уже 35,7 %, а «хорошисты» 48,8 % (ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 363275с. Д. 52, 53, 55, 57; Оп. 74381с. Д. 33.).

Хорошим стимулом повышения успеваемости являлась возможность выбора «отличниками» и «хорошистами» артиллерийского училища для дальнейшего обучения. Однако невысокая успеваемость по русскому языку при изначальной малограмотности так и осталась одной из основных проблем.

³ Подробнее о социально-демографическом составе АПУ см. [5].

Укреплению организма способствовало регулярное питание по «курсантской» норме, а также хорошо поставленная система физической подготовки. Фактически заново воспитанникам прививали нормы гигиены и дисциплины, обучали правилам этикета.

Педагоги контролировали и направляли процессы личностного развития воспитанников: осуществлялось повышение культурного уровня, развитие кругозора, культивирование положительных личностных качеств, разностороннее развитие в целом, приобретение новых умений и навыков, включая воинские, социализация воспитанников и т. д. Этому способствовали различные мероприятия внеклассной работы (посещение театров, музеев, кино, экскурсии на предприятия, встречи с героями войны и труда, писателями, вечера танцев и самодеятельности) и система дополнительного образования, представленная в АПУ многочисленными кружками, прежде всего военными.

За время учебы в АПУ под влиянием обстановки и окружения в сознании воспитанников происходила трансформация — переход гражданского юноши в иной, более высокий в их представлении социальный статус «настоящего» военного.

Ликвидация всей сети АПУ в 1955 году была обусловлена очередным витком модернизации в ВС СССР.

К концу 1940-х годов эскалация «холодной войны» вызвала начало «гонки вооружений» между СССР и США. Военная конфронтация с Западом послужила катализатором для научно-технической революции в СССР, основой для которой стало стремительное развитие областей науки, связанных с обороноспособностью.

Официальная причина ликвидации всей сети АПУ пока неизвестна. Вместе с тем в 1954–1955 годах начинается оснащение ВС СССР ракетным вооружением. В связи с общим развитием наступательного вооружения и, как следствие, в условиях общего сокращения армии в этот период готовится массовое расформирование артиллерийских корпусов, дивизий, бригад и полков. Значительная часть артиллерийских, минометных и зенитно-артиллерийских дивизий, бригад и полков должна была стать основой ракетных частей [9: с. 32, 34]. Армии не требовались артиллерийские офицеры в прежнем количестве. Очевидно, что содержание АПУ стало нецелесообразным.

Вместе с тем АПУ сыграли определенную роль в становлении ракетных войск: значительная часть курсантов Ростовского высшего инженерного артиллерийского и Камышинского артиллерийского технического училищ, которых первыми в СССР в 1950-е годы готовили к работе с ракетной техникой, ранее учились в АПУ (ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 908345. Д. 264).

Одновременно с ликвидацией сети АПУ модернизации подверглась вся система подготовительного военного образования для подростков. В 1948 году были закрыты ВМПУ. В 1955 году были ликвидированы спецшколы ВВС. Очевидно, в том же году школы военно-музыкантских воспитанников на правах детских домов были переданы в ведение министерств просвещения союзных республик,

а 2-я Московская школа военно-музыкантских воспитанников преобразована в Московское суворовское военно-музыкантское училище. В 1960 году наряду с очередным сокращением ВС СССР были закрыты Ленинградское суворовское пограничное военное училище КГБ при Совмине СССР и СВУ МВД СССР в Ташкенте (бывшие СВУ войск НКВД СССР).

Таким образом, на смену подготовительным военно-учебным заведениям для подростков с профессиональной составляющей пришли универсальные СВУ.

Подводя итоги, можно констатировать, что создание, деятельность и ликвидация сети АПУ происходило в рамках общего поступательного развития ВС СССР, а также советского государства и общества послевоенного периода. В разное время сеть АПУ попеременно выступала в роли субъекта и объекта модернизационных процессов в ВС СССР. Кроме того, деятельность училищ, обращенная на воспитанников, включала восстановительные процессы и личностную модернизацию.

Училища сыграли определенную роль в укреплении обороноспособности страны. За девять лет они подготовили для военных училищ около 11 300 чел. Кроме того, деятельность АПУ косвенно способствовала очередному витку модернизационных процессов в ВС СССР, в результате которых сеть этих училищ и была ликвидирована.

Литература

1. *Березняцкий В.С.* История военно-подготовительных, специальных школ и подготовительных училищ отечественных Вооруженных сил: 1921–1955 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2006. 185 с.
2. *Богатуров А.Д.* Системная история международных отношений: 1918–2000. Т. 1: События 1918–1945 гг. М.: Московский рабочий, 2000. 516 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: Воен.-ист. очерки. Книга третья: Освобождение / под ред. В.А. Золотарева, В.П. Зимонина. М.: Наука, 1999. 510 с.
4. *Емелин С.М.* Борьба с несовершеннолетней преступностью в годы Великой Отечественной войны // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 1 (27). URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic=1412>.
5. *Карпов Е.А.* Источники социально-демографических сведений о воспитанниках артиллерийских подготовительных училищ // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 3 (19). С. 46–54.
6. *Карпов Е.А.* Артиллерийские подготовительные училища: организация, кадры, деятельность (1946–1955) // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4. С. 59–65.
7. *Малхасян Н.В.* Политика советского правительства в области народного образования в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 55–57.
8. *Славко С.С.* Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 33–42.
9. *Феськов В.И., Калашиников К.А., Голиков В.И.* Советская армия в годы «холодной войны» (1946–1991). Томск: Изд-во Томского университета, 2004. 246 с.

Literatura

1. *Bereznyaczkiĭ V.S.* Istoriya voenno-podgotovitel'ny'x, special'ny'x shkol i podgotovitel'ny'x uchilishh otechestvenny'x Vooruzhenny'x sil: 1921–1955 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. SPb., 2006. 185 s.
2. *Bogaturov A.D.* Sistemnaya istoriya mezhdunarodny'x otnoshenij: 1918–2000. T. 1: Soby'tiya 1918–1945 gg. M.: Moskovskij rabochij, 2000. 516 s.
3. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945: Voен.-ist. ocherki. Kniga tret'ya: Osvobozhdenie / pod red. V.A. Zolotareva, V.P. Zimonina. M.: Nauka, 1999. 510 s.
4. *Emelin S.M.* Bor'ba s nesovershennoletnej prestupnost'yu v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' // Voprosy' yuvenal'noj yusticii. 2010. № 1 (27). URL: <http://juvenilejust.org/index.php?showtopic=1412>.
5. *Karpov E.A.* Istochniki social'no-demograficheskix svedenij o vospitannikax artillerijskix podgotovitel'ny'x uchilishh // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2015. № 3 (19). S. 46–54.
6. *Karpov E.A.* Artillerijskie podgotovitel'ny'e uchilishha: organizaciya, kadry', deyatel'nost' (1946–1955) // Vestnik Akademii voennyx nauk. 2015. № 4. S. 59–65.
7. *Malxasyan N.V.* Politika sovetskogo pravitel'stva v oblasti narodnogo obrazovaniya v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2011. № 3. T. 1 (Gumanitarny'e nauki). S. 55–57.
8. *Slavko S.S.* Gosudarstvennoe regulirovanie processa likvidacii detskoj besprizornosti v Rossii v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' i v poslevoenny'j period // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2010. № 120. S. 33–42.
9. *Fes'kov V.I., Kalashnikov K.A., Golikov V.I.* Sovetskaya armiya v gody' «xolodnoj vojny'» (1946–1991). Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2004. 246 s.

E.A. Karpov

Artillery Preparatory School as an Instrument of Postwar Modernization in the USSR

The paper for the first time considers the problem of relationship of modernization processes in the USSR after the end of Great Patriotic war with the activity of the artillery preparatory schools — military educational institutions for teenagers with professional artillery component, which functioned in 1946–1955.

Keywords: artillery preparatory schools; military training and education in the USSR; modernization; remodernization; Soviet youth; the post-war period of Soviet history; the preparatory military educational institutions for teenagers.

А.А. Павлов

Магистратура и плебейский трибунат у Авла Геллия: к вопросу систематизации римской магистратуры

В статье анализируется использование римским антикваром Авлом Геллием в его труде «Аттические ночи» терминов, связанных с систематизацией магистратуры. Автор отмечает, что Геллий, давая информацию об отдельных видах магистратуры, не ставит перед собой задачи представить систему магистратуры как таковую; трибунат никогда не фигурирует в качестве примера при рассмотрении отдельных видов магистратуры, за исключением специфического, восходящего к Варрону, членения магистратуры, исходящего из критерия наличия или отсутствия *ius vocationis*. Геллий рассматривает трибунат как магистратуру, причем вне ее социальной дихотомии (*m. patricii/plebei*), не замечая при этом возникающих в систематике противоречий.

Ключевые слова: плебейский трибунат; магистратура; Авл Геллий.

Проблема соотношения магистратуры и плебейского трибуната имеет важное значение для понимания характера римской республиканской конституции, оставаясь в то же время дискуссионной в современной историографии [25]. Исследование текстов римских антикваров и грамматиков, уделявших большое внимание римским республиканским институтам и сохранившим в своих сочинениях аутентичную латинскую лексику II–I вв. до н. э., позволяет глубже понять характер как магистратской власти, так и плебейского трибуната. Одним из важнейших такого рода сочинений являются «Аттические ночи» римского антиквара II в. н. э. Авла Геллия, хорошо знакомого не только с антикварной, но и юридической традицией [37].

Термин *magistratus* встречается в «Аттических ночах» неоднократно¹, как и ряд определений, позволяющих говорить об античной систематизации магистратуры. У Геллия мы встречаем следующую типологию магистратуры:

¹ Термин использован автором 46 раз в 11 книгах из 20 (I. 7. 2; 13. 11, 12; II. 2L, 2. 6, 7, 9, 13; III. 2. 10; 18. 4, 6; V. 17. 2; X. 3. 2, 3, 5, 19; 13. 4; 20. 2; XI. 1. 2, 4; XII. 3. 1, 3; XIII. 12. 6; 13. 3, 4; 15L, 1; XIV. 7. 2, 4; XV. 4. 3; XVII. 9. 8), в том числе в двух случаях в названиях параграфов.

magistratus populi Romani (6 случаев употребления), *magistratus Romani* (1), *magistratus maiores* (1), *magistratus minores* (7), *magistratus curules* (2); имеется также случай, позволяющий говорить о *magistratus extraordinarii* (XIV. 7. 5), хотя сам термин отсутствует. Кроме того, ссылаясь на Варрона, Геллий делит магистратов на обладающих правом вызова (*vocatio*), обладающих правом ареста (*prensio*) и не имеющих ни того, ни другого (XIII. 12). Не останавливаясь на подробном анализе самих понятий, чему посвящена обширная литература², сосредоточим свое внимание на их использовании и трактовке Геллием.

Magistratus populi Romani

Авл Геллий не раз употребляет термины *magistratus populi Romani* (далее также *m. populi Romani* и MPR)³, а также *magistratus Romani* (X. 3. 3). Данное деление является теоретически важным для понимания трибуната, хотя сегодня не всегда рассматривается исследователями. Б.Г. Нибур, как известно, отделил римскую гражданскую общину (*populus=patres*), обладавшую политической организацией, от плебейской общности (переселенных в Рим лагинов), которой недоставало политических прав [35: s. 173ff.]. Это деление предопределило во многом и его характеристику трибуната. В первом издании своего труда он отметил, что «согласно римскому государственному праву, трибулат не был магистратурой» [33: s. 411], но во втором изменил свою точку зрения; здесь он пишет: «В седьмом веке от основания Города они были в высшей степени магистратами нации (т. е. *magistratus populi*. — *A.II.*), в то время как в начале своего существования имели силу только над плебеями» [34: s. 642]⁴. К этой последней оценке трибуната присоединился Т. Моммзен⁵. Он, как и его последователи⁶, считал, что трибуны эволюционировали в сторону *magistratus populi Romani* от должности плебса. В то же время, рассматривая античную систематику магистратуры, он выделяет оппозиции *m. populi Romani* / *m. municipales* и *m. patricii* / *plebei*, но не *m. populi* / *plebei* [31: s. 17–18]. Итальянский романист Дж. Лобрано в специальной работе, посвященной данному вопросу (где им, однако, не затронуты случаи употребления термина *m. populi*

² О систематике римской магистратуры см., например, работы Т. Моммзена [31: s. 7–27], Э. Херцога [20: Bd. I, s. 582–593], Л. Ланге [22: s. 682–700], Б. Кюблера [21], Ф. де Мартино [27: p. 407–455], П. Виллемса [1: Вып. 2, с. 255–267], В.В. Дементьевой [4: с. 102–120] и др.

³ II. 2. 6; V. 17. 2; X. 3. 2; XI. 1. 4; XII. 3. 1; XIII. 13. 3. Геллий один из немногих античных авторов, у которых термин встречается неоднократно. У авторов предшествующего периода случаи его употребления единичны: Сис. Mamil. 55; Liv. II. 56. 12; IV. 27. 7; Vell. II. 2. 42. 1; Val. Max. VII. 3. 8; VIII. 1. 2. Чаше мы встречаем его у юристов эпохи империи — Сатурнина, Гая, Ульпиана, Модестина, у которых он, как правило, противопоставлен *magistratus municipales*.

⁴ Эта трансформация стала следствием политической эволюции автора [36].

⁵ В частности, главу, посвященную трибунату, он разделил на две части, назвав вторую «Трибулат как магистратура» [30: s. 247–303], понимая под «магистратурой» *magistratus populi*, единственно возможную в его (следующей за Полибием) трехчленной систематике римской конституции.

⁶ Так, например, современный английский исследователь Э. Бэдиан отнес эту трансформацию ко II в. до н. э. [17: p. 204].

Romani у Геллия), пришел к выводу, что в латинской литературе *magistratus plebei* никогда не противопоставляются *magistratus populi Romani* и, кроме того, в ней никогда не обсуждается эволюция *magistratus plebei* в *magistratus populi* [24].

Рассмотрим имеющиеся у Геллия случаи. Впервые в тексте термин MPR встречается (II. 2) в рассказе о посещении отцом и сыном, президом Крита, философа Тавра (II в. н. э.) в Афинах, где приводится рассуждение о соотношении власти отца и магистрата-сына. На приглашение философа сесть, адресованное отцу, последний ответил: «Пусть сидит магистрат римского народа, который обладает большей властью» (II. 2. 6). Термин также встречается в цитате из сочинения «О значении слов» Веррия Флакка (ар. *Gell.* V. 17. 2), где тот замечает, что «всякий раз, когда жертвоприношения ради ведения войны совершались магистратом римского народа на следующий день после календ, нон и ид, ближайшее сражение этой войны оказывалось для республики неудачным»⁷. В речи «Об обнародовании законов» (ар. *Gell.* X. 3. 2) Гай Гракх сетует, что М. Марий и некоторые почтенные мужи из италийских муниципий были несправедливо высечены прутьями по приказу магистратов римского народа; а также сообщает (X. 3. 3), что жители Кал запретили мыться своим гражданам в бане, когда там находился римский магистрат. Термин встречается и в переложении Геллием информации из второй книги Вальгия Руфа (I в. н. э.) «О вопросах, исследуемых в письмах» (XII. 3. 1), где тот, рассуждая о значении слова «ликтор», говорит, что, когда магистраты римского народа приказывали высечь розгами кого-либо, подвергаемому наказанию человеку связывал руки и ноги посыльный (*viator*). Геллий использует термин MPR также в собственных рассуждениях, говоря о различных видах штрафов в его время: «Когда, поэтому, даже и теперь устанавливается по обычаю предков штраф магистратом римского народа...» (XI. 1. 4); а также в параграфе о том (XIII. 13L), что эдилы и квесторы римского народа могут быть привлечены частным лицом к суду претора: «Многие, однако, полагали, что у претора нет права вызова в суд по отношению к квестору, ибо не подлежит сомнению, что магистрат римского народа не может быть вызван в суд, если не желает идти, а также не может быть схвачен или арестован без нанесения ущерба достоинству самой магистратуры» (XIII. 13. 3).

Наиболее ранним источником, цитируемым автором, где встречается термин MPR, является речь Гая Гракха; он содержится также в цитатах из Веррия Флакка и Вальгия Руфа. Как видно из приведенных пассажей, практически во всех случаях речь идет о противопоставлении *magistratus populi Romani* магистратам и реалиям муниципий и иных народов. Он использует *magistratus Romani* как термин синонимичный *m. populi Romani*, что подчеркивает понимание *populus* как *Romani*. В то же время мы нигде не встречаем у него

⁷ Текст глоссы сохранился в тексте Феста с большими купюрами (Fest. s.v. <Nonarum>. P. 186 L), а в эпитоме Павла Диакона полностью. Глосса Павла не содержит термина MPR, возможно, его не было и в тексте Феста. Вместо него мы встречаем у Павла *duces Romani*. Замена, если она и имела место, показывает, что автор противопоставлял римских магистратов неримским.

оппозиции *magistratus populi* — *magistratus plebis*, что подтверждает вывод, сделанный Дж. Лобрано. Вместе с тем у Геллия совершенно не встречается оппозиции *m. plebis* / *m. patricii*, что позволяет допустить, что он исходит из понимания магистратуры как единого, не расчлененного социально института⁸. Примеры словоупотребления Геллия дают возможность сделать и иной, не менее важный, вывод. В большинстве случаев под MPR понимаются магистраты с империем (в различных их полномочиях: военных, административных, карательных), но также и без него (квесторы, эдилы). Трибуны, хотя никогда не противопоставляются MPR как плебейские магистраты, вместе с тем никогда и не называются прямо в их числе, при том, что сфера их полномочий и пересекается с таковой MPR, например, в сфере *ius coercendi* (наложение штрафов, право ареста)⁹. Объединяющим началом для всех MPR Геллий (XIII. 13. 3) называет *maiestas*, чья степень, вероятно, разнится, вместе с различным статусом тех или иных магистратов внутри MPR: некоторые магистраты (квесторы, эдилы) могут быть вызваны частными лицами в суд, тогда как другие — нет. Автор исходит тем самым из того, что MPR есть некая иерархически структурированная система. Трибуны обладали, как известно, неприкосновенностью (*sacrosanctitas*), которая ограничивала их ответственность и, напротив, давала им возможность инициировать процессы против магистратов с империем. Однако трибуны не стали предметом рассмотрения автора с точки зрения их отношения к *maiestas*, соотношения ее с *sacrosanctitas*, подсудности самих трибунов либо их судебной компетенции в отношении высших магистратов. Таким образом, мы можем заключить, что, не противопоставляя плебейских магистратов *magistratus populi*, Геллий (и его источники) избегает связывать их с MPR.

Magistratus curules

О курульных магистратах мы встречаем у Геллия лишь косвенную информацию в параграфе, посвященном *pedarii senatores* (III. 18). Источником ее для него послужили «Комментарии» грамматика Гавия Басса. Из пассажа Басса¹⁰ следует, что курульные магистраты — это часть сенаторов преклонного возраста,

⁸ Отсутствие этих понятий в лексике Геллия не означает того, что они не были известны ему или его источникам, однако он предпочел все же их не касаться. Термин *magistratus plebei* известен его современнику — юристу Помпонию (D. 1. 2. 2. 20), одному из важных его источников — Веррию Флакку (Авл Геллий ссылается на «Дела, достойные упоминания» (IV. 5. 6), «О значении слов» (V. 17. 1–2; 18. 2), «О темных местах у Катона» (XVII. 6. 2–5); см. также: XVI. 14. 3–5; XVIII. 7. 5). Для II в. н. э. социальное деление магистратуры утратило, разумеется, свою актуальность, но для «игры ума», к которой призывал сам Геллий (Pref.), обращение к вопросу могло иметь интерес.

⁹ И то и другое имело, впрочем, свою специфику в сравнении с юрисдикцией магистратов.

¹⁰ *Gell.* III. 18. 4: «Ведь он утверждает, что сенаторы преклонного возраста, занимавшие курульную магистратуру, обыкновенно ради почести приезжали в курию на колеснице (*carrus*). В этой колеснице было кресло, на котором они восседали и которое по этой причине называлось курульным (*sella curulis*)».

приезжавших в сенат на колеснице, сидя на специальном кресле (*sella curulis*), которое получило свое название от *currus* (колесница); однако не все курульные магистраты были сенаторами, а только те, что вписаны цензорами в список сенаторов (III. 18. 6). Наличие или отсутствие *sella curulis* и было главным критерием выделения такого рода магистратов¹¹. Геллий не противопоставляет нигде «курульных» и «некурульных» магистратов (термина *non curules* у него нет), но, следуя Бассу и подчиняя его пассаж идее параграфа, он противопоставляет сенаторов — курульных магистратов и сенаторов, не достигших курульных должностей, вынужденных следовать в сенат пешком, а поэтому называемых *pedarii senatores*. Главное для него здесь — деление сенаторов, а не магистратов. Плебейские трибуны или какие-либо определенные магистраты в пассаже не упоминаются. Трибуны, как известно, не имели *sella curulis* [6: с. 51–53] и не были курульными магистратами¹², а исполняли свои обязанности, сидя на архаичных деревянных скамьях — *subsellia*¹³. Поскольку автор относит трибунов к магистратам (XIV. 7. 4) и сообщает об их вхождении в сенат в соответствии с плебисцитом Атиния (XIV. 8. 2), а также учитывая то, что трибуны не имели курульного кресла и не были курульными магистратами, они могли бы быть включены в общую систематику магистратуры (*non curules*) и в число *pedarii senatores*. Вместе с тем Геллий определяет курульных магистратов не только как старших по возрасту (*in aetate seniorum*), но и отличавшихся от других объемом почестей (*maioribus honoribus*; III. 18. 4), что вновь указывает на иерархическое структурирование магистратуры в зависимости от объема *honores*. Поскольку речь в пассаже идет о противопоставлении курульных и некурульных магистратов, то оппозицией к *maioribus honoribus* может быть *minoribus honoribus*, в связи с чем возникает общая с делением магистратуры на *maiores / minores* коннотация, но это деление не может быть применено к трибунам (см. ниже). Наконец, само деление на сенаторов — курульных магистратов и сенаторов — некурульных магистратов, о котором говорит Геллий, должно было возникнуть до вхождения трибунов в сенат. Все это препятствует рассмотрению трибуната с точки зрения дихотомии *m. curules / non curules*.

¹¹ Ср.: *Fest. s.v. Cur[r]ules*. P. 43: «Курульными магистраты названы оттого, что они передвигались на колеснице (*currus*)»; *Isid. Etym.* XX. 11. 11: «Курульными были те кресла, сидя в которых магистраты разрешали тяжбы. Названы же они курульными оттого, что у древних преторы и консулы из-за протяженности пути ездили на форум на колеснице (*currus*); кресла же, которые носили за ними, сидя в которых они обычно творили суд, названы от *currus* курульными креслами (*sella curulis*)».

¹² К курульным относились диктаторы, консулы, преторы, цензоры, курульные эдилы.

¹³ Исследователи по-разному оценивали их характер. Так, Т. Моммзен [30: s. 258] и Э. Херцог [20: Bd. I, s. 1142] склонны были считать их особым видом скамей, отличавших их от других магистратов, чему есть подтверждение и у античных авторов (*Val. Max.* II. 2. 7; *Liv.* XLII. 33. 1; *Plut.* Cat. 5), однако Л. Ланге [22: s. 825], как сегодня Л.Л. Кофанов [6: с. 52], говорят о *subsellia* как присущих ряду младших магистратов, чему также находится подтверждение в источниках. Так, Псевдо-Асконий (*Ps.-Ascon.* P. 118. Or.) перечисляет как обладателей *subsellia* не только трибунов, но и триумвиров, квесторов и прочих младших судей. Варрон (*LL.* V. 128) также указывает лишь на меньшую значимость *subsellia* в сравнении с *sellae*.

Magistratus maiores et minores

Информация о делении магистратов на эти две группы встречается в двух последовательных параграфах тринадцатой книги (XIII. 15–16), в которых Геллий цитирует работу известного римского авгура и юриста I в. до н. э. М. Мессалы «Об ауспациях»¹⁴.

Согласно Мессале, деление магистратов на старших (*maiores*) и младших (*minores*) связано с тем, при каких ауспациях (*auspicia maxima / minora*) они избираются. К старшим магистратам Мессала относит консулов, преторов и цензоров, все остальные названы *minores*. Кроме того, старшие избираются центуриатными комициями, младшие — трибутными (возможно, с утверждением их куриатными)¹⁵. Из пассажа видно, что качество ауспаций связывается непосредственно с качеством власти. Какие конкретно магистраты понимаются под младшими, не указано: они определены как «все остальные». Входят ли сюда и трибуны? С точки зрения формальной логики, если трибуны — магистраты, и они не входят в категорию «старшие», значит должны входить в «младшие», а соответственно, обладать *auspicia minora*, быть избираемыми трибутными комициями и утверждаться куриатным законом. Мессала (XIII. 16) указывает и еще на одно различие. Старшие и младшие отличаются объемом властных полномочий: консул может отзывать (*avocare*) собрания, созданные любыми магистратами, претор — любые, за исключением созданных консулом, а младшие магистраты отзывать собрания не могут. Фактически это указывает на иерархию властных полномочий и подчиненность младших старшим. В нашем случае это означало бы подчиненность трибунов консулам и преторам и возможность отзыва ими собраний трибунов. Но все эти логические допущения входят в противоречие как с данными самого Геллия, так и с другими источниками и современными концепциями. Мессала нигде в связи с ауспациями не говорит о трибунах¹⁶. Однако то, что они должны были иметь ауспации, мы вновь должны логически допустить из их права созывать сенат. Согласно Варрону (ap. *Gell.* XIV. 8. 2), трибуны могли

¹⁴ В последнее время ауспации римских магистратов все больше привлекают внимание российских исследователей. См. полемику В.В. Дементьевой [3: с. 138–140] и Я.В. Мельничука [9] в связи с цитатой Мессалы (XIII. 15), а также работы А.М. Сморгчова [11; 12; 13; 14: с. 35–116].

¹⁵ Перевод данного пассажа неоднозначен. А.М. Сморгчов предлагает следующий вариант: «Когда избираются младшие магистраты, магистратура представляется трибутными комициями, но полноправная — куриатным законом, высшие (магистраты) назначаются центуриатными комициями» [11: с. 28].

¹⁶ Вопрос об ауспациях плебейских трибунов запутан, как и вопрос включения трибунов в систему магистратур (что, естественно, тесно связано одно с другим). В античной историографии мы встречаем как отрицание ауспаций у трибунов (*Dionys.* IX. 41, 49; X. 4; *Liv.* VI. 41. 5; IV. 6. 2; X. 8. 9; VII. 6. 11 etc.), так и утверждения об их наличии (*Plut.* Tib. Gr. 17; *Liv.* X. 47; XXX. 39; *Zon.* VII. 19 etc.). Ту же картину мы видим и в современной историографии. Господствующая точка зрения, идущая от Т. Моммзена, состоит в том, что трибуны не имели публичных ауспаций [29: Bd. I, s. 195; 31: 1887. Bd. I, s. 85; Bd. II. A. I, s. 282; 18: p. 217; 26: Bd. I, s. 460; 20: Bd. I, s. 1162]. Л. Ланге полагал, что трибуны имели ауспации со времени законов Публилия Филона 339 г. до н. э. [22: s. 829–831]. Ю.С. Ляпунов, посвятивший вопросу специальную статью [7: с. 257–286], констатировал: «народные трибуны права ауспаций не имеют, и тем не менее их совершают».

созывать сенат до плебисцита Атиния, которым было закреплено за ними место в сенате. Но тот же Варрон сообщает (ар. *Gell.* XIV. 8. 9), что созыв сената был сопряжен с совершением жертвоприношения и производством ауспий. Он приводит и список тех, кто обычно мог созывать сенат, указывая на преимущественное право того, кто находится вверху списка (XIV. 7. 4): диктатор, консулы, преторы, плебейские трибуны, интеррекс и префект города. Младшие магистраты в списке отсутствуют, а трибуны фигурируют внутри списка магистратов с *imperium*¹⁷. «Парадокс», однако, в том, что сами ауспии, делящиеся на *maiora* и *minora*, Мессала называет патрицианскими («*patriciorum*», XIII. 15. 4), и с этой точки зрения трибуны, будучи плебеями, вообще не подлежат включению в данную систематизацию. Если к этому прибавить то, что плебейские трибуны (в отличие от младших магистратов) избирались, как обычно полагают, плебсом в *concilia plebis*, а не *comitia tributa*, а также то, что римская традиция не знает случаев подтверждения законности их избрания куриатным законом¹⁸ и что *lex Sicinia* (Icilia?) *contra verba atque interfacionem* 492 г. до н. э. (*Dionys.* VII. 14–18; ср. *Liv.* III. 14. 5) запретил кому-либо прерывать трибуна в созданном им собрании, то становится очевидным, что все это противоречит пониманию трибунов как *magistratus minores*¹⁹.

Magistratus ordinarii / extraordinarii

Хотя современная историография выделяет в систематике римской магистратуры ординарных и экстраординарных (чрезвычайных) магистратов, сами римские источники такого деления не знали²⁰. Нет подобной терминологии и у Геллия.

¹⁷ Что должно, скорее, указывать на связь трибунов со старшими, чем с младшими магистратами.

¹⁸ И.Л. Маяк [8: с. 76–77] и вслед за ней В.Н. Токмаков [14: с. 74] полагают, что куриатные комиции могли до плебисцита Публилия Волерона 471 г. до н. э. утверждать выборы трибунов, произведенные в центуриатных (В.Н. Токмаков), либо в центуриатных собраниях или собраниях плебса (И.Л. Маяк).

¹⁹ В науке вопрос о соотношении трибуна с *m. maiores / minores* решался по-разному. Так, например, Т. Моммзен относил трибунов к *maiores* в силу превалирования трибунского запрета над приказом магистрата [31: Bd. I, s. 58, A. 2]; Л. Ланге, исходя из собственной систематики римской магистратуры, полагал, что трибуны не входят ни в число *maiores*, ни в число *minores*, составляя особую группу [22: с. 682–701]; Р.Е. Митчел же соотносит трибуна с младшей гражданской магистратурой [28: р. 191ff.]. О его концепции см. нашу работу [10].

²⁰ В современной историографии нет единства ни относительно выделения данного типа магистратов, ни относительно критериев такого выделения, ни относительно состава магистратов, относимых к нему. Т. Моммзен в «Римском государственном праве» [31: Bd. I, s. 21. Anm. 2] отказался в силу зыбкости источникового материала выделять оппозицию *m. ordinarii / extraordinarii*, предложив вместо этого делить магистратов на ежегодных (консулы, преторы, эдилы, квесторы), ординарных непостоянных (диктаторы, военные трибуны с консульской властью, цензоры) и чрезвычайных (децемвиры, триумвиры по наделению землей), исходя из различий способов предоставления должности. В то же время в более поздней своей работе [32: с. 186–189] он разделил последних на три группы: «чрезвычайные должности для чрезвычайных дел», «чрезвычайные должности для ординарных дел», «должности с устроительной властью». Л. Ланге рассматривал экстраординарные должности как служившие для замены или дополнения ординарных. К ним он относил всех должностных лиц, помимо консулов, преторов, эдилов и квесторов, рассматриваемых как ординарные, а также плебейских трибунов [22: с. 690–691]. Несмотря на различную

О делении магистратов на ординарных / экстраординарных у него можно судить лишь по замечанию Варрона (XIV. 7. 5)²¹, где, сначала перечислив тех, кто обычно созывает сенат (диктатор, консулы, преторы, плебейские трибуны, интеррекс и префект города), он добавляет, что в силу экстраординарного права («*extraordinatio iure*») вносить вопрос на рассмотрение сената (*ius consulendi*) могли также военные трибуны с консульской властью, децемвиры, имевшие консульский империй, и триумвиры для устройства государства. Варрон, несомненно, вкладывает определенный смысл в свое противопоставление, хотя и не оговаривает критериев. Вместе с тем это деление не совпадает с современным представлением об ординарных и экстраординарных магистратах и не было воспринято исследователями²². Т. Моммзен даже выразил сомнение в точности передачи Геллием текста Варрона [31: Bd. I, s. 21, Anm. 2]. Сомневаться в том, однако, нет причин. Геллий хорошо знал «Древности» Варрона (XIII. 13. 4; 12. 5). Логика пассажа лишь на первый взгляд представляется нарушенной (следует при этом помнить, что он говорит о созыве сената, а не делении магистратуры). Под экстраординарными он понимает магистратов, которые имели в римском государственном устройстве временный, преходящий характер, напротив, под ординарными — тех, которые, будучи созданными, становились его неотъемлемой постоянной частью. Именно поэтому он допускает возможность одновременного существования всех этих должностей, выстраивая их иерархию. Ставя трибунов в первый список, Варрон, естественно, не имел намерения относить их к ординарным магистратам, ибо не задумывался о критериях такой классификации.

In magistratu... habent alii vocationem, alii prensionem, alii neutrum

В тринадцатой книге (XIII. 12), в параграфе, озаглавленном Геллием «Плебейские трибуны имеют право ареста (*prensio*), но не имеют права вызова (*vocatio*)», мы встречаем весьма примечательную классификацию римских магистратов, которую современные исследователи упускают из виду в рамках общих систематизаций, прибегая к ней либо для характеристики судебных полномочий магистратов с *imperium* [5], либо для отрицания таковой у трибунов [19]. Автор приводит различные точки зрения на проблему (Атея Капитона, Антистия Лабеола, Варрона),

---

трактовку трибуната, ни тот, ни другой не рассматривали трибунов в рамках данной оппозиции. М. Целлер к ординарным отнес магистратов, предусмотренных конституцией, к экстраординарным — не предусмотренных [16: с. 193]. По мнению В.В. Деметьевой [2], деление на ординарных и экстраординарных магистратов может быть связано не с отдельными (как-то сфера их заботы, их количество, срок полномочий), а с совокупными критериями политико-правового механизма их функционирования.

²¹ Этот пассаж является фактически единственным, на который ссылаются современные авторы при выделении данной оппозиции. Иные случаи употребления, где прилагательное *extraordinarius* выступает определением к *imperium* (Liv. V. 37. 2; Cic. Leg. agr. II. 8) или *potestas* (Cic. Dom. 22; Sest. 60), не связаны с систематикой магистратуры.

²² Касательно критериев выделения экстраординарной магистратуры см. статью В.В. Деметьевой [2].

завершая их рассуждения собственным выводом. Как видно из цитаты Варрона²³, он прямо относит трибунов к магистратам. Все магистраты разделены здесь по принципу наличия или отсутствия у них права вызова и ареста, тем самым магистраты делятся на три группы: обладающие правом вызова, обладающие правом ареста, не обладающие ни тем, ни другим. К первой группе отнесены консулы и остальные магистраты с империем, имеющие ликторов, ко второй группе — плебейские трибуны и иные магистраты, имеющие посыльных (*viatores*), к третьей — квесторы и те, кто не имеет ни ликтора, ни посыльного. В первую очередь стоит отметить, что трибуны появляются здесь (единственный раз) у Геллия в рамках определенной систематики магистратуры. Эта систематика представляется достаточно развитой: она использована Варроном и в другом месте его «Древностей», где речь идет о возможности вызова эдилов и квесторов на суд претора частным лицом (ар. *Gell.* XIII. 13. 4–5) и, кроме того, носит характер юридической систематизации, что видно из использования ее юристами Капитоном и Лабеоном (*Gell.* XIII. 12). Варрон не пытается вскрывать внутренние причины такого деления, что было характерно для юридической науки того времени, ограничиваясь критериями, очевидными для автора (*imperium, lictores*). Фактически Варрон рассматривает право вызова как составную часть царской власти, а отсутствие такового у трибунов указывает на иное происхождение их власти. Геллий, подводя итог рассуждению Варрона и юристов, хотя не ставит вопрос о принадлежности трибунов к магистратам (что для него очевидно), все же отмечает странное несоответствие между высшей коэрцитивной властью (*summa coercendi potestas*) трибунов и отсутствием у них права вызова. Он приходит к выводу, «что плебейские трибуны избирались в ранние времена не для совершения правосудия, не для рассмотрения прошений и жалоб, когда стороны отсутствовали, но когда имелась польза от их непосредственного вмешательства (*intercessio*)» (*Gell.* XIII. 12. 9).

Подводя итог рассмотрению систематизации магистратур у Геллия (а тем самым в историографии II–I вв. до н. э.) и места в ней трибуната, следует констатировать, что в римской историографии мы не найдем универсальной систематики магистратуры, эта систематика строилась на основе отдельных критериев, число которых было больше, чем обычно используется сегодня романистами. Магистратура у Геллия являет собой единую систему, не расчлененную социальной дихотомией: нигде у Геллия не встречается оппозиции *m. patricii / plebei*, хотя он знает о различных (по социальному составу) народных собраниях. Из контекста ясно, что трибуны для Геллия являются магистратами, несмотря на способ их избрания (XVII. 21. 10: «плебс... избрал

²³ Gell. XIII. 12. 6: «In magistratu, inquit, habent alii vocationem, alii prensionem, alii neutrum; vocationem, ut consules et ceteri, qui habent imperium; prensionem, ut tribuni plebis et alii, qui habent viatorem; neque vocationem neque prensionem, ut quaestores et ceteri, qui neque lictorem habent neque viatorem. Qui vocationem habent, idem prendere, tenere, abducere possunt, et haec omnia, sive adsunt, quos vocant, sive acciri iusserunt. Tribuni plebis vocationem habent nullam, neque minus multi imperiti, proinde atque haberent, ea sunt usi; nam quidam non modo privatum, sed etiam consulem in rostra vocari iusserunt. Ego triumvirum, vocatus a P. Porcio, tribuno plebis, non ivi, auctoribus principibus, et vetus ius tenui. Item tribunus cum essem, vocari neminem iussi nec vocatum a conlega parere invitum».

для себя»). Вместе с тем, мы никогда не встречаем трибунов в рассуждениях о *magistratus populi Romani, m. curules, m. maiores / minores*: латинская языковая практика указывает на явное сопротивление такому словоупотреблению. Это не случайно: рассуждения автора входят в противоречие с реалиями функционирования трибуната. Трибуны появляются среди магистратов не в рамках системных оппозиций, а при сопоставлении отдельных прав магистратов (права созыва сената, права вызова и ареста). Все это указывает на специфический характер власти трибунов и их места в составе римской магистратуры, на чем автор специально не останавливается. Следуя в интерпретации трибуната за Варроном, Геллий унаследовал и противоречия его концепции. Происхождение трибуната, его назначение и функциональная роль вели к противоречиям в систематике, преодолеть которые в рамках модели трибуната как гомогенной части магистратуры античные авторы не смогли. Попыткой выхода из них было социальное деление магистратуры на плебейскую и патрицианскую, которую мы видим у Веррия Флакка.

Литература

1. *Виллемс П.* Римское государственное право. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1890. Вып. 1–2. 797 с.
2. *Дементьева В.В.* Римская чрезвычайная власть эпохи ранней республики как политико-правовой феномен // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2002. Т. 1. С. 63–78.
3. *Дементьева В.В.* Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н. э. М.: Инфомедиа Паблшерз, 2003. 212 с.
4. *Дементьева В.В.* Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2004. 248 с.
5. *Дементьева В.В.* Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *impregium* // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 61–73.
6. *Кофанов Л.Л.* Атрибуты власти магистратов в архаическом Риме // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 35–54.
7. *Ляпунов Ю.С.* Имели ли народные трибуны ауспиции // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 9. С. 257–286.
8. *Маяк И.Л.* Римляне ранней республики. М.: Изд-во МГУ, 1993. 160 с.
9. *Мельничук Я.В.* Ауспиции римских цензоров // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2002. Т. 1. С. 79–90.
10. *Павлов А.А.* Время деконструкций: «патриции и плебеи» Р.Е. Митчелла // Античная история и классическая археология / отв. ред. В.В. Дементьева. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 32–49.
11. *Сморчков А.М.* Определение огрешности ауспиций авгурской коллегией // Античность Европы: межвузов. сб. науч. тр. Пермь: ПермГУ, 1992. С. 78–85.
12. *Сморчков А.М.* Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 2003. № 1 (11). С. 24–39.
13. *Сморчков А.М.* Ауспиции в публичном праве архаического Рима // *FORUM ROMANUM*. Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права: доклады III Международной конференции (Ярославль – Москва, 25–30 июня 2003 г.). М.: Инфомедиа Паблшерз, 2003. С. 27–31.

14. *Сморчков А.М.* Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. 602 с.
15. *Токмаков В.Н.* *Tribunicia potestas* в ранней республике: военно-правовой аспект // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 67–77.
16. *Целлер М.* Римские государственные и правовые древности. М.: Типография Елизаветы Гербек, 1893. 307 с.
17. *Badian E.* *Tribuni plebis and res publica* // *Imperium Sine Fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic* / Ed. J. Lindersky. Stuttgart: Steiner, 1996. 234 s.
18. *Bouché-Leclercq A.* *Histoire de la divination dans l'antiquité*. Paris: Ernest Leroux, 1882. Vol. IV. 428 p.
19. *Govannini A.* *Volkstribunat und Volksgericht* // *Chiron*. 1983. Bd. 13. S. 545–566.
20. *Herzog E.* *Geschichte und System der römischen Staatsverfassung*. Leipzig: B.G. Teubner, 1884–1891. Bd. I–II. 1188; 1031 s.
21. *Kübler B.* *Magistratus* // *RE*. 1928. Bd. 27. Sp. 400–437.
22. *Lange L.* *Römische Altertümer*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1876. Bd. I. 964 s.
23. *Lhommé M-K.* *Varron et Verrius au 2ème siècle après Jésus-Christ* // *Verrius, Festus and Paul. Lexicography, Scholarship and Society* / ed. by F. Glinister and C. Woods with J.A. North and M.H. Crawford. London: Institute of Classical Studies, 2007. P. 33–48.
24. *Lobrano G.* *Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi Romani* // *SDHI*. 1975. Vol. 41. P. 245–277.
25. *Lobrano G.* *Il potere dei tribuni della plebe*. Milano: Giuffrè, 1983. 340 p.
26. *Madvig J.* *Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates*. Leipzig: B.G. Teubner, 1881. Bd. I. 596 s.
27. *De Martino F.* *Storia della costituzione romana*. Napoli: Jovene, 1972. Vol. I. 502 p.
28. *Mitchell R.E.* *Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State*. Cornell University Press, 1990. 276 p.
29. *Mommsen Th.* *Römische Forschungen*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1864–1879. Bd. I–II.
30. *Mommsen Th.* *Römisches Staatsrecht*. Leipzig: Hirzel, 1874. Bd. II. 697 s.
31. *Mommsen Th.* *Römisches Staatsrecht*. Leipzig: Hirzel, 1887. 3 Aufl. Bd. I–II.
32. *Mommsen Th.* *Abriss des römischen Staatsrechts*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1893. 363 s.
33. *Niebuhr B.G.* *Römische Geschichte*. Berlin: Realchulbuchhandlung, 1811. Bd. I. 455 s.
34. *Niebuhr B.G.* *Römische Geschichte*. Berlin: Reimer, 1827. Bd. I. 657 s.
35. *Niebuhr B.G.* *Römische Geschichte*. Berlin: Reimer, 1853. 1186 s.
36. *Rytkönen S.* *Barthold Georg Niebuhr als Politiker und Historiker*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1968. 378 s.
37. *Stevenson A.J.* *Gellius and the Roman Antiquarian Tradition* // *The worlds of Aulus Gellius* / ed. by L. Holford-Strevens, A.D. Vardi. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 119–155.

Literatura

1. *Villems P.* *Rimskoe gosudarstvennoe pravo*. Kiev: Tip. Imp. Un-ta sv. Vladimira, 1890. Vy'p. 1–2. 797 s.
2. *Dement'eva V.V.* *Rimskaya chrezvy'chajnaya vlast' e'poxi rannej respubliki kak politiko-pravovoj fenomen* // *Issedon: Al'manax po drevnej istorii i kul'ture*. Ekaterinburg, 2002. T. 1. S. 63–78.

3. *Dement'eva V.V.* Decemvirat v rimskoj gosudarstvenno-pravovoj sisteme serediny' V v. do n. e'. M.: Infomedia Pablsherz, 2003. 212 s.
4. *Dement'eva V.V.* Gosudarstvenno-pravovoe ustrojstvo antichnogo Rima: rannaya monarxiya i respublika: uchebnoe posobie. Yaroslavl': YarGU, 2004. 248 s.
5. *Dement'eva V.V.* Magistratskaya vlast' Rimskoj respubliki: sodержanie ponyatiya imperium // Vestnik drevnej istorii. 2005. № 4. S. 61–73.
6. *Kofanov L.L.* Atributy vlasti magistratov v arxaicheskom Rime // IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo. 1998. № 1 (3). S. 35–54.
7. *Lyapunov Yu.S.* Imeli li narodny'e tribuny' auspicii // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. 1917. № 9. S. 257–286.
8. *Mayak I.L.* Rimlyane rannej respubliki. M.: Izd-vo MGU, 1993. 160 s.
9. *Mel'nichuk Ya.V.* Auspicii rimskix cenzorov // Issedon: Al'manax po drevnej istorii i kul'ture. Ekaterinburg, 2002. T. 1. S. 79–90.
10. *Pavlov A.A.* Vremya dekonstrukcij: «patricii i plebei» R.E. Mitchella // Antichnaya istoriya i klassicheskaya arxeologiya / otv. red. V.V. Dement'eva. M.: IVI RAN, 2006. S. 32–49.
11. *Smorchkov A.M.* Opredelenie ogreshnosti auspicij avgurskoj kollegiej // Antichnost' Evropy': mezhvuzov. sb. nauch. tr. Perm': PermGU, 1992. S. 78–85.
12. *Smorchkov A.M.* Kuriatnyj zakon ob imperii i auspicii magistratov // IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo. 2003. № 1 (11). S. 24–39.
13. *Smorchkov A.M.* Auspicii v publichnom prave arxaicheskogo Rima // FORUM ROMANUM. Rimskoe chastnoe i publichnoe pravo: mnogovekovoju opyt' razvitiya evropejskogo prava: doklady' III Mezhdunarodnoj konferencii (Yaroslavl' – Moskva, 25–30 iyunya 2003 g.). M.: Infomedia Pablsherz, 2003. S. 27–31.
14. *Smorchkov A.M.* Religiya i vlast' v Rimskoj respublikе: magistraty', zhreczy', xramy'. M.: RGGU, 2012. 602 s.
15. *Tokmakov V.N.* Tribunicia potestas v rannej respublikе: voenno-pravovoj aspekt // IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo. 1998. № 1 (3). S. 67–77.
16. *Celler M.* Rimskie gosudarstvenny'e i pravovy'e drevnosti. M.: Tipografiya Elizavety' Gerbek, 1893. 307 s.
17. *Badian E.* Tribuni plebis and res publica // Imperium Sine Fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic / Ed. J. Lindersky. Stuttgart: Steiner, 1996. 234 s.
18. *Bouché-Leclercq A.* Histoire de la divination dans l'antiquité. Paris: Ernest Leroux, 1882. Vol. IV. 428 p.
19. *Govannini A.* Volkstribunat und Volksgericht // Chiron. 1983. Bd. 13. S. 545–566.
20. *Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Leipzig: B.G. Teubner, 1884–1891. Bd. I–II. 1188; 1031 s.
21. *Kübler B.* Magistratus // RE. 1928. Bd. 27. Sp. 400–437.
22. *Lange L.* Römische Altertümer. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1876. Bd. I. 964 s.
23. *Lhommé M-K.* Varron et Verrius au 2ème siècle après Jésus-Christ // Verrius, Festus and Paul. Lexicography, Scholarship and Society / ed. by F. Glinister and C. Woods with J.A. North and M.H. Crawford. London: Institute of Classical Studies, 2007. P. 33–48.
24. *Lobrano G.* Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi Romani // SDHI. 1975. Vol. 41. P. 245–277.
25. *Lobrano G.* Il potere dei tribuni della plebe. Milano: Giuffrè, 1983. 340 p.
26. *Madvig J.* Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Leipzig: B.G. Teubner, 1881. Bd. I. 596 s.

27. *De Martino F.* Storia della costituzione romana. Napoli: Jovene, 1972. Vol. I. 502 p.
28. *Mitchell R.E.* Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Cornell University Press, 1990. 276 p.
29. *Mommsen Th.* Römische Forschungen. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1864–1879. Bd. I–II.
30. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig: Hirzel, 1874. Bd. II. 697 s.
31. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig: Hirzel, 1887. 3 Aufl. Bd. I–II.
32. *Mommsen Th.* Abriss des römischen Staatsrechts. Leipzig: Duncker & Humblot, 1893. 363 s.
33. *Niebuhr B.G.* Römische Geschichte. Berlin: Realfchulbuchhandlung, 1811. Bd. I. 455 s.
34. *Niebuhr B.G.* Römische Geschichte. Berlin: Reimer, 1827. Bd. I. 657 s.
35. *Niebuhr B.G.* Römische Geschichte. Berlin: Reimer, 1853. 1186 s.
36. *Rytkönen S.* Barthold Georg Niebuhr als Politiker und Historiker. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1968. 378 s.
37. *Stevenson A.J.* Gellius and the Roman Antiquarian Tradition // The worlds of Aulus Gellius / ed. by L. Holford-Strevens, A.D. Vardi. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 119–155.

A.A. Pavlov

**Magistracy and Tribune of the Plebs as Seen by Aulus Gellius:
to the Issue of Systematization of Roman Magistracy**

The paper analyses the terms used by the Roman antiquary Aulus Gellius in his work “Attic nights” which are connected with magistracy systematization. The author notes that when giving the information of some kinds of magistracies Gellius didn’t aim at presenting magistracy system as it was. Tribune was never given as an example in considering different kinds of magistracies, with an exception of specific, dating back to Varro, partitioning of magistracy according to the criterium of presence or lack of *ius vocationis*. Gellius regarded tribune as magistracy and out of its social dichotomy (*m. patricii/plebei*), overlooking contradictions which appeared in such systematization.

Keywords: tribune of the plebs; magistracy; Aulus Gellius.

С.М. Крыкин

Фракийский серебряный ритон с позолотой из Болгарии

Статья посвящена первой публикации уникального памятника искусства из Древней Фракии. Серебряный ритон начала IV в. до н. э. был открыт около 140 лет назад в Болгарии и попал вскоре в Россию. Он был сделан фракийским мастером и подарен царю Котису. Ритон происходит из раскопанного кургана или случайно найденного клада. Пока хранится в частной коллекции.

Ключевые слова: серебряный ритон; Фракия; Котис; Болгария.

Серебряный ритон с позолотой ряда деталей (древняя техника листово́й позолоты) представляет собой изделие из категории фракийских историко-археологических ценностей образца найденных в Розовце (Рахманалий), Панагюриште, Луковите, Летнице, т. е. значимых памятников древней торевтики первой половины IV в. до н. э. Сразу же стоит заметить, что именно ритоны и фиалы из благородных металлов являлись культовыми инсигниями фракийских царей [11: с. 101].

Изделие выполнено из высокопробного серебра, хорошей сохранности (явно подверглось очистке, но при этом, похоже, местами оказалась затерта часть позолоты). Ритон изготавливался в технике литья из нескольких частей. Внутри просматриваются швы пайки (спекания). Ритон помимо широкого функционального отверстия (отвора) диаметром 7 см имеет три крохотных отверстия: рот лани (возможно, серны, но некоторые болгарские специалисты все-таки увидели в ней олениху, поэтому лань) и ноздрей льва (одно из двух на ободке-тулове изображений со сценами терзания львами копытных — оленя и оленихи (лани)). Ритон имеет вполне обычные для фракийской торевтики габариты: высота — 17 см, длина морды лани — 10 см, ширина (разлет ушей лани) — 17 см. Вес изделия — примерно 420–430 г. У края раструба (отвора) ритона прорезана надпись КОЗУ, тогда как обычно надписи на фракийских изделиях выбивались точками пуансоном. Судя по всему, надпись была прорезана позднее на уже готовой вещи.

Так, на одном из предметов золотого Панагюрского сокровища были, похоже, позднее вырезаны мерные значки, которые серьезно повлияли на попытки датировать этот уникальный клад и локализовать его изготовление — поначалу же предполагалось изготовление золотых артефактов в малоазийском Лампсаке и маркирование относили к этому времени — в конец V – начало IV вв. до н. э. [2: с. 132 и сл.]. Если же маркировка наносилась позднее, в период правления во Фракии эллинистического властителя

Серебро. Литье, ковка, соединение деталей, пластическая деформация;
листовая позолота. 17 × 17 × 7 см
Начало IV века до н. э. Частная коллекция

Лисимаха (конец IV – первая четверть III вв. до н. э.), то она могла обозначать и достижения местных, фракийских мастеров — отныне возобладала такая точка зрения знаменитейшего болгарского археолога-«курганщика» Г. Китова (см. [8; 2: с. 132–142; 5: с. 208–210, илл. 67]. Изоформа имени великого владетеля из династии Одрисов (в дат. падеже — намек на приношение уже готовой вещи, а не специально изготовленной для него изначально — Котису, а не Котиса) указывает на время правления этого царя (прим. 383–359), но все же возможно и еще большее уточнение. Поскольку Котису было предназначено уже готовое изделие, то не исключено, что изготовили его даже немного раньше воцарения этого последнего великого одрисского владыки и уже потом, при оформившейся ситуации, оно было ему преподнесено с адресной надписью.

Торевтика северных соседей античных эллинов — фракийцев и иллирийцев — оформилась как историко-художественное явление под непосредственным влиянием южных соседей в позднеархаическое и раннеклассическое время. В нынешней Республике Македония в Требениште исследован некрополь второй половины VI в. до н. э. [15]. Памятник этот в последние годы связывают с появлением там греческих наемников или же основателей государственности в древней Македонии (те же наемники и могли стоять у истоков этой знаменитой спустя века древней страны со смешанным, греко-фракийским населением). На юго-западе Сербии у Нови Пазара исследован иллирийско-греческий комплекс [16], где открыты предметы импортной торевтики первой половины V в. до н. э. Соседи греков быстро переняли базовые технологии изготовления художественных изделий из цветных металлов, и их производство торевтики стало вполне качественным и современным [6: с. 15 и сл.]. Если обратить внимание на стилистические особенности, то позднее появился еще один этнокультурный компонент — влияние оформившейся в Нижнем Подунавье Малой Скифии. У северных фракийцев-гетов длительная этнокультурная интерференция со скифами не могла не отразиться в культуре. Так, у Поройны на территории Румынии был случайно обнаружен зооморфный ритон [1: с. 165, 190, фото 62–64; 3: с. 144–147; 7: илл.; 11: с. 101; 9: с. 58–62, рис. 54–57], немного напоминающий исследуемый в этой статье и датировемый концом IV – началом III вв. до н. э. Следует упомянуть в связи с особенностями такой интерференции и весь клад из Крайовы. Это важно, поскольку в Добрудже геты соседствовали с южными фракийцами и могли ретранслировать скифское влияние. При этом мир художественных образов у фракийцев был и оставался самобытным, логически дополняя порой комплекс сюжетов великой эллинской мифологии [17; 14; 11]. Каждый новый обнаруженный клад фракийской торевтики привносит нечто новое в особенности интерпретации культовых образов не только собственно у фракийцев — при этом используются сравнения со многими изделиями не только из фракийского ареала (той же Поройны, например [10: с. 61]), — но и из просторов подчиненных некогда скифам территорий и всего порядком варваризированного Северного Причерноморья.

Что касается сюжетов изображений, то ближайшим аналогом является ритон из села Розовец (Рахманлий), Пловдивско, открытый среди погребальных приношений в курганном захоронении начала IV в. до н. э. в 1879 (1851?) году [13: рис. 108; 14: р. 84 etc.]. Тот ритон представляет такую же почти голову лани с укороченной шеей, но явно худшей сохранности с одной стороны головы. Вообще исследованию ритонов из древней Фракии посвятил специальную монографию известный болгарский искусствовед Ив. Маразов, в которой нашлось место и детальному рассмотрению изделия из кургана при селе Розовец (Рахманлий в момент находки) [9: с. 68–74, илл. 66–70]. Ив. Маразов вполне логично рассматривает далее и похожие изделия — ритон середины IV в. до н. э., хранящийся в Триесте, и ритон с головой оленя из двух найденных в составе уникального золотого клада из Панагюриште [9: с. 74–82, илл. 71–81]. Следует заметить, однако, что тщательная проработка складок и бровей животного уподобляет рассматриваемый в нашей статье ритон именно аналогичному изделию из знаменитого Панагюрского клада. Аналогично отворы этого и золотого ритона из Панагюрского клада (в виде головы оленя) предельно просто украшены овами [2: с. 138–139, илл. 98–99].

В отличие от ритона из Розовца (Рахманлий), где шея украшена парой силена с менадой, здесь шея служит фоном для двух сцен терзания копытных львами. Олень выступает передними ногами горельефно, рога его немного напоминают лосиные (не случайно в болгарском языке «лось» — «елен лопатар»). Доказывает это лишь то, что во фракийской торевтике изображали традиционно именно конкретную разновидность оленя, точнее, его женскую ипостась — лань («европейскую лань», «даниэль»), т. е. копытных особого вида (*Dama dama* L., 1758). Имеются высказывания, что лани не водились в древней Фракии и их завозили на Балканы из Малой Азии или даже севера Африки, но при этом уже Аристотель считал их частью местной фауны. Замечу также, что серна (*Rupicapra rupicapra* L., 1758), иначе «черный козел», тоже водилась (и водится) на Балканах, и при стремлении древних мастеров передать облик животного максимально реалистично эти два разных вида парнокопытных трудно перепутать. Кстати, сравнительно короткая шея явно отличает в данном случае лань при сравнении, скажем, с благородным оленем. Четко выдержанные пропорции тел этих близких копытных также убеждают, что мастер изобразил именно оленя и олениху (лань). Получилось вполне убедительно и реалистично, как и воспроизводство двух кудрявогривых львов-«терзателей». Стилистически изделие тем самым претендует на датировку начала IV в. до н. э., точнее, 80–70-е гг. до н. э. Позолочены только тела копытных, гривы львов и обод раструба (отвора) с овами.

Сцена «звериного стиля», роднящего культуру фракийцев со скифо-сарматским миром, имеет в центре Балкан условные аналоги в еще двух фракийских кладах — из Луковита и Летницы. Конечно, скромные аппликации — не ритон, но и там лев (львы дожили в естественных условиях на Балканах до II в. до н. э.) неизменно терзает оленя [11: с. 46–47; 14: р. 121; 13: с. 116 и сл.]. Однако эти

сюжеты в Луковите и Летнице исполнены для фракийских владык более схематично и условно, менее реалистично — что намекает на несколько более позднюю датировку — близко к середине IV в. до н. э. (при этом никак не позднее 359 г. до н. э. — вероятного времени гибели последнего великого властителя Фракии из династии Одрисов — Котиса Первого). Эти два клада были открыты около 1963 года, и более ранними аналогами со сценами терзания фракология не располагала до открытия в 1986 году знаменитого Рогозенского клада: изображения на двух кувшинах — № 155 и 156 [4: с. 61 и илл.; 12: с. 101–128]. И тогда стало ясно, что данный сюжет связан с образом Великой богини — покровительницы верховной власти у фракийских племен. Рогозенский клад характеризуется сбором культовых приношений с конца VI до середины IV вв. до н. э. и упомянутые кувшины являются среди них ни самыми ранними, ни самыми поздними. Такие представления не менялись до демонстрации коллекции миллиардера Васи́ла Божкова [5], привезенной для обозрения в Москву в ГИМ в октябре – ноябре 2013 года. Тогда же были представлены и некоторые иные по месту хранения и экспозиции фракийские раритеты. Так, оказалось, что в Софии в Национальном историческом музее хранится ритон первой половины IV в. до н. э. — как и в нашем случае с головой лани, но на фризе верхней части серебряного с позолотой изделия представлена сцена охоты на вепря при участии не только двух людей-охотников, но и двух атакующих жертву собак [5: с. 148–149, илл. 50]. К аппликациям из Луковита и Летницы [5: с. 183–201, илл. 64,1; 64,2; 64,5; 64,6; 64,17] коллекция Васи́ла Божкова добавила серебряные детали конских наборов как второй половины IV в. до н. э. в том же «зверином стиле» [5: с. 164–165, илл. 57], так и первой половины – середины III в. до н. э. [5: с. 166–167, илл. 58]. Наконец, данная коллекция позволила дать обозреть серебряный с позолотой ритон с протомой кентавра, обладающего чертами сходства с известными портретами Александра Македонского [5: с. 244–245, илл. 84]. На среднем фризе ритона III–I вв. до н. э. изображена охота всадников на кабана, а на нижнем фризе в традиции «звериного стиля» собака атакует козла и оленя. В этом изделии синкретически слились сразу несколько этнокультурных художественных традиций, фиксируя специфику эллинистической культурной амальгамы.

Серебряный ритон с позолотой из частной коллекции в России стилистически изготовлен в лучших традициях изделий из Розовца, Панагюриште, Луковита и Летницы, при этом его ближайшим аналогом является все-таки ритон из Розовца (Рахманлий). Если древняя фракийская аутентичность этого ритуального сосуда подтвердится, то понадобится углубленный поиск-исследование конкретного места и времени обнаружения такого памятника культуры и, кроме того, полагаю, получит признание датировка его примерно первыми годами правления Котиса Первого (383–359 гг. до н. э.) в Одрисской Фракии.

Литература

1. Берчу Д. Даки. Древний народ Карпат и Дуная. М.: Центрполиграф, 2008. 192 с.
2. Клады фракийцев. Каталог выставки. Археологический музей. Варна, 20 мая – 20 сентября 2006 г. Варна: Славена, 2006. 152 с.

3. *Никулицэ И.Т.* Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. Кишинев: Штиинца, 1987. 270 с.
4. Фракийский клад из Рогозена / Ив. Маразов. София: Балкан, 1986. 64 с.
5. Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. М.: Кучково поле, 2013. 360 с.
6. *Василев В.П.* Бронзове съдове от некропола при Требенище. Изследвания върху античното металообработване // Василев В.П. Разкопки и проучвания (РП). Кн. XIX. София: Издателство на БАН, 1988. 124 с.
7. *Гочева Зл.* Завещано от траките. София: Отечество, 1987. 112 с.
8. *Китов Г.* Панагюрското съкровище. Варна: Славена, 2006. 127 с.
9. *Маразов Ив.* Ритоните в древна Тракия. София: Български художник, 1978. 179 с.
10. *Маразов Ив.* Съкровището от Якимово. София: Български художник, 1979. 91 с.
11. Тракийски легенди / А.Н. Фол, И.Й. Венедиков, И.Р. Маразов, Д.П. Попов. София: Наука и изкуство, 1981. 171 с.
12. Тракийското съкровище от Рогозен / А.Н. Фол, и кол. София: Издателство на БАН, 1988. 160 с.
13. *Цончева М.* Художественото наследство на тракийските земи. София: Наука и изкуство, 1971. 289 с.
14. *Fol A., Marazov Iv.* Thrace and the Thracians. London: Cassel, 1977. 160 p.
15. Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa / Lj. B. Popović. Narodni Muzej. Beograd. Antika I. Beograd, 1956. 127 s. i Tabl.
16. Novi Pazar. Ilirsko-grčki nalaz / Ђ, Mano-Zisi, Lj. B. Popović. Narodni Muzej. Beograd. Beograd, 1969. 132 s. i Tabl.
17. Thracians legends / A. Fol, Iv. Venedikov, Iv. Marazov, D. Popov. Sofia press, 1976. 144 p.

Literatura

1. *Berchu D.* Daki. Drevnij narod Karpat i Dunaya. M.: Centrpoligraf, 2008. 192 s.
2. Klady frakijcev. Katalog vy'stavki. Arxeologicheskij muzej. Varna, 20 maya – 20 sentyabrya 2006 g. Varna: Slavena, 2006. 152 s.
3. *Nikulicze' I.T.* Severny'e frakijczy' v VI–I vv. do n. e'. Kishinev: Shtiincza, 1987. 270 s.
4. Frakijkskij klad iz Rogozena / Iv. Marazov. Sofiya: Balkan, 1986. 64 s.
5. Frakijkskoe zoloto iz Bolgarii. Ozhivshie legendy'. M.: Kuchkovo pole, 2013. 360 s.
6. *Vasilev V.P.* Bronzove s'dove ot nekropola pri Trebenishhe. Izsledvaniya v'rxu antichnoto metaloobrabotvane // Vasilev V.P. Razkopki i prouchvaniya (RP). Кн. XIX. Sofiya: Izdatelstvo na BAN, 1988. 124 s.
7. *Gocheva Zl.* Zaveshhano ot trakite. Sofiya: Otechestvo, 1987. 112 s.
8. *Kitov G.* Panagyurskoto s'krovishhe. Varna: Slavena, 2006. 127 s.
9. *Marazov Iv.* Ritonite v drevna Trakiya. Sofiya: B'lgarski xudozhnik, 1978. 179 s.
10. *Marazov Iv.* S'krovishheto ot Yakimovo. Sofiya: B'lgarski xudozhnik, 1979. 91 s.
11. Trakijski legendi / A.N. Fol, I.J. Venedikov, I.R. Marazov, D.P. Popov. Sofiya: Nauka i izkustvo, 1981. 171 s.
12. Trakijskoto s'krovishhe ot Rogozen / A.N. Fol, i kol. Sofiya: Izdatelstvo na BAN, 1988. 160 s.
13. *Czoncheva M.* Xudozhestvenoto nasledstvo na trakijskite zemi. Sofiya: Nauka i izkustvo, 1971. 289 s.
14. *Fol A., Marazov Iv.* Thrace and the Thracians. London: Cassel, 1977. 160 p.

15. Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa / Lj. B. Popović. Narodni Muzej. Beograd. Antika I. Beograd, 1956. 127 s. i Tabl.

16. Novi Pazar. Ilirsko-grčki nalaz / Đ. Mano-Zisi, Lj. B. Popović. Narodni Muzej. Beograd. Beograd, 1969. 132 s. i Tabl.

17. Thracians legends / A. Fol, Iv. Venedikov, Iv. Marazov, D. Popov. Sofia press, 1976. 144 p.

S.M. Krykin

Thracian Silver Rhyton with Gilding from Bulgaria

The article is devoted to the first publication of the unique art monument from ancient Thracia. The silver rhyton of the beginning of the IV century B. C. was discovered in Bulgaria about 140 years ago and then came to Russia. It was made by a Thracian master and then was presented to the king Kotys. Rhyton is originated from either an excavated barrow or a treasure found by chance. It is being kept in a private collection now.

Keywords: silver rhyton; Thracia; Kotys; Bulgaria.

Р.В. Фурцев

Империя и территориальные государства Германии раннего Нового времени в контексте формирования европейской системы государства

В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с процессом формирования системы государств в Европе в раннее Новое время. Особое внимание уделяется вопросам своеобразия государственно-политической и конфессиональной структуры Священной Римской империи, что позволяет правильно установить ее место и роль внутри системы.

Ключевые слова: система; политика; империя; Европа; универсализм; баланс сил.

В современных условиях европейской интеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и эволюции европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Благодаря глобализации вопрос о роли государства и закономерностях развития межгосударственных отношений приобретает все большую актуальность в нынешнем мире. Вопросы политического доминирования, отстаивания государственного суверенитета, а также защиты национальных интересов и сфер влияния были характерны и для европейской политики рассматриваемого периода. Государственный суверенитет не может исчезнуть сам по себе. Из суверенных государств состоит «международное общество», и именно внешняя политика является главным признаком суверенитета. Из общества государей с распространением национализма и демократии международное общество переросло в общество наций-государств. Однако это утверждение требует уточнений, поскольку участниками международных отношений являлись также многонациональные и территориальные государства, как, например, территориальные княжества Германии раннего Нового времени, а также города-государства и вообще политические единицы, обладавшие суверенитетом во внешней политике. Поэтому вряд ли стоит соглашаться с мнением относительно того, что главным актором в международных отношениях является национальное государство. Скорее такая постановка вопроса относится к современным международным отношениям, и то с некоторыми оговорками, но не к минувшим эпохам [4: с. 22].

Но и здесь есть ряд моментов, которые определенным образом влияют на функционирование системы международных отношений. Споры о при-

мате внутренней политики над внешней показали их непродуктивность, поскольку в этой полемике, прежде всего, «отражается тесная связь эндогенных и экзогенных факторов политической жизни», так как любые важные события во внутриполитической жизни любой страны так или иначе отражаются на ее международном положении, а любые важные шаги во внешней политике отражаются на состоянии внутренних дел. Так что, следует скорее говорить об их взаимном переплетении [4: с. 35–36]. При этом важно отметить роль религиозного и национального факторов. Американская исследовательница Дж. Эльстайн отмечает, что и в наше время «теоретики в области политики и международных отношений постоянно недооценивают власть религиозных убеждений и их роль в определении, формировании мировых событий, их конституирующую силу». Она же вслед за рядом других зарубежных политологов отмечает, что хотя нация и национальное государство, модель которых возникла как западная новация на основе Вестфальского мира 1648 года и распространилась затем по всему миру, занимает основное место в учебниках по международным отношениям, важность нации в категории «национальное государство» до сих пор не «уловлена» адекватно в теории международных отношений, тогда как существует острая необходимость создания теории нации-государства, могущей соединить в себе как партикуляристские, так и универсалистские императивы, поскольку «национализм есть разновидность политического партикуляризма, создающего лояльность к определенному народу» [5: с. 278–280].

Об эпохе раннего Нового времени можно говорить как о периоде преобладания религиозного самосознания на фоне усиления государственно-территориальной самоидентификации. Очевидно, что единая христианская Европа становилась Европой государств с помощью границ, административно-бюрократического управления и суверенитетов, а также в результате международной конкуренции ведущих держав, использовавших для достижения своих целей силовые методы. В итоге создавались на разных стадиях развития международных отношений раннего Нового времени комбинации из династических, конфессиональных и государственных интересов, в которых просматривались традиционные линии симпатий и антипатий, в результате чего определялось понятие «геостратегического положения». Сложное переплетение всех этих тенденций и начавшие усиливаться взаимозависимость и взаимовлияние политических единиц и государств положили основание практике международных конгрессов, которые, начиная с Вестфальского конгресса, завершившего первую общеевропейскую, т. е. Тридцатилетнюю войну 1618–1648 годов, заканчивали наиболее значительные военно-политические конфликты.

В течение XV–XVIII веков окончательно выкристаллизовываются представления о единстве Европы, что ускорялось конфронтацией с Османской империей, габсбургской универсалистской политикой, формированием составительной системы государств, борьбой европейских держав против экспансии

Людовика XIV в последней трети XVII века, а с XVIII века и осознанием европейского культурного единства. В практике международных отношений утверждаются институт постоянных дипломатических представительств и система внешнеполитических ведомств, что явилось также результатом формирования общеевропейского и начала создания мирового рынка, способствовавших усилению общности исторического процесса в масштабе всей Европы, из конгломерата государств становившейся их системой, которая придавала локальным конфликтам общеевропейское системное значение [3: с. 76].

Итальянские войны и религиозно-политические конфликты в Германии первой половины XVI века способствовали становлению в общеевропейском масштабе системы государств, изначально зародившейся еще в Италии в предшествующие два столетия. Однако этот процесс был прерван религиозными и гражданскими войнами второй половины XVI – начала XVII веков. Вторая половина XVII века отмечена формированием новой доктрины международного права, выразившейся в проведении конгрессов с целью решения спорных вопросов, возникших в результате войн. Международное право делало отношения между государствами более легитимными и регулярными, а также создавало прецеденты и накапливало опыт решения спорных проблем [2: с. 4].

Важнейшими элементами международных отношений раннего Нового времени были борьба за династический и государственный престиж, укрепление позиций государственной власти и внутреннего порядка благодаря внешнеполитическим успехам, завоеваниям не только в Европе, но и за ее пределами. Поскольку внешняя политика, за исключением разве что Великобритании и Республики Соединенных Провинций, была прерогативой государей, то она часто носила династический характер. Именно во внешней политике чаще всего проглядывали династические интересы и личные амбиции монархов [7: с. 5–6]. Так как политика монархий осуществлялась в контексте следования букве закона и традиции, то какие-либо серьезные инновации становились малоосуществимыми.

Хотя нередко утверждается, что возникновение европейской системы государств относится к середине XVII века и связано с Вестфальским миром 1648 года, по нашему мнению, целесообразнее отсчитывать процесс становления этой системы с конца XV века. Дело в том, что сформировавшаяся система политического равновесия, или, иначе говоря, баланса сил, в Италии XV века как раз представляла собой образец региональной системы государств, ставшей прообразом европейской системы государств в результате Итальянских войн. Другое дело, что теоретические принципы равновесия сил и его более широкое применение и распространение утвердились уже в ходе Тридцатилетней войны. Бесспорно, что Вестфальский мир во многом изменил международную ситуацию в Европе, создав новое соотношение сил и внося международно-правовую основу в систему международных отношений, определив государственно-политический профиль Европы Нового времени.

Характерной особенностью изучаемого нами периода является сочетание борьбы за гегемонию с равновесием сил, что было заметно уже в Италии с середины XV века, когда утвердившаяся «итальянская пентархия» в составе Милана, Венеции, Флоренции, Папского государства и Неаполитанского королевства символизировала эти две тенденции, чередовавшиеся друг с другом. В Западной и Центральной Европе начиная с XVI века велась борьба за гегемонию сначала империи при Карле V, далее Испании при Филиппе II после мира в Като-Камбрези (1559 г.) и его преемниках вплоть до Пиренейского мира 1659 года, затем за гегемонию Франции при Людовике XIV вплоть до завершения войны за «испанское наследство» (1701–1714 гг.). Противоположной тенденцией была борьба за равновесие сил, завершившаяся формированием пентархии в составе Англии, Франции, Австрии, России и Пруссии, просуществовавшей до эпохи наполеоновских войн [3: с. 80].

Хотя концепция равновесия сил была сформулирована в XVII–XVIII веках, в реальной политике она существовала еще раньше. Современный немецкий исследователь А. Штромайер, изучая возникновение и развитие этой концепции в раннее Новое время, положил в основу своей работы принцип междисциплинарных исследований, отметив ее социальный и культурно-исторический аспекты, особенно восприятие политики равновесия сил в общественном мнении, вследствие чего равновесие сил рассматривалось как сложный социальный феномен. Естественно, что концепция баланса сил являлась важнейшей в структурообразующей линии европейской системы государств и была, таким образом, с ней взаимосвязана. К тому же она оказывала большое влияние на политическую мысль и политическую практику. Это тем более важно, так как становление европейских государств в результате различных вариантов государственного строительства и экономического развития приобретало разнообразные формы [17: с. 24–25]. Следствием этого было формирование нового типа организации управления, претендующего на полноту власти (иначе — абсолютизма) и изменение структуры военных сил, становившихся опорой государства [17: с. 62–63]. А система государств позволяла удерживать международные отношения в равновесии между ведущими игроками европейской политики и являлась основой прогресса цивилизации на континенте [4: с. 170–173].

Совершенно очевидно, что становление европейской системы государств было теснейшим образом связано с формированием различных типов и форм государственности по принципу нации и королевства, т. е. дифференциации единой христианской Европы. Собственно, Западная и Центральная Европа до середины XVIII века в самом деле двигались по пути становления государств, что было проявлением необходимости, в результате чего попытки Габсбургов и папства сохранять единую католическую Европу не увенчались успехом. Однако явление, известное под названием «нация-государство», еще только находилось в стадии формирования. Поэтому соперничество Габсбургов и Валуа рассматривалось

при императорском дворе ни больше ни меньше как *bella intestina*, т. е. внутренняя война [16: с. 24–25].

Нельзя не коснуться важного, хотя нередко мало акцентированного фактора в развитии международных отношений времен Вестфальской системы, а именно коронации 18 февраля 1701 года в Кенигсберге короной прусского короля Фридриха I Гогенцоллерна (курфюрста Фридриха III), что означало легитимизацию стремления государств среднего масштаба получить статус королевства. Фридрих I использовал этот шанс для укрепления своего государства. При его преемниках, а точнее, при Фридрихе II, Пруссия усилилась настолько, что стала участником пентархии и «концерта» европейских держав, поставив под угрозу конституцию Священной Римской империи [11: с. 261–262].

Характеризуя европейскую систему государств на рубеже XVII–XVIII веков, необходимо отметить, что, преодолевая наследие универсалистских претензий Габсбургов и Людовика XIV, в начале XVIII века Европа стояла перед необходимостью создания новых международных структур. Новым «равновесием сил» в виде пентархии, а внутри Священной Римской империи австро-прусским дуализмом и Княжеским союзом 1785 года, а также разделами Польши было создано новое соотношение сил, усилившее роль великих держав. В этой связи можно привести данную немецким историком Х. Духхардтом общую характеристику Европы на рубеже XVII–XVIII веков как «континента с ускоренным движением, континента в поисках стабильности, континента, все больше и больше осознававшего отсутствие норм и механизмов в межгосударственном общении», находящегося в поисках системы механизмов разрешения конфликтов и, по крайней мере, осуществления стабильности, континента, уже видевшего надвигающийся конец «старого режима» [8: с. 13–15].

Оценивая систему европейских союзов XVIII века, Х. Духхардт выделяет в первую очередь франко-английский и австро-прусский дуализмы в качестве системообразующих факторов в европейской политике второй половины XVIII века. Среди других значимых моментов он обращает внимание на сближение Австрии и Франции, подъем России и Пруссии и дальнейший упадок Польши. При этом Х. Духхардт подчеркивает, что сам факт перегруппировок альянсов не означал, что ведущие европейские державы были готовы к сотрудничеству с целью сохранения мира. Смена же парадигм в европейской политике привела к «ниспровержению альянсов», часто называемому «дипломатической революцией» 50–60-х годов XVIII века [3: с. 87].

В период между 1763 и 1787 годами Великобритания и Россия, находившиеся в относительно неуязвимом географическом положении, оказались способными расширить свое влияние и усилить уязвимость других держав континента. В итоге практика равновесия сил привела к всеобщему кризису безопасности в Европе, имевшему тяжелые последствия для Франции, Австрии, Пруссии, Польши, Османской империи и германских государств, и продолжала подрывать ограничения Вестфальской системы, имперской конституции, австро-французского

союза и т. д. Поэтому сложившаяся система стала опасной для Франции, Австрии, Пруссии, средних и малых германских государств. Практика и техника равновесия сил в конечном счете приводили к дисбалансу, гегемонии и системному кризису. Кроме того, многие внутренние государственные и социальные факторы, а также интеллектуальные течения влияли на состояние международных отношений. А политика и практика просвещенного абсолютизма укрепили центральную власть и военную мощь, в результате ослабив традиционные нормы и ограничения в международных отношениях. Не случайно то обстоятельство, что просвещенные абсолютистские правители находились у власти в наиболее агрессивных великих державах второй половины XVIII века, т. е. России, Пруссии и Австрии, отчасти Франции, где предпринимались попытки реформ в духе просвещенного абсолютизма. Но самое любопытное заключалось в том, что эти государства в борьбе против нарушений баланса сил пользовались оружием и методами политики равновесия сил, что только усложняло решение проблемы. В конечном счете инициаторы решений Венского конгресса 1815 года вернулись к системе баланса сил, просуществовавшей до 1848 года, хотя, как видно, и дискредитировавшей себя в последней трети XVIII века.

Как полагает французский исследователь Ж. Ливе, после заключения Вестфальского мира равновесие сил испытало значительную трансформацию не только в смысле расстановки сил основных игроков, но и в смысле появления новых сил на востоке и западе Европы. Что касается европейской пентархии, то она, «хотя оставалась категорией практической и теоретической политики, не являлась во времена Старого порядка понятием науки о международном праве» [12: с. 92].

В конце XV – начале XVI века в Священной Римской империи произошли существенные сдвиги, приведшие к переходу от дуализма империи и территорий к постоянному полю напряженности между императором и имперскими институтами, с одной стороны, а с другой — интересами отдельных территорий и политических сил. Попытки проведения имперских реформ натолкнулись на противоположную тенденцию консолидации территориальных государств. Волны Реформации, имевшие политические и социальные последствия, а также международное влияние стимулировали двусмысленный разлом. Империя была вовлечена в международную политику в двойном смысле: она могла играть как роль посредницы в европейских делах, так и стать полем деятельности сильных европейских государств [3: с. 92]. В этой связи весьма актуально высказывание Ф. Броделя: «Прежде всего, Реформация сплотила страны Северной Европы. Она противопоставила их, объединенными, их конкурентам с Юга. То была немалая заслуга. Впоследствии религиозные войны оставили позади вышедшую из общности верований солидарность протестантских деловых связей, которая играла свою роль в делах, по крайней мере какое-то время, пока национальные раздоры не возобладали над любыми другими соображениями» [1: с. 580].

Конфликты между империей, католическими и протестантскими княжествами во время Реформации привели к Аугсбургскому религиозному миру 1555 года, чей сформулированный позднее принцип «чья власть, того и вера» означал не просто новый принцип имперской конституции, но и важный шаг в утверждении монополизации власти территориальных государей, а именно к расширению территориального суверенитета. Обладая теперь монополией на финансы и религию, князьям оставалось только получить суверенитет во внешнеполитических делах. Период конфессионализации второй половины XVI – первой половины XVII веков был важным этапом в этом направлении. На рубеже 80–90-х годов XVI века сошло со сцены поколение политиков и властителей, живших по принципам Аугсбургского религиозного мира. Претензии же государей, воспитанных уже в духе конфессионализации, привели в конце концов к Тридцатилетней войне [18: с. 115].

Характеризуя конфессионализацию в международных отношениях и во взаимоотношениях между империей и территориальными княжествами, немецкий ученый Х. Шиллинг отмечает, что она была первой фазой истории европейской системы государств Нового времени, во время которой усиление государственной власти и конфессионализация достигли высшей точки и совпали друг с другом. Конфессионализация господствовала в международных отношениях. Но в раннее Новое время империя представляла собой отдельную собственную систему государств, делающую зависимой от себя форму и образ европейской системы. Вестфальский мир означал прекращение религиозного дуализма, а ведущей категорией становился светский государственный интерес, базировавшийся в теории и на практике на коллективной безопасности, а также на принципе равновесия сил [3: с. 34–36].

При изучении проблемы отношений империи и территориальных государств после окончания Тридцатилетней войны и функционирования Вестфальской системы в европейском, общеимперском и германском контекстах обнаруживаются четыре проблемы, которые оживленно обсуждаются в современной историографии: 1) проблема мира и войны во время Вестфальской системы; 2) универсализм и партикуляризм; 3) европейское и имперское равновесие; 4) соотношение империи и территорий. Эти вопросы поднимаются не из праздного любопытства, а по той причине, что в Германии в течение более столетия после легитимизации германского государства в 1871 году занимал прочные позиции миф о слабости и упадке Империи и Германии после 1648 года и о «наследственном враге» Германии — Франции, подкрепляемый историей войн Людовика XIV [3: с. 93].

Касаясь проблемы соотношения мира и войны в поствестфальской Европе, Х. Шиллинг выделяет помимо общих предпосылок войны еще два важных мотива — укрепление государства и подчинение конфессии, а в качестве причин мира называет способность старой Европы к сохранению мира, секуляризацию жизни как движитель мира и характер Вестфальского мира

как европейского государственного порядка. Способность к сохранению мира он считает результатом политического прагматизма, сложившегося в процессе формирования государственности раннего Нового времени. Секуляризация, занявшая место конфессионализации в политической практике и политическом мышлении, содействовала установлению юридического регулирования политической жизни и утверждению новой политической культуры, в которой уже не находилось места религиозным спорам как первопричинам войн [15: с. 187]. Как бы уточняя эту мысль, Х. Духхардт подчеркивает, что Вестфальский мир полностью не исключал конфессиональных конфликтов, но он сделал невыносимыми их перерастание в военные столкновения. Собственно говоря, Тридцатилетняя война показала существование поликонфессиональных коалиций. Частые смены союзников и чередование партнеров стали нормой в международных отношениях согласно модели, созданной Вестфальским миром [9: с. 45–46].

Но в этой системе империя, хотя и не могла сама по себе проводить внешнюю политику (ее в данном случае необходимо отделить от комплекса родовых владений Габсбургов, именуемых чаще всего Австрийским домом), сформировавшаяся новая имперская конституция способствовала тем не менее защите империи от общих внешних врагов, т. е. Османской империи, что наиболее ярко проявилось во время осады Вены турками в 1683 году и войн Людовика XIV. Попытки короля-солнца установить гегемонию Франции в Европе разбились не только благодаря коалиции Англии, Голландии и Австрии, но и вследствие сопротивления имперских князей и сословий. Остановить развитие европейской системы государств в направлении мультиполярности не удалось [10: с. 44]. Однако время имперского патриотизма не было временем подъема национального духа в современном понимании этого слова, поскольку жители германских земель ощущали себя прежде всего бранденбуржцами, саксонцами или баварцами, вдохновляясь лишь во время общей опасности идеей империи и особенно личностью императора. В определенном смысле можно даже сказать, что империя имела более основательное правовое и оборонное единство со своей триконфессиональной церковной системой, чем какое-либо государство в самой Германии или в Европе. Вследствие чего на рубеже XVII–XVIII веков в стране — как в политическом, так и в военном плане — воцарилось относительное спокойствие [14: с. 15].

Однако все это не означает, что противоположность и противоречия между универсализмом и партикуляризмом исчезли. Просто они видоизменились, ибо с конкретизацией и идентификацией государственных интересов как господствующего понятия в отношениях между европейскими государствами средневековый универсализм и универсализм эпохи Карла V был окончательно преодолен партикуляризмом отдельных государств, прежде всего великих держав. Именно интересы держав становились преобладающими в европейской политике Нового времени. По словам Х. Шиллинга, «идеализм был побежден реализмом» [14: с. 29]. В этом смысле Вестфальский

мир имел для империи как внутривосточное, так и внешнеполитическое значение, поскольку Франции удалось остановить габсбургское окружение ее со всех сторон и разделить две линии Габсбургов. Так как для решения вопросов о войне и мире императорам надо было теперь иметь согласие рейхстага, а некоторые имперские сословия являлись субъектами международного права, то гарантии мира становились гарантиями имперской конституции, вследствие чего система равновесия на континенте трансформировалась в систему европейского миропорядка. Суть дела заключалась в том, что баланс сил внутри империи становился ядром сохранения мира в Европе, т. е. имперская система равновесия превратилась в один из ключевых элементов европейской системы баланса сил. С усилением Пруссии при Фридрихе II система внутримперского равновесия приобрела уже другое значение, поскольку его реализация в контексте австро-прусского дуализма могла повлечь за собой опасность разрушения империи, что показали война за баварское наследство 1778–1779 годов и события накануне Французской революции и наполеоновских войн. Несмотря на значительное взаимодействие, европейские державы и империя шли в европейской политике отдельными путями [6: с. 56–58].

В связи с этими явлениями существенное значение в роли элементов европейской и имперской систем государств приобретали взаимоотношения между императорами и территориальными государствами Германии. Немецкий историк Г. Эстрайх отмечает, что с Вестфальского мира Европа и империя были взаимосвязаны, а процесс разложения империи в контексте австро-прусского дуализма он рассматривал в традиционном духе возможного распада Германии на протестантский Север и католический Юг [13: с. 240]. Однако уже с 70-х годов прошлого века в историографии стал превалировать новый подход к оценке европейской политики Австрии, согласно которому империя служила Габсбургам опорой для своей политической деятельности, в первую очередь для того, чтобы эффективно использовать оставшиеся феодальные прерогативы и свое лидерство среди католических и традиционно лояльных по отношению к Австрийскому дому князей южной и юго-западной Германии, а также для осуществления контроля над имперским судом. В сущности, габсбургская политика использовала имперскую идею для содействия подъему Австрии как великой державы. Во всяком случае, это был результат понимания того обстоятельства, что централизованное государство скорее может быть создано в пределах габсбургских наследственных земель, чем успешно пользовались в своей политике такие императоры, как Леопольд I, Иосиф I и Карл VI.

При этом империя оставалась рыхлым государственным образованием. Но при всей слабости империи в ее существовании были заинтересованы соседи, поскольку любые изменения имперской конституции становились бы дестабилизирующим фактором европейской системы государств. Поэтому укрепление австрийской государственности при сохранении имперской конституции 1648 года становилось как условием мира в Европе, так и условием сохранения династии Габсбургов. Поскольку большинство имперских князей и сословий были

заинтересованы в сохранении империи именно в таком виде, то они в большинстве своем выступили во время войн Людовика XIV на стороне центральной власти. Имперская идея использовалась Веней для эксплуатации традиционных клиентел во время австро-прусского дуализма [3: с. 96]. Однако после 1740 года появился, по замечанию Х. Духхардта, не менее негативный германский дуализм. Во всяком случае в результате возвышения Пруссии императоры становились главами только одной из великих держав, а именно Австрии. Для них империя начинала играть второстепенную роль, имперская система и роль императора утрачивали свое значение, даже по сравнению со столетием после Вестфальского мира блеск императорской короны потускнел. Но пока сохранялся спорный вопрос о суверенитете между императором и имперскими сословиями, империя еще жила. Как бы в противовес дуализму стали распространяться идеи «третьей силы» или «третьей Германии», но ни она, ни Россия как гарант Тешенского мира 1779 года, ни Княжеский союз 1785 года не стали средством преодоления этого дуализма вплоть до Французской революции. Тогда же появились разного рода идеи установления европейской системы безопасности во главе с Германией, которые выдвигались в противовес Австрии ее северогерманскими оппонентами, но на основе имперской конституции. Эти идеи предусматривали превращение центра Европы в фактор стабилизации и безопасности всего континента. Сама же империя, согласно этим идеям, должна была превратиться в союз государств с центральным органом, сохраняющим мир и предотвращающим конфликты [8: с. 391].

В итоге можно определенно говорить о том, что в раннее Новое время в Европе параллельно происходило формирование европейской системы государств и имперской системы государств, которая по отношению к европейской системе, скорее, занимала положение подсистемы. Наиболее заметными их тенденциями были борьба за гегемонию в Европе и в империи и за установление равновесия сил как внутри империи, так и на всем континенте. Империя с утверждением Вестфальской системы теряла свое значение члена европейской системы государств, поскольку де-факто государством не являлась. Участниками системы великих держав становились уже Австрия и Пруссия, входившие в то же время в государственно-политическую систему империи. Распад европейской пентархии приближал конец империи, ведь она являлась в большей степени системой, регулировавшей отношения между имперскими князьями и сословиями, наиболее крупные из которых становились самостоятельными членами европейской системы государств.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М.: Пресс, 1988. 672 с.
2. Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск: Университетское, 1984. 307 с.
3. Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806. Т. 1. М.: РКонсульт, 2004. 450 с.

4. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с.
5. *Эльстайн Д.* Международная политика и политическая теория // Теория международных отношений / под ред. К. Буса, С. Смита. М.: Гардарики, 2002. 362 с.
6. *Aretin, K.O. von.* Das Reich. Friedensordnung und europäisches Gleichgewicht 1648–1806. Stuttgart: Beck, 1992. 398 s.
7. *Black J.* The Rise of the European Powers 1679–1793. L.: University College London Press, 1990. 479 s.
8. *Duchhardt H.* Altes Reich und europäische Staatenwelt 1548–1806. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1990. 579 s.
9. *Duchhardt H.* Krieg im Frieden — Frieden im Krieg. Der Dreißigjährige Krieg und das deutsche und europäische Staatensystem // Der Krieg vor den Toren. Hamburg im Dreißigjährigen Krieg 1618–1648 / hrsg. von M. Knauer und S. Tode. Hamburg: Universitätsverlag, 2000. S. 29–46.
10. *Duchhardt H.* Zwischenstaatliche Friedens- und Ordnungskonzepte im Ancien Régime: Idee und Realität // Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt / hrsg. von R. Asch, W. Voß und M. Wrede. München: Vorwerk, 2001. S. 37–45.
11. *Duchhardt H.* Die preußischen Nicht-Krönungen nach 1701 // Dreihundert Jahre Preußische Königskronung. Eine Tagungsdokumentation / hrsg. von J. Kunisch. Berlin: Goldegg Verlag, 2002. S. 257–262.
12. *Livet G.* L'équilibre européen de la fin du XVe siècle a la fin du XVIIIe siècle. P.: P.U.F., 1976. 297 s.
13. *Oestreich G.* Reichsverfassung und europäische Staatensystem 1648-1789 // Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Berlin: Oldenbourg, 1969. S. 235–252.
14. *Schilling H.* Europa um 1700. Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien, in: Preußen 1701. Eine europäische Geschichte, Essayband zur Ausstellung Preußen 1701, hg. v. Deutschen Historischen Museum und Stiftung Preußische Schlösser und Gärten Berlin-Brandenburg, Berlin: Henschel, 2001. S. 12–30.
15. *Schilling H.* Zwang zum Krieg und Fähigkeit zum Frieden. Europa zwischen Staatenbellizität, Glaubenskrieg und Friedensfähigkeit // Annali dell' Instituto storico italo-germanico in Trento. T. XXVII, Bologna: Mulino, 2001. S. 187–203.
16. *Schilling H.* Europa zwischen Krieg und Frieden // Idee Europa. Entwürfe zum «Ewigen Frieden». Ordnungen und Utopien für die Gestaltung Europas von der pax romana zur Europäischen Union / Hrsg. von M.-L. von Plessen. Berlin: Beck, 2003. 321 s.
17. *Strohmeyer A.* Theorie der Interaktion. Das europäische Gleichgewicht der Kräfte in der frühen Neuzeit. Wien-Köln-Weimar: Oldenbourg, 1994. 276 s.
18. *Zeeden E.* Das Zeitalter der Glaubenskämpfe (1555–1648). Stuttgart, Ernst Wasmuth Verlag, 1970. 402 s.

Literatura

1. *Brodel' F.* Material'naya civilizaciya, e'konomika i kapitalizm XV–XVIII vv. T. 2: Igrы' obmena. M.: Press, 1988. 672 s.
2. *Ivonin Yu.E.* U istokov evropejskoj diplomatii Novogo vremeni. Minsk: Universitetskoe, 1984. 307 s.
3. *Ivonin Yu.E.* Universalizm i territorializm. Staraya imperiya i territorial'nye gosudarstva Germanii v rannee Novoe vremya. 1495–1806. T. 1. M.: RKonsul't, 2004. 450 s.
4. *Czy'gankov P.A.* Teoriya mezhdunarodny'x otnoshenij. M.: Gardariki, 2003. 590 s.

5. *E'lstajn D.* Mezhdunarodnaya politika i politicheskaya teoriya // Teoriya mezhdunarodny'x otnoshenij / pod red. K. Busa, S. Smita. M.: Gardariki, 2002. 362 s.
6. *Aretin, K.O. von.* Das Reich. Friedensordnung und europäisches Gleichgewicht 1648–1806. Stuttgart: Beck, 1992. 398 s.
7. *Black J.* The Rise of the European Powers 1679–1793. L.: University College London Press, 1990. 479 s.
8. *Duchhardt H.* Altes Reich und europäische Staatenwelt 1548–1806. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1990. 579 s.
9. *Duchhardt H.* Krieg im Frieden — Frieden im Krieg. Der Dreißigjährige Krieg und das deutsche und europäische Staatensystem // Der Krieg vor den Toren. Hamburg im Dreißigjährigen Krieg 1618–1648 / hrsg. von M. Knauer und S. Tode. Hamburg: Universitätsverlag, 2000. S. 29–46.
10. *Duchhardt H.* Zwischenstaatliche Friedens- und Ordnungskonzepte im Ancien Régime: Idee und Realität // Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt / hrsg. von R. Asch, W. Voß und M. Wrede. München: Vorwerk, 2001. S. 37–45.
11. *Duchhardt H.* Die preußischen Nicht-Krönungen nach 1701 // Dreihundert Jahre Preußische Königskronung. Eine Tagungsdokumentation / hrsg. von J. Kunisch. Berlin: Goldegg Verlag, 2002. S. 257–262.
12. *Livet G.* L'équilibre européen de la fin du XVe siècle a la fin du XVIIIe siècle. P.: P.U.F., 1976. 297 s.
13. *Oestreich G.* Reichsverfassung und europäische Staatensystem 1648-1789 // Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Berlin: Oldenbourg, 1969. S. 235–252.
14. *Schilling H.* Europa um 1700. Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien, in: Preußen 1701. Eine europäische Geschichte, Essayband zur Ausstellung Preußen 1701, hg. v. Deutschen Historischen Museum und Stiftung Preußische Schlösser und Gärten Berlin-Brandenburg, Berlin: Henschel, 2001. S. 12–30.
15. *Schilling H.* Zwang zum Krieg und Fähigkeit zum Frieden. Europa zwischen Staatenbellizität, Glaubenskrieg und Friedensfähigkeit // Annali dell' Instituto storico italo-germanico in Trento. T. XXVII, Bologna: Mulino, 2001. S. 187–203.
16. *Schilling H.* Europa zwischen Krieg und Frieden // Idee Europa. Entwürfe zum «Ewigen Frieden». Ordnungen und Utopien für die Gestaltung Europas von der pax romana zur Europäischen Union / Hrsg. von M.-L. von Plessen. Berlin: Beck, 2003. 321 s.
17. *Strohmeyer A.* Theorie der Interaktion. Das europäische Gleichgewicht der Kräfte in der frühen Neuzeit. Wien-Köln-Weimar: Oldenbourg, 1994. 276 s.
18. *Zeeden E.* Das Zeitalter der Glaubenskämpfe (1555–1648). Stuttgart, Ernst Wasmuth Verlag, 1970. 402 s.

R. V. Furtsev

The Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Period in the Context of the Formation of the European System of States

The article considers the complex of problems connected with process of formation of the system of states in Europe in the early modern period. Special attention is paid to questions of identity of state, political and confessional structure of the Holy Roman Empire, what allows to define the place and role of Empire within the system in the right way.

Keywords: system; politics; empire; Europe; universalism; the balance of powers.

С.А. Агуреев

Из истории становления русско-эфиопских культурных и общественных связей в конце XIX – начале XX веков

Статья посвящена малоизвестным аспектам из истории развития российско-эфиопских культурных и общественных отношений, в том числе проблеме русской эмиграции в Эфиопию и обучению подданных эфиопской империи в учебных заведениях в России. Автор, используя архивные документы и материалы, воссоздает картину развития общественных связей двух стран, анализирует причины активизации на рубеже XIX–XX веков особого интереса русской общественности к зоне Африканского Рога.

Ключевые слова: русско-эфиопские общественные связи; эмиграция; культурный обмен; общественное мнение.

История возникновения и развития русско-эфиопских общественно-культурных связей насчитывает несколько столетий и уходит корнями в XV век, когда в России появились первые сведения об Эфиопии, принесенные московским купцом Василием Позняковым, посетившим по поручению Ивана Грозного Иерусалим и описавшим службу эфиопских монахов у Гроба Господня. Однако эти сведения носили лишь отрывочный характер и не отличались особой точностью ввиду краткости пребывания автора в Иерусалиме. Более подробную информацию содержат описания известного саксонского ученого Иова Лудольфа, относящиеся к XVII веку и содержащие информацию как о религиозных обычаях Абиссинии, так и об ее внутреннем устройстве (ЦГАДА. Ф. 84. Сношения России с Саксонией. Оп. 1. Д. 8, 9, 10).

Однако первое серьезное проникновение русских в Эфиопию относится к гораздо более позднему времени — к концу XIX столетия, что было связано с превращением красноморского региона в крайне важную транспортную артерию после открытия в 1869 году Суэцкого канала, позволившего связать морским путем Европу с Азией. Стремление Российской империи укрепиться на побережье Красного моря и основать собственные угольные станции для снабжения судов, проходящих через воды Аденского залива, не являлось единственной причиной, предопределившей организацию первых российских экспедиций в Эфиопию. Весьма велика была и научная заинтересованность в изучении региона, определенную роль сыграли и уже существовавшие локальные контакты Русской православной церкви с Абиссинской епархией¹.

¹ В 325 году на знаменитом Никейском соборе эмиссары из Эфиопии приняли христианство в монофизитском исповедании.

С середины 80-х годов XIX столетия интерес россиян к эфиопским событиям получил широкое отражение на страницах российской периодической печати, внимательно следившей за событиями в восточноафриканском регионе. Наиболее влиятельные и популярные отечественные издания, такие как «Вестник Европы», «Нива», «Русское богатство», «Гражданин», «Новое время», «Наблюдатель», «Нижегородские ведомости», «Московские ведомости» и «Вестник Императорского Русского географического общества», публикующие статьи и заметки, посвященные политической истории и религиозным верованиям Эфиопии, анализировали и внешнеполитическую деятельность в регионе крупнейших колониальных держав.

Итало-абиссинская война 1895–1896 годов вызвала волну сочувствия абиссинскому народу в российском обществе, пробудив в русском человеке лучшие христианские чувства — сострадание, любовь к ближнему, желание помочь слабому и угнетенному. Подобная реакция российской общественности на военно-политические события в Эфиопии, ее желание оказать необходимую помощь дружественному России и считавшемуся православным народу стали своего рода катализатором, выявившим отношение различных слоев общества к далекой восточноафриканской стране.

Чуждые всяческого расизма, идеи превосходства белых над остальными, российские подданные, представляющие различные социальные слои, движимые благородным порывом, откликнулись на призыв отечественных газет оказать посильную помощь больным и раненым абиссинцам.

Из Ярославля, Москвы, Малоярославца, Таганрога, Ростова, Кременчуга, Варшавы, Ровно, Киева и Тамбова представителями различных российских сословий и политических взглядов направлялся значительный поток финансовой помощи абиссинцам. Решающая инициатива в организации этой помощи принадлежала ведущим российским газетам, собравшим несколько тысяч рублей пожертвований от частных граждан в помощь больным и раненым жителям Эфиопии. Ответ российских властей на реакцию общественности также не заставил себя долго ждать. Так, уже 15 марта 1896 года во многом под влиянием господствующих в российском обществе настроений на заседании Главного управления Российского общества Красного Креста (далее — РОКК) было принято решение о командировании в Эфиопию санитарного отряда и ассигновании для этой цели 100 тысяч рублей из центральной кассы Общества Красного Креста.

Многие месяцы русские врачи работали в Эфиопии, оказывая медицинскую помощь пострадавшему во время войны мирному населению и пленным итальянцам. Состоявший из опытного медицинского персонала, отправившийся в Эфиопию контингент русских врачей отличался высокими нравственными качествами и профессионализмом и оказал неоценимую помощь местному населению.

Эта самоотверженная и бескорыстная работа русских медиков по оказанию помощи эфиопскому населению явилась еще одним шагом на пути установления и развития русско-эфиопских дипломатических отношений (1897 год), определив

их особую динамику и глубину в период послевоенного для Эфиопии десятилетия (1896–1906 годы). В свою очередь успешное завершение гуманитарной миссии РОКК способствовало зарождению общественно-культурных связей двух стран.

Активному развитию российско-эфиопских общественных и культурных отношений способствовала и установившаяся с конца XIX века практика обучения эфиопских подданных в различных учебных заведениях Российской империи. Как свидетельствуют материалы Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), с 1897 года по предложению эфиопской стороны целый ряд эфиопских юношей проходил обучение в России. Так, 18 марта 1897 года председатель Российского общества Красного Креста М. Кауфман доносил министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву: «Оставленное в Энтото отделение нашего санитарного отряда в составе 5 лиц под началом доктора Рудзевича, закончив свою деятельность... по оказанию помощи больным и раненым абиссинцам и пленным итальянцам, выступило из Энтото и ожидается в Петербурге 23 или 24 марта» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4895 (1897–1902 гг.). Л. 1).

«Вместе с отрядом, — говорилось далее, — едут в Россию по просьбе негуса Менелика, 5 молодых абиссинцев для получения профессионального образования. Порученное доктору Рудзевичу доставление молодых абиссинцев в Россию, не имеет никакого отношения к РОКК... Вследствие этого позволяю себе просить Ваше Сиятельство не отказать в возможном содействии к устройству этих молодых абиссинцев в России и в указании как поступить с ними по их прибытии» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4895 (1897–1902 гг.). Л. 2). Сохранился и перевод письма императора Менелика II российскому императору Николаю II, выполненный драгоманом российского генерального консульства в Иерусалиме Яковом Хури. В тексте письма выражалась благодарность российскому императору за оказанную помощь РОКК в Эфиопии, а также сообщалось о том, что негус возымел «...ныне желание послать пять молодых людей в Россию, дабы они получили там образование, выучились бы медицине и другим наукам и возвратились бы затем на родину для принесения медицинской помощи и для обучения народа» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4895 (1897–1902 гг.). Л. 23). В тексте письма также выражалась надежда, что посланные на обучение молодые люди будут направлены в Санкт-Петербург и распределены преимущественно в медицинские учебные заведения.

Трое из прибывших были помещены в военно-фельдшерскую школу, а двое — в училище цесаревича Николая. Сохранились сведения и о жизни эфиопских подданных в России. Как свидетельствуют документы АВПРИ, по прохождении курса обучения в ремесленном училище цесаревича Николая, эфиопский юноша Самонегус выдержал письменное и устное испытание. «Предложены были следующие работы: диктант и написать письмо к товарищу, — говорилось в отчете об экзаменационных испытаниях. — Как первая, так и вторая работы исполнены были воспитанником Само-Негусом вполне удовлетворительно, особенно вторая работа, написанная почти без орфографических ошибок и довольно правильным

русским языком» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4895 (1897–1902 гг.). Л. 56). В отчете отмечалось, что испытуемый приобрел необходимые навыки в постановке знаков препинания и продемонстрировал понимание русской речи, а также знание о частях света, океанах, границах крупнейших государств с их столицами. По прошествии нескольких лет учившиеся в России эфиопы благополучно вернулись на родину.

Однако практика обучения эфиопов в России получила дальнейшее развитие, так как в 1898 году правительство императора Менелика II пожелало отправить в Россию на обучение музыке двух мальчиков галласов. 6 августа 1898 года дипломатический представитель Российской империи в Аддис-Абебе П.Н. Власов доносил министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву: «...представитель императора Менелика обратился ко мне с просьбою рекомендовать императорскому правительству, посылаемых им в Россию для получения музыкального образования двух мальчиков-галласов. Просьба эта означает поместить этих мальчиков на счет нашего правительства в одну из военных музыкальных школ на время, потребное им для изучения игры на духовых инструментах настолько хорошо, чтобы впоследствии они могли дирижировать духовым оркестром» (АВПРИ. Ф. 149 Турецкий стол (новый) Оп. 502 (б). Д. 4896. Л. 1).

Не считая возможным отказать эфиопскому императору, но и не давая принципиального согласия, глава российской дипломатической миссии в Эфиопии П.Н. Власов далее спрашивал у министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева уведомления «...о том, что Вам благоугодно будет сделать по настоящему ходатайству Менелика, равно указаниями, как должен относиться я к подобным ходатайствам в будущем» (АВПРИ. Ф. 149 Турецкий стол (новый) Оп. 502 (б). Д. 4896. Л. 1).

Однако просьба так и осталась неудовлетворенной ввиду отсутствия таковых школ в военном ведомстве, о чем доносил военный министр Российской империи А. Куропаткин графу М.Н. Муравьеву в письме от 25 ноября 1898 года, одновременно указывая на возможность в случае надобности предоставить им возможность обучаться в одном из кадетских корпусов (см. подробнее: АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4896. Л. 7).

Эфиопским юношам было предоставлено право проходить обучение музыке при Ширванском полку. 26 марта 1902 года из военного министерства был направлен ответ в министерство иностранных дел Российской империи за подписью генерал-майора Пуяткина: «...Главный штаб имеет честь сообщить, что один из состоящих ныне при 84 пехотном полку, для обучения музыке, абиссинских мальчиков ввиду возникшего предположения об отправлении их обратно на родину, а именно Бася Гаврилиусус, подал прошение об определении его на полный казенный счет в какое-либо низшее учебное заведение, мотивируя свою просьбу желанием поехать на родину, научившись уже хорошо русской грамоте и окончив какое-либо учебное заведение» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4896. Л. 14). Далее военное министерство запрашивало МИД

относительно того, считает ли последнее возможным выделить достаточные средства на содержание эфиопских подданных и их дальнейшее обучение в России или находит нужным отправить их на родину. Впоследствии было принято решение отправить обоих юношей на родину на одном из пароходов Русского общества пароходства и торговли, направлявшегося в Джибути.

Практика обучения эфиопских подданных практиковалась вплоть до 1907 года, когда дипломатические отношения России и Эфиопии заметно пошли на спад. Так, эфиопские юноши проходили обучение в Николаевской кавалерийской школе и первом кадетском корпусе. 30 октября 1904 года в Первый департамент МИД был направлен документ из Главного управления военных учебных заведений, в котором говорилось о желании подданного эфиопской империи Александра Терие по окончании первого кадетского корпуса «продолжить военное образование в Николаевском кавалерийском училище» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4898. Л. 1).

В другом письме из Главного управления военно-учебных заведений за подписью генерал-лейтенанта Будаевского в Первый департамент МИД от 19 марта 1904 года говорилось: «В настоящее время Терие находится в прикомандировании к Николаевскому кавалерийскому училищу до получения согласия Абиссинского правительства на зачисление его на русскую службу, после чего последует распоряжение о зачислении Терие в число юнкеров названного училища» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4898. Л. 5).

Однако на этом переписка обрывается и дальнейшая судьба в России Александра Терие неизвестна. Еще один подданный эфиопского императора Петр Тэкле-Ходариат, проходивший обучение в России, направил ходатайство о поступлении на военную службу без перехода в российское подданство. В запросе Главного артиллерийского управления от 21 апреля 1906 года за подписью полковника Нелидова министру иностранных дел Российской империи говорилось: «Названный юнкер воспитывался в России и окончил курс в первом кадетском корпусе и аттестован его непосредственным начальством с самой лучшей стороны. Предварительно испрошения Высочайшего соизволения на производство юнкера Тэкле-Абиу в подпоручики русской артиллерии, без принятия русского подданства, но с принесением присяги на верность службы, прошу уведомить меня не встретится ли к тому с Вашей стороны препятствий» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4899. Л. 1.)

Для принятия решения по этому вопросу МИД направил запрос в российскую императорскую дипломатическую миссию в Эфиопию. В ответе, который пришел 5 мая 1906 года, со ссылкой на эфиопского императора говорилось: «Тот, который называется юношей Габро Хаториадь, подданный эфиопской империи учился до сих пор в России. Теперь я ему разрешаю поступить на русскую военную службу» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4899. Л. 3).

Как видно из приведенных документов, целый ряд эфиопских подданных жили и учились в России, что стало немаловажным фактором развития

русско-эфиопских общественных и культурных связей на рубеже XIX–XX веков. Спустя многие десятилетия об этом опыте вспомнили в советское время, когда уже десятки тысяч граждан африканских стран учились в СССР, становились инженерами, учителями, дипломатами. Из их числа формировалась элита собственных стран, испытывавшая воздействие русской культуры, что способствовало не только развитию общественных контактов, но и росту авторитета СССР на африканском континенте. Эти принципы были возведены советским руководством в ранг государственной политики, дававшей свои результаты вплоть до распада всего советского социалистического блока.

Современные российско-эфиопские общественные связи продолжают динамично развиваться, используя весь накопленный положительный потенциал двухсторонних отношений. Немалую роль в этом процессе играют устоявшиеся исторические традиции культурного общения, положенные активным проникновением Российской империи в Эфиопию на рубеже XIX–XX веков и обусловленные характером общественной и государственной помощи, оказанной русским народом этой африканской стране в период Итало-эфиопской войны 1895–1896 годов, когда для оказания помощи эфиопскому народу был отправлен отряд Русского общества Красного Креста, выполнивший свою миссию и открывший первый русский госпиталь в Аддис-Абебе.

Еще одним важным фактором развития двухсторонних общественных связей стала эмиграция подданных Российской империи в Эфиопию. Десятки русских исследователей, дипломатов, казаков, художников, врачей, офицеров побывали в Эфиопии в составе множества научно-исследовательских экспедиций и дипломатических миссий, некоторые из них изъявили желание остаться в стране.

Наиболее успешными как в политическом, так и в научном отношении оказались экспедиции В.Ф. Машкова (1889 г. и 1890 г.) и Н.С. Леонтьева — А.Ф. Елисеева (1894–1895 гг.)²; результатом последней стала организация эфиопского посольства в Россию с целью установления дипломатических отношений двух стран [1: с. 26].

Столь же плодотворными оказались и экспедиции, предпринятые в страну русскими путешественниками А.К. Булатовичем и Л.К. Артамоновым, в результате которых были собраны ценные сведения по истории, географии и государственному устройству Эфиопии, имевшие огромное научное значение [1: с. 26–39]. Однако рассказ об этих экспедициях выходит за рамки краткой статьи и требует отдельного изучения. Можно лишь с уверенностью констатировать тот факт, что их проведение способствовало началу хоть и незначительной по масштабам эмиграции в страну, тем не менее в ее результате в Эфиопии возникла российская диаспора, существующая до настоящего времени.

² Кроме этой экспедиции Н.С. Леонтьев предпринял еще две экспедиции в Эфиопию в 1896–1897 и 1899 годы. Впоследствии, находясь на службе эфиопского императора Менелика II, Н.С. Леонтьев стал наместником одной из провинций, удостоившись чести, не выпадавшей никому из европейцев.

И хотя данные, позволяющие судить о жизни российских подданных в Эфиопии, довольно скудны и носят отрывочный характер, с уверенностью можно констатировать, что начало появлению небольшой русской общины в этой стране положило создание госпиталя миссии Красного Креста, возникшего в 1896 году и состоявшего из 4 докторов и нескольких фельдшеров, находившихся в Эфиопии и лечивших местное население. В состав этой немногочисленной русской диаспоры входили и представители российской дипломатической миссии во главе со статским советником П.Н. Власовым, его помощником Н.С. Орловым, корнетами А.К. Булатовичем и И.Ф. Бабичевым, а также сменившим П.Н. Власова в 1901 году поверенным в делах Л.И. Скаржинским [4: с. 11].

Состав миссии периодически пополнялся все новыми лицами, как это было в 1903 году, когда в Эфиопию прибыл новый полномочный представитель российской империи К.Н. Лишин с несколькими офицерами и новыми секретарями миссии. Как видим, основу русской диаспоры в Эфиопии первоначально составляли лишь официальные лица и работники госпиталя Красного Креста, но уже в скором времени ситуация изменилась.

В числе первых российских подданных, оставшихся в Эфиопии, был корнет 25-го Казанского драгунского полка И.Ф. Бабичев, ставший помощником Н.С. Леонтьева в управлении южными провинциями и получивший от правительства титул «фитаурари» (военный титул в императорской Эфиопии, соответствовавший генеральскому чину). Уже в стране у него родились двое сыновей — Михаил и Виктор. Михаил стал первым летчиком ВВС Эфиопии, одним из основателей этого рода войск. Во время Итало-эфиопской войны 1935–1936 годов он командовал всей немногочисленной авиацией страны — двенадцатью самолетами старых моделей [2: с. 361]. После войны перешел на дипломатическую работу и был послан в Москву в составе первого эфиопского дипломатического представительства в СССР. Крайне мало известно и о других представителях русской общины в стране до начала второй волны эмиграции из России после Октябрьской революции 1917 года — художнике Е.В. Сенигове, бароне Шедевре, подолгу жившем в Аддис-Абебе грузинском враче Петре Мерабишвили, ставшем придворным лекарем эфиопского императора, и некоторых других. Художник Е.В. Сенигов, по одной из версий, прибывший в Эфиопию в составе военной миссии, а затем оставшийся в стране, был придворным художником, написавшим портреты многих представителей эфиопской знати. Он даже получил участок земли, предоставленный за службу эфиопским императором. В 1924 году Е.В. Сенигов вернулся в СССР и предпринял ряд шагов для того, чтобы восстановить прерванные после Октябрьской революции в России дипломатические отношения двух стран, разорванные монархической Аддис-Абебой. Далее следы Е.С. Сенигова, обнаруженные крупнейшим российским африканистом А.Б. Давидсоном, теряются: неизвестно, остался ли художник в СССР или хотел вернуться на свою вторую родину, но не был выпущен советскими властями, был ли он репрессирован или сумел вернуться. Остается лишь надеяться, что в будущем историкам удастся

обнаружить материалы, проливающие свет на дальнейшую судьбу этой неординарной личности. Среди наиболее известных соотечественников, побывавших в Эфиопии в начале XX столетия, был и русский писатель Н.С. Гумилев, посетивший страну в 1911 и 1913 годах и оставивший множество стихов о стране, ее природе и обычаях.

Весьма интересна судьба эмигрировавшего в Эфиопию хорунжия М.В. Трофимова, поступившего на службу при правительстве императора Менелика II на должность агронома в Министерство земледелия (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 5456. Л. 1). По свидетельству императорской миссии в Аддис-Абебе в Первый департамент МИД, М.В. Трофимов окончил Оренбургское юнкерское училище и был зачислен в Уральское войско в 1899 году, в 1900 году поступил в армию добровольцем и воевал против китайцев, участвуя в подавлении восстания Ихэтуань, где командовал третьей сотней 2-го Читинского полка Забайкальского военного округа. «В 1902 г., — свидетельствует далее документ, — покинул... службу по прошению, выехал из России по заграничному паспорту... и, прибыв в Абиссинию, поселился в окрестностях Харрара на участке земли, полученном от рас Маконнена во временное пользование» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 5456. Л. 3). В 1906 году М.В. Трофимов вернул землю правительству и отправился в имение поручика И.Ф. Бабичева недалеко от Аддис-Абебы, где продолжил заниматься земледелием вплоть до мая 1908 года, когда он перешел по просьбе Министерства земледелия Эфиопии на службу правительству Менелика II в должности агронома с ежемесячным жалованием 135 талеров (125 рублей).

Другим русским подданным, жившим в Эфиопии, был отставной казачий урядник Ефим Клименко. Сохранился интересный документ, подтверждающий поступление Ефима Клименко на службу эфиопскому правительству (АВПРИ. Ф. 422. Миссия в Аддис-Абебе. Оп. 1. Д. 10. Л. 99). В материалах миссии содержится упоминание о роде занятий Е. Клименко, а именно, разведении и продаже овощей и фруктов, «...какое ремесло едва дает ему возможность... кое как пропитаться и в виду неимения у него никакого имущества, миссии едва ли удастся взysкать с него что-либо по упомянутому исполнительному листу, по крайней мере в ближайшем будущем» (АВПРИ. Ф. 422. Миссия в Аддис-Абебе. Оп. 1. Д. 10. Л. 171). Как показывает данный отрывок, Е. Клименко жил в крайней нужде и бедности.

Пик эмиграции пришелся на послереволюционный период — 1925–1935-е годы, когда в Абиссинию прибыло 17 русских офицеров (из них 2 генерала), 6 инженеров, 4 доктора, протоиерей и несколько человек различных профессий. В результате подобного переселения к 1935 году в Аддис-Абебе возникла небольшая русская диаспора, насчитывавшая порядка 80 человек со своей церковью святой Троицы и русским кладбищем. Большинство переселенцев работали топографами, адвокатами, служили в качестве офицеров в молодой эфиопской армии. Так, Ф. Шиманский стал старшим инженером муниципалитета, а Н.П. Вороновский — инженером железной дороги Аддис-Абеба — Джибути [4: с. 13].

Немалую известность среди местного населения и представителей диаспоры получил и русский офицер Федор Евгеньевич Коновалов, в годы войны с фашистской Италией ставший военным советником императора Хайле Селассие. Среди эмигрантов встречались и аристократы, как например, граф Фермор, возглавивший императорскую гвардию; князь Татищев — организатор Эфиопского банка, офицеры — Дитрихсы, Крузенштерны, Сенявины, Бенклевские и др. [3: с. 379].

Чрезвычайно интересно сложилась судьба русского поэта Павла Петровича Булыгина — участника Гражданской войны, эмигрировавшего после ее окончания и лично знакомого с императором Хайле Селассие, который прожил в стране двенадцать лет [3: с. 380].

Таким образом, следует отметить, что в период конца XIX — начала XX веков происходило интенсивное развитие русско-эфиопских общественных и культурных отношений, формировалась основа для развития политических и торговых связей двух стран. Несмотря на тяжелейшие потрясения, выпавшие на долю России в годы Первой мировой войны, революции 1917 года и Гражданской войны, эти связи не прекратились и во второй четверти XX века. Немаловажную роль в их интенсификации сыграл опыт культурных взаимоотношений конца XIX века, когда формировался устойчивый интерес стран друг к другу, определялись приоритеты внешней политики молодой эфиопской империи. Оценка этого опыта позволяет прийти к выводу о взаимовыгодности общественных и культурных контактов на данном этапе, интересе общественности двух стран в дальнейшем их развитии, несмотря на происходившие в мире политические процессы.

Литература

1. Агуреев С.А. История географического изучения Эфиопии членами Императорского Русского географического общества. М.: У Никитских ворот, 2010. 111 с.
2. Давидсон А.Б. Муза странствий Николая Гумилева. М.: Наука, 1992. 316 с.
3. Давидсон А.Б. Николай Гумилев и русская эмиграция в Эфиопии // Новый журнал, Нью-Йорк. 1977. № 196. С. 376–381.
4. Турчанинов Г. Русские в Эфиопии // Военно-исторический вестник. Париж: Русское слово, 1975. № 45/46. С. 8–13.

Literatura

1. Agureev S.A. Istoriya geograficheskogo izucheniya E'fiopii chlenami Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. M.: U Nikitskix vorot, 2010. 111 s.
2. Davidson A.B. Muza stranstvij Nikolaya Gumileva. M.: Nauka, 1992. 316 s.
3. Davidson A.B. Nikolaj Gumilev i russkaya e'migraciya v E'fiopii // Novy'j zhurnal, N'yu-York. 1977. № 196. S. 376–381.
4. Turchaninov G. Russkie v E'fiopii // Voенно-istoricheskij vestnik. Parizh: Russkoe slovo, 1975. № 45/46. S. 8–13.

S.A. Agureev

**From the History of Development of Russian-Ethiopian Public
and Cultural Relations at the End of XIXth – the Beginning of XXth Century**

This article is devoted to the little-known history aspects of the development of Russian-Ethiopian public and cultural relations, including the problem of the Russian emigration to Ethiopia and teaching of nationals of Ethiopian empire in educational institutions in Russia. By using archival documents and materials, the author recreates a picture of development of public relations of the two countries, analyzes the causes of activation of the turn of the XIX–XX centuries of special interest of the Russian public to the area of the Horn of Africa.

Keywords: Russian-Ethiopian public relations; emigration; cultural exchange; public opinion.

**В.В. Рябов,
Е.И. Хаванов**

Кому принадлежит молодежь?

Кому принадлежит молодежь — тому принадлежит будущее. В статье раскрывается смысл этого крылатого девиза и через него оценивается ситуация в молодежном движении России и молодежная политика государства.

Ключевые слова: молодежь и будущее.

Сначала — о будущем: кому, какому из поколений оно принадлежит? Вопрос почти риторический. И даже — по крайней мере, на первый взгляд — наивный. Конечно же, не старейшим — пусть даже самым заслуженным, самым уважаемым отцам отечества и общества. Они, если и остаются в когортах активных современников, связаны больше с прошлым, чем с будущим. А те, кто принял от них эстафету, кто взял и уже несет на своих плечах весь груз сегодняшних проблем? Они, в общем, тоже работают или, по крайней мере, ориентируются на завтра, выбирая между модерном и постмодерном. Но их поглощают текущие проблемы. А в том опыте, которым они успели обогатиться, за который их ценит общество, есть не только позитивы, но и негативы — те, что в новых, вызревающих условиях начинают проявлять (может быть, еще не очень заметно) сдерживающий, тормозящий характер. А вот у кого этих негативов (как, впрочем, и позитивов) нет, так это у молодежи. Ее сегодняшний день — начинающееся настоящее — это по многим параметрам подготовительный класс, собственная лаборатория, опытное поле, экспериментальный цех, космодром, с которого стартует ее будущее. В прошлом — только босоное детство, все — в будущем. Вот она-то и есть его главный фигурант, его хозяин.

Если это так, если с этим согласиться, то возникает еще один вопрос, — а с ним и самый ответ на него, адресованный тем, кто думает о будущем, о жизни своих наследников и потомков, ближних и дальних, духовных и идеологических. Будущее принадлежит тому, кому принадлежит молодежь, кто привлечет ее на сторону своих идеалов и идей, своих целей и дел.

Мысль, кажется, вечная. Настолько вечная, что даже не возникает вопрос об ее авторстве. Хотя кто-то поднимал ее на щит, привлекал к ней внимание, превращал в принцип действия, в ядро политики. Кто же мог обладать столь пронизательным взглядом?

Как-то, уже на третьем десятилетии постсоветской истории, в связи с очередной датой зарождения в Советском Союзе пионерской организации, читаем в Интернете, в статье молодой, но уже претендующей на известность журналистки: «Кому принадлежит молодежь, тому принадлежит будущее». Обратил на себя внимание не столько сам этот бренд, сколько комментариев к нему: «Эта фраза, сказанная главным идеологом нацистского режима...» Имя идеолога не называется, но явно, что речь идет, скорее всего, о Геббельсе. Если так, то он и есть автор этого девиза, лозунга. А сам лозунг оказывается нацистским или, если несколько смягчить выражение, нацистского происхождения. Что ж, это вполне в духе имперского министра народного просвещения и пропаганды, вполне очевидно, что именно так он и думал. Хотя приписывать ему авторство этой практически вечной идеи оснований нет. В данной редакции встречать ее в известных работах Геббельса нам не доводилось. Не знают о ней и немецкие коллеги, исследующие проблему «Фашизм и молодежь». Да и у самого фюрера в его «Mein Kampf» подобной формулы не встретишь, хотя к молодежи он был явно неравнодушен.

Однако вернемся к тексту, прочитанному в Интернете и комментирующему приписываемую нацистам идею о молодежи и будущем, который мы воспроизвели лишь частично. Вот как он звучит в полном, неусеченном виде: «Эта фраза, сказанная главным идеологом нацизма, вполне могла бы стать и девизом для коммунистических лидеров, строивших молодежные организации Советского Союза». Здесь статья выходит за пределы выяснения авторства лозунга и идет дальше: не прямо, а косвенно, но весьма прозрачно намекая на плагиат российских большевиков, якобы создававших молодежные и детские организации по лекалам национал-социализма. Но обратимся хотя бы к датам. Комсомол в Советской России был создан в 1918 году, а пионерское движение в 1919-м — еще до того, как на немецкой земле появился нацизм, а Геббельс сочинял свои первые пропагандистские опусы. А намного раньше этот боевой лозунг взяли на вооружение пролетарские революционеры. Он был в рабочем лексиконе Карла Либкнехта, одного из организаторов и лидеров Социалистического интернационала молодежи (1907 год). Так что нацизм здесь, как видим, не при чем.

А как возник упомянутый выше сумбур в голове у выступающей в Интернете журналистки (как мы выяснили с помощью того же Интернета, достаточно молодой)? От незнания? Но надо изучать историю, надо читать, тем более в молодом возрасте. Хотя возможен и умысел — наблюдаемое у иных либеральных интерпретаторов желание найти еще одно сходство в диктатурах Гитлера и Сталина. Это тоже не ново.

Но не будем уходить далеко от темы, которую мы обозначили достаточно четко: кому принадлежит молодежь? Где истоки этой проблемы? Попробуем разобраться. Для начала — две цитаты: «Едва ли кто будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб. Ведь воспитание должно соответствовать каждому государственному строю; свойственный каждому государственному строю характер обыкновенно служит и сохранению строя и с самого начала — его установлению... и всегда лучший характер обеспечивает лучший вид строя». И еще: «...так как государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то ясно, что для всех нужно единое и одинаковое воспитание, и забота об этом должна быть общим, а не частным делом, как теперь... Что имеет общий интерес, этим следует и заниматься совместно».

Откуда взяты эти цитаты? Из выступлений президента В.В. Путина или премьер-министра Д.А. Медведева? Не угадали. Эти мысли прозвучали две с лишним тысячи лет назад и принадлежат умнейшему из мыслителей всех времен и народов — Аристотелю [1: с. 628]. Мысли общечеловеческие — не в спекулятивном, как у наших либералов, а в подлинном значении этого слова, не признающие ни временных границ, ни формационных и цивилизационных или классовых различий. Здравый смысл, разум, подтвержденный всем опытом истории, — их основа.

Итак, мы вышли на главный вопрос: кому принадлежит будущее? И ответили на него: тому, кому принадлежит молодежь. А вот кому именно, кому конкретно она принадлежит — на этот вопрос каждая эпоха, каждая порожденная ею общественная система отвечает сама и по-своему. И от этого зависит ход истории, направление и скорость общественного развития.

Наряду с прогрессом существует и понятие регресса. Человечество знает, что это такое. Речь в каждом конкретном случае идет о том, что старшее поколение оставило своим детям, как его наследием распорядилась молодежь — приумножила, обогатила или, напротив, бездарно растратила. В каком ключе — физическом, нравственном и идеологическом, созидательном или разрушительном — воспитало своих детей. Это и есть история.

Молодежные проблемы особенно остро встали перед человечеством в минувшем XX столетии. Молодежь представляла собой не только мощный производственный, созидательный, по нынешней терминологии — креативный ресурс (свежие мускулы, свежие мозги). Она стояла под пулями карателей на баррикадах, наполняла окопы истреблявших друг друга армий — во имя интересов тех, кому она принадлежала, — правящих режимов и господствующих элит. Молодые лица открывали марширующие колонны победителей, и вместе с тем во многие языки мира вошла идиома «потерянное поколение».

Молодежь, как и все общество, неоднородна. Она воспроизводит сложную социальную структуру. Каждый ее слой генетически связан со своим классом.

Ныне живущие поколения даже не подозревают, что шоковой терапией начала 1990-х они обязаны молодежи. Не всей, конечно, а определенной, особой ее части. Об этом поведал читателям газеты «Завтра» академик О. Богомолов, который тогда в составе ведущих экономистов — членов консультативного совета при президенте России искал наиболее приемлемый для страны вариант экономической политики. «Как потом выяснилось, Бурбулис (госсекретарь, первый зампред правительства. — *В. Р., Е. Х.*) в секрете от нас уже послал на правительственную дачу группу молодых научных сотрудников во главе с Гайдаром и Чубайсом готовить шоковую реформу. Ее ядро составили выходцы из неолиберальной тусовки ленинградцев и москвичей, к которой затем присоединились П. Авен, А. Илларионов, А. Кох, А. Нечаев, А. Шохин. Случайно или, скорее, не случайно судьба экономики России оказалась в руках амбициозной молодежи, ориентировавшейся на западную модель жизнеустройства. Все ее архитекторы в дальнейшем преуспели, став состоятельными и влиятельными представителями нового правящего класса» (Завтра. 2011. № 48. Ноябрь – декабрь).

Таким образом, себе и классу новой буржуазии, выросшей из коррумпированного чиновничества советских времен, названная группа обеспечила безбедное будущее — за счет всех остальных слоев общества. Так что, выросшая из глубин истории формула о том, что будущее принадлежит молодежи, каждой эпохой уточняется: какой именно молодежи, из какого класса.

Неоднородность, однако, не исключает наличия общих для всего поколения интересов. В какой мере эти общие интересы соотносятся с частными, групповыми, — важный вопрос не только для самой молодежи, но и для всего общества.

В нашей стране на протяжении всех советских десятилетий удавалось удерживать практически все подрастающее поколение в русле главных, определяющих интересов общества и государства. Численность единой и единственной организации молодежи доходила до 45 миллионов. Все социально активные молодые люди находились здесь. Комсомол самостоятельно решал вопросы собственной организации. И вся молодежная политика правящей партии осуществлялась, прежде всего, через него. Конечно, не без проблем и недостатков. Была и чрезмерная заорганизованность, были и свои чиновники, копировавшие «больших» партийных бюрократов. Но всегда молодежь оставалась на виду, являя образцы самоотверженности и мужества при защите родины, на ударных стройках, на целине.

Сегодняшние политики не скупаются на реверансы в сторону подрастающей смены. Каждое лето ТВ ведет репортажи из лагерей, куда пообщаться с молодой порослью приезжают первые лица государства. Высокие слова раздаются с больших и малых трибун — от Государственной думы до корпоративных тусовок. Политические партии, дабы привлечь молодежь на свою сторону, включают в свои фракции в Госдуме и прочих структурах власти

известных спортсменов, популярных артистов эстрады, определяют для нее особые квоты в выборных списках. У каждой мало-мальски заметной партии есть свои группы молодых активистов, громко именуемые союзами молодежи. Но большая часть поколения — десятки миллионов душ — предоставлена самой себе, варится в собственном соку, составляя поле для стихийно возникающих течений и групп, начиная от футбольных фанатов и скинхедов и кончая тусовками без всяких названий. Кто занимается этими массами? Кому принадлежит эта молодежь?

Как ни покажется невероятным, странным и даже парадоксальным, но ответ, увы, именно такой: молодежью не занимается никто. Хотя мы и назвали целый ряд субъектов (или субъектиков), громко говоря, молодежной политики, все они, если что-то и делают, то лишь в рамках своих, весьма узких, интересов: говоря на канцелярско-бюрократическом языке, — в части, их касающейся. У каждого — сугубо своя сторона, свой кусочек большой проблемы. И никто не видит ее как целое, никто не хочет брать на себя ответственность ни за ее решение, ни даже за постановку.

Охватить ее своим влиянием, взять под свой патронат — такой силы в России нет. Политическим партиям поодиночке это не под силу. А у гражданского общества, о котором у нас так много говорится, при его плюрализме и института такого нет.

Остается государство. Основной, центральный институт политической системы, призванный объединять миллионы волей в единое целое, — как оно проявляет себя в массах подрастающего поколения? Какова его молодежная политика?

Сохранить, оставить за собой сложившуюся в прежней политической системе всеохватывающую форму организации юношеского движения, переориентировав ее на новые, общенациональные, общегосударственные цели, общество не смогло (да такая задача и не ставилась). Неким аналогом ее представлялся Российский союз молодежи (РСМ), основанный еще при советской власти — в мае 1990 года. Сегодня это, по собственной оценке РСМ, «самая массовая общественная неполитическая некоммерческая организация в России», главная цель которой — «помочь молодому человеку найти свое место в жизни, самореализоваться, раскрыться как многогранной личности» [2: с. 20]. РСМ имеет сегодня свои отделения в большинстве субъектов Российской Федерации, в его программах ежегодно участвуют до миллиона молодых людей. Однако ни в каких событиях, которыми жила Россия в последнюю четверть века и в которых активно участвовали и молодые, РСМ замечен не был. Он в них не участвовал. Нормально ли это? В эпоху кипящих политических страстей, судьбоносных свержений — нет, не нормально. Полагаем, что именно демонстративный отказ от политики не только отлучил организацию от политических событий, но и вообще отодвинул ее на обочину общественной жизни.

Что же предпринимает государство в этой ситуации? Какова его позиция? Если не активное действие, то, по крайней мере, на присутствие в молодежной

среде оно рассчитывало. Двухтысячный год ознаменовался появлением «Идущих вместе». Как сообщает в Интернете Википедия, это «межрегиональная молодежная организация содействия в воспитании молодежи, созданная администрацией президента России, существовавшая под руководством Василия Якеменко. Лозунг организации “Все Путем” (созвучный с фамилией Владимира Путина)». Одна из первых акций, проведенных «Идущими вместе», — массовая манифестация поддержки президента в день его инаугурации. Существует мнение, что возникновение данной организации как молодежной опоры связано с появлением на политическом горизонте опасности оранжевых выступлений. Авторство ее приписывается заместителю руководителя администрации президента В.Ю. Суркову. В оппозиционных кругах она обрела такие названия, как «Путинюгенд», «Орущие вместе» и т. п.

Массовым это объединение не стало и в 2005 году было преобразовано в движение «Наши». Оно конституировалось как демократическое и антифашистское, хотя демократизм его ставился под определенный вопрос новым статусом руководителя. Теперь он (им оставался В. Якеменко) был не просто руководитель, а комиссар. В ранге комиссаров значились молодежные вожаки и на более низких уровнях.

«Наши» брали на себя патриотическую работу, защиту наследия Победы над фашистской Германией, занимались экологией, а там, где были их отделения, и вопросами быта. А в целом их лицо определяло название одной из акций — «Наши — связные президента».

Заметное место в деятельности организации занимал ежегодно организуемый летний лагерь (на официальном языке — образовательный форум) на озере Селигер. Задачи, которые ставят перед собой организаторы, — сплочение актива, встречи с политическими деятелями, включая руководителей государства, самообразование, активный отдых. Престиж «Селигера» рос. Если в год его открытия (2005) он собрал 3 тыс. участников, то в следующем — уже 5 тыс., а в 2007-м — 10 тыс. А еще через пять лет эта цифра выросла до 30 тыс.

В программе образовательного форума — инновационные проекты в сфере экономики, предпринимательства, бизнеса. А это интересовало и корпорации — отечественные и зарубежные. «Селигер» сотрудничал с ними. Именно это привлекало тех молодых людей, которые ехали сюда.

Какова же эффективность форума? При всех плюсах 30 тысяч на десятки миллионов граждан, конечно, сущий мизер. Да и пригласить больше нельзя. Как предупреждают организаторы, лагерь «открыт для всей талантливой молодежи, способной предложить свой проект в одном из направлений». То есть для всей и в то же время совсем не для всей, а лишь для элитной ее части. Для будущих бизнесменов, менеджеров, больших и малых чиновников. Больше того, участники форума попадали в список «президентской тысячи» — федеральный кадровый резерв (Известия. 2014. 15 сентября). Но были и свои минусы, достаточно весомые, — в реальной жизни они себя не проявили. «Записных селигерских

патриотов в нынешних, резко обострившихся условиях что-то не видно и не слышно», — резюмировала печать (Советская Россия. 2015. 16 июля).

«Селигер» просуществовал до 2015 года. Вместо него создали несколько новых — с сокращением числа участников, удлинением смен, более глубокой программой. Один из таких форумов под названием «Территория смыслов» с успехом прошел на реке Клязьме Владимирской области. Его «благословили» президент В.В. Путин, руководители Госдумы, министры. «Политическая кухня для молодежи» — так определил этот форум «Московский комсомолец» (25 июля 2015 г.). Однако и этот проект на широкий охват молодежи не претендовал.

Итак, непосредственное участие государства в молодежном движении, даже в форме присутствия, заметных подвижек в овладении умами и сердцах миллионов не проявило. Однако никто и ничто не отнимало у него возможности использовать властный, административный, ресурс, используя рычаги государственного управления для стимулирования молодежного движения как части гражданского общества.

Что делалось в этом плане по линии государства? Одно время, еще при Ельцине, создавался Комитет по делам молодежи, вселявший некоторые надежды. Строили его по модным тогда лекалам: возглавить поручили выходцу из Питера (какими были тогда многие высокие чиновники), подполковнику госбезопасности (как Путин), с исторически звучной фамилией Деникин. Но денег на него в бюджете не выделили, практически дав ему умереть своей смертью. Именитый питерец, не проработав и двух лет, был освобожден от должности в связи с ликвидацией комитета.

С некоторого времени (май 2008 года) в структуре правительства появилось Министерство по делам спорта, туризма и молодежной политики. В его составе был департамент, призванный заниматься ею. И он занимался, но — менее всего. Неспроста и в названии ведомства молодежь оказалась на последнем месте. И возглавить министерство доверили не кому-нибудь, а популярному футбольному менеджеру Виталию Мутко.

В правительстве, надо полагать, осознавали это несоответствие. Наряду с министерством с таким широковещательным названием, имеющим в своей структуре департамент молодежной политики, было создано агентство «Росмолодежь», подчиненное названному министерству, но автономное — руководителя агентства назначал премьер-министр. Этим руководителем оказался все тот же Якеменко.

Создание такого органа было позитивно воспринято в молодежном движении. «Наш человек — в правительстве!» — объявляла независимая молодежная газета. Но здесь же, комментируя событие, она цитировала самого Якеменко, который обозначал основные приоритеты своего ведомства. Их было два: «Это работа с талантливыми молодыми людьми и это работа с трудными подростками». И вторая цитата: «ни с какими организациями, которые имеют четкие политические предпочтения и пристрастия, мы работать не будем» (Только вперед. Родвижническая

газета. 2007. № 9. 1 ноября). В потоке восторгов молодежная газета, сама того не заметив, назвала ограничители, которые наперед займут диапазон общения воссозданного ведомства с молодежной массой. Прав оказался лидер «Молодежного Яблока» Илья Яшин: «Думаю, что молодому поколению не стоит обольщаться в связи с созданием этого комитета, ибо дальше удовлетворения политических амбиций Якеменко и его сторонников-товарищей дело вряд ли пойдет» (Литературная газета. 2007. 24–30 октября).

Поворотной вехой в разработке и реализации молодежной политики в постсоветской России должен был стать 2009 год, которому президент (в то время Д.А. Медведев) присвоил статус Года молодежи. О значимости предполагавшейся в связи с этим широкой программы мероприятий общероссийского и регионального масштабов говорит и то, что председателем организационного комитета Года стал председатель правительства В.В. Путин. Программа предполагала совершенствование нормативно-правовой базы в сфере молодежной политики, развитие сети региональных и муниципальных учреждений по работе с молодежью. Наряду с развитием системы поддержки талантливой и инициативной молодежи имелось в виду содействие трудовой занятости молодых людей, совершенствование программы обеспечения жильем молодых семей, профилактика правонарушений, ксенофобии, экстремизма. Выступая на заседании оргкомитета Года, В.В. Путин отмечал: «Те, кому сегодня 15, 20, 30 лет, в скором времени станут главными действующими лицами в нашей стране по реализации планов и проектов развития России, укрепления гражданского общества. Молодежь наиболее динамичная и в то же время наиболее уязвимая часть общества. С одной стороны, она способна на многое. Может сделать страну по-настоящему успешной и конкурентоспособной, но требует поддержки, поощрения, создания здоровой жизненной среды и надёжных социальных гарантий» (Известия. 2009. 20 февраля; Наша молодёжь. 2012. 8 июля).

Вопросы Года рассматривались на заседании Государственного совета, в Государственной думе и Совете Федерации, Общественной палате, в научных центрах и образовательных учреждениях. Большая научная конференция состоялась в Московском городском педагогическом университете, в которой вместе с учеными и студентами принимали участие представители Министерства по делам спорта, туризма и молодежной политики, Российского союза молодежи, Союза писателей России, ветераны комсомола, Вооруженных сил. Обсуждались проблемы подрастающих поколений. Итоги Года молодежи анализировались в докладах директора департамента молодежной политики Минспорттуризма Бориса Гусева и заместителя председателя Российского союза молодежи Андрея Троицкого.

Работа в стране проделана большая. Вот хотя бы один факт из доклада Гусева о развитии инфраструктуры представляемого им ведомства: оно имеет в своем распоряжении 254 учреждения регионального характера и 3500 муниципальных учреждений. За Год открыто 70 новых центров молодежи. А как показывает

практика, там, где есть такие центры, число правонарушений среди молодежи сокращается в 5–7 раз [2: с. 10].

Да, сделано за Год немало. И Минспорттуризм, и Росмолодежь, надо полагать, смогли хорошо отчитаться перед начальством. Но все ли сделано? Один из основополагающих тезисов доклада Б. Гусева гласит: «Год молодежи стал отправной точкой для формирования молодежной политики как отрасли». А где она, эта отправная точка? Не инфраструктура же с ее почти четырьмя тысячами контор и кабинетов в городах и районах, по 1–2 чиновника в каждом? И не «Селигер» с его 5-ю и даже 30-ю тысячами любителей активного отдыха. Чтобы отправляться куда-то, надо, прежде всего, определиться, что есть что и кто есть кто, выяснить цели и задачи, определить правила игры, т. е. совместного общего плавания по океану жизни. Нужна стратегия, на основе которой решались бы тактические повседневные вопросы. Нужен закон о молодежи.

В Советском Союзе удавалось обходиться без такого закона, поскольку вопросы, относящиеся к данной сфере, находили решение в других основополагающих документах. Хотя, в конце концов, под самый занавес в апреле 1991 года Верховный Совет СССР принял закон «Об общих началах государственной молодежной политики». При новом режиме разработка такого документа идет уже третье десятилетие.

Закон до сих пор не принят. Вокруг него (проекта) если не кипят страсти, то дискуссии время от времени возникают. Хотя текст его общественности неизвестен. Единственный источник, с которым можно познакомиться, — всероссийский студенческий информационный портал в Интернете. Он дает текст закона с объяснениями. Первое — проект. Второе — с упреком нашим законодателям и государству: «В который раз Госдума пыталась принять федеральный закон о молодежи (февраль 2010 года). А воз и ныне там. Не помог даже Год Молодежи».

Да, не помог. Сегодня у нас нет даже приемлемого для всех понятия молодежной политики. А между тем в проекте названного документа оно содержится: «Государственная молодежная политика — установленная законодательством Российской Федерации система приоритетов и мер, направленных на создание правовых, экономических, социальных, организационных и иных условий для успешной социализации молодежи, развития ее потенциала в интересах России». А это именно то, что необходимо сегодня для российского общества. Такую молодежную политику в самом полном объеме и должен проводить Кремль. А думают ли об этом в верхних этажах власти?

Если и думают, то, как и прежде, больше о внешних сторонах дела, чем о его содержании. В правительстве, возглавляемом Медведевым, Минспорттуризм окончательно отделился от молодежной политики. А подчинявшаяся ему (на началах автономии) Росмолодежь переподчинена Министерству образования и науки, хотя руководитель ее назначается и увольняется со своей должности, как и прежде, председателем правительства. В. Якеменко (по приобретенному прозвищу —

Госкомвсая) со своей должности, как было сообщено, уволился по собственному желанию, а освободившееся место по распоряжению Медведева занял Сергей Белоконов, давний коллега своего предшественника при создании «Идущих вместе» и «Наших», при организации «Селигера», его заместитель в Росмолодежи, а с 2007 года еще и депутат Госдумы от «Единой России». А в 2014 году этот пост занял Сергей Пospelов. Помимо того, что он был одним из лидеров действовавшей при «Единой России» «Молодой гвардии», депутатом одного из муниципальных собраний Москвы, его отличала высокая теоретическая подготовка — два высших образования, ученая степень кандидата экономических наук (Interfaks.ru. 14.03.2014).

В каком состоянии молодежное движение, российская молодежь сегодня? Оно зависит от состояния общества в целом. «За четверть века господства ресурсной, паразитарной экономики, — пишет обозреватель «Литературной газеты», — многие отвыкли от серьезной работы... В провинции толпы мужчин трудоспособного возраста перебиваются случайными заработками, миллионы работают охранниками и привратниками. После такой не особо наваристой, но вольной жизни ходить к восьми к проходному заводу... Тяжко это» (Литературная газета. 2015. 11–17 февраля). В таком же собственном соку варится и значительная часть юношества, что усложняет проблему его социализации, гражданского становления. А это не может не вызвать озабоченности. Заместитель научного руководителя Высшей школы экономики, профессор Л. Любимов пишет в «Известиях»: «Когда молодой человек не отождествляет себя со своим государством, со своим народом, но отождествляет лишь с группой (хоккейных или футбольных фанатов, рокеров, байкеров, поклонников Dot Nets, протестным движением) и вообще не участвует в политике, включая выборы, это можно оценивать и как закат данной политической системы, и данной цивилизации». И далее: «Почему же возникает самоотчуждение молодых поколений от общественной жизни, особенно политической партиципации? Отказ от общественной жизни — свидетельство ослабленного или вообще несформированного чувства обязанности, долга перед государством и обществом». И наконец, самое страшное: «поддерживая ангажированные и ограниченные “движения” политического консьюмеризма, власти добиваются лишь отчуждения молодежной массы от системы» (Известия. 2011. 28 октября).

Не претендуя на истину в конечной инстанции, на социологическую точность, мы не прибегаем к статистически выверенному заключению. Воспользуемся проницательностью прессы и, в частности, того, что нам подсказал авторитетный журнал «Итоги». Давая информацию о кадровых перестановках в Росмолодежи и в связи с этим о перспективах организации, редакция метко озаглавила ее: «Идущие врозь» (Итоги: Еженедельный журнал. 2001. 4 июня). Увы, это, без большого преувеличения, общий бренд для нынешнего поколения молодых.

Пресса помогает выявить еще одну слабость движения. Резонанс вызвало обращение к российскому парламенту, с которым выступил председатель

РСМ Павел Красноруцкий. Какая проблема заставила молодежного лидера добраться до высшей законодательной инстанции? Курение за рулем. «Курение за рулем опасно, — пояснял он депутатам, — так как отвлекает водителей от дороги и управления транспортным средством, например, в момент прикуривания или пока достается сигарета из пачки». И т. д. и т. п. Официальное ходатайство председателя Российского союза молодежи — законодательно запретить курение за рулем. Значимо? Наверное, да. Но это что — задача РСМ? Не ударные стройки, не БАМ, не целина, не сама молодежь...

Хроника последнего года российской жизни запечатлела два события, относящихся к молодежи. В октябре, ровно в годовщину создания комсомола, был издан указ президента о создании Российского движения школьников — общественно-государственной организации. Факт, несомненно, значимый, хотя заметного резонанса, увы, не вызвавший. Зато остались вопросы. Например: насколько обоснованным оказался метод создания «сверху», с использованием в государственном масштабе не слишком популярного административного ресурса. И далее: почему только школьников? А как быть с организацией всей остальной массы молодежи? Второе событие — утверждение в самом конце 2015 года государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», приоритетом которой называется патриотическое воспитание детей и молодежи. Однако и здесь доминирует отраслевой подход. Главные исполнители — Минобр, Минкульт, Минобороны и агентство «Росмолодежь». Причем именно на «Росмолодежь», самый слабый из них по своему организационному потенциалу и влиянию, возложены функции координатора программы. А будут ли «слушаться» его другие исполнители? И в какой мере в этом оркестре будут слышан голос самой молодежи? В любом случае никакой расклад участников, никакие организационные комбинации и ходы не заменят молодежной политики, которая бы органически объединила государство и все общество в большом творческом процессе формирования нового поколения граждан.

Выделить самое главное и на его основе спланировать массу. Как это делается, показали недавние события вокруг воссоединения Крыма. Несмотря на существующие в обществе социальные, экономические, идеологические различия, подавляющее большинство граждан поддержало государственно-патриотическую политику, а ее инициатор и гарант — президент — получил рекордный рейтинг. Социал-государственническая платформа, гражданственность, патриотизм — вот основа единения общества, основа сплочения подрастающего поколения. И на этой платформе история решит, кому принадлежит будущее.

Литература

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Наука, 1984. 628 с.
2. Молодежь на рубежах XX столетия: сб. научных статей. М.: МГПУ, 2011. 202 с.

Literatura

1. *Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochineniya. T. 4. M.: Nauka, 1984. 628 s.*
2. *Molodezh' na rubezhax XX stoletiya: sb. nauchny'x statej. M.: MGPU, 2011. 202 s.*

V.V. Ryabov,

E.I. Khavanov

Whom Does the Youth Belong to?

To whom the youth belongs — to them belong the future. The article reveals the sense of that pithy motto and through it evaluates the situation in the youth movement of Russia and youth policy of the state.

Keywords: youth and future.

Л.Г. Орчакова

Женщины и женский вопрос в революционной деятельности на рубеже XIX–XX веков

В статье раскрывается вопрос участия женщин в деятельности революционных партий в конце XIX – начале XX веков. Особое внимание уделено личности Е.К. Брешко-Брешковской. Автор анализирует взгляды теоретиков русского анархизма на женский вопрос.

Ключевые слова: женский вопрос; политическая история России; анархизм; П.А. Кропоткин; М.А. Бакунин; Е.К. Брешко-Брешковская.

В российской истории на протяжении многих столетий женщина занимала подчиненное даже униженное положение в обществе, хотя все мы помним ярчайших представительниц этой половины человечества, которые олицетворяли русское государство и сделали его для своего времени сильным, влиятельным в мире. Это княгиня Ольга, императрицы Елизавета Петровна и Екатерина Великая.

Но не только женщины-правительницы оставили заметный след в истории нашей страны. Екатерина Романовна Дашкова — блистательная женщина, сделавшая огромный вклад в становление российской науки. Двадцатый век не стал исключением: Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай, Е.А. Фурцева, занимая важные государственные посты, внесли ощутимый вклад в развитие России в различных областях. В период существования СССР женщины были представлены во всех ветвях власти, избирались в законодательные органы всех уровней. Однако их число в органах власти было незначительным. Например, в составе бывшего Верховного Совета РФ женщины составляли 5,4 % (57 депутатов из 1063) [7: с. 7].

Женский вопрос начинает звучать и находить разнообразные решения с конца XIX столетия. Можно привести немало примеров участия женщин в деятельности революционных организаций и политических партий, в политической борьбе социал-демократов, социал-революционеров, анархистов. Это Софья Перовская, Вера Фигнер и др. Были среди них и легендарные личности. Вера Засулич, которая в 60-е годы XIX века, сблизившись с народниками, сначала заняла заметное место в этом общественно-политическом движении, а затем в социал-демократической партии. Она была сотрудником газеты «Искра», принимала участие в подготовке программы РСДРП (март – апрель 1902 года).

Еще более известна Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, которую называли «бабушкой русской революции». Она много сделала

для народничества и становления партии эсеров. Давая оценку участию женщин в революционной борьбе, имея в виду и себя, Брешко-Брешковская писала: «Женщины этого движения были нашими русскими валькириями, но они родились не из туманов и туч скандинавских мифов, а появились в России с первыми отблесками нового рассвета, который озарил нашу страну при переходе от крепостничества к свободе» [3: с. 325].

Когда же в начале XX века на политическую арену России выходят революционеры нового поколения, Екатерина Константиновна становится их учителем и наставником. «Проповедник, апостол, убеждающий словом и еще более действенным примером. К ней всегда тянулись молодые души, потому что она в них верила», — говорил о ней соратник по партии В. Чернов [9: с. 131]. Именно благодаря встрече с ней Борис Савинков присоединился к эсерам, а провизор Г. Гершуни поменял работу в химико-бактериологическом кабинете на террористическую деятельность.

Именно к такой тактике призывала Брешко-Брешковская в политической борьбе в период революции 1905–1907 годов и делала это очень убедительно. «“Иди и дерзай, не жди никакой указки, пожертвуй собой и уничтожь врага!” И каждую свою статью неизменно заканчивает одним и тем же двойным призывом: “В народ! К оружию!”» [8: с. 209].

Свою революционную деятельность Е.К. Брешко-Брешковская начинает в 1873 году в группе «чайковцев»¹, где судьба сводит ее с П.А. Кропоткиным, будущим теоретиком русского анархизма. В своих биографиях они отмечают схожесть судеб и взглядов. Непременной составляющей их жизни было страдание за народ, ранняя жажда сделать что-нибудь хорошее и великое на благо этого народа, фанатическая преданность делу и обожествление революции. В своих воспоминаниях П.А. Кропоткин отмечает, что отношения в кружке «чайковцев» были исключительно духовными. «Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей... До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью» [6: с. 290].

Судьба еще раз свела Екатерину Константиновну и Петра Алексеевича в 1903 году, когда Брешковская, оказавшись под угрозой очередного ареста, впервые отправляется за границу. Она вспоминает, что в Лондоне в семье Кропоткина приняли ее как родную. Но в разговорах выявились принципиальные разногласия в отношении того, что партия эсеров ставит себе в заслугу «*благороднейший поступок юноши Балмашева*», т. е. убийство министра Сипягина. К тому же Брешковская отмечает внутреннюю противоречивость Кропоткина, и «*эта двойственность в отношении природы человека*» очень удивила Екатерину Константиновну [4: с. 7–13].

Политические программы и взгляды теоретиков анархизма наряду с вопросами о государственном строе, национальном вопросе, крестьянском

¹ Петербургская группа народников. Участники кружка называли себя чайковцами по имени руководителя Н. Чайковского.

и рабочих вопросах включают видение будущности женщины, ее роли в новом обществе.

В наследии классиков российского анархизма — М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина — немало интересных страниц посвящено женским образам и женскому вопросу. Оба они сходились в том, что женщина должна являться лишь объектом поклонения, матерью и хранительницей домашнего очага, и допускали ее участие в делах политических только при условии внедрения в быт всевозможных машин, которые освободили бы ее от изнурительной каждодневной работы по дому. Другой роли для женщины они не предполагали. Но, несмотря на это, известно немало женщин, которые активно пропагандировали анархические идеи, создавали свои объединения, из которых впоследствии сформировалось феминистское движение.

Широкое вовлечение женщины в общественную жизнь сопровождалось усилением ее угнетения теперь уже не только в рамках семьи, но и со стороны всего государства, что в свою очередь вызвало ожесточенную борьбу женщин за свои права. Нужно отметить, что, провозглашая борьбу за освобождение личности от государственного и иного любого гнета, анархисты под угнетенной личностью подразумевали также и современную женщину и зачастую не считали необходимым дополнительно акцентировать внимание на вопросе равенства полов.

Освобождение женщины анархисты неуклонно связывали с усилением ее активности в общественной преобразующей и созидательной деятельности, а также в получении равных с мужчиной социальных прав. И это освобождение должно исходить не столько сверху, директивным путем, сколько снизу, от самих женщин. По их мнению, достаточно отменить государство с его аппаратом насилия и женщины займут подобающее им место в обществе.

Еще до активного включения в революционное движение Бакунин считал, что «назначение женщины быть гением-хранителем семейной жизни». Если уделом мужчины представляется «сила и отвлеченная мысль», то удел женщины — «красота и полное конкретное чувство». Однако из этого не следует, что чувство недоступно мужчине, а мысль — женщине. Наоборот, мысль существует для женщины точно так же, как и для мужчины, но «не отвлеченная, не холодная мысль, но мысль, проникнутая всею бесконечностью, всею роскошною полнотою нераздельного единого чувства». Но этой борьбе есть предел — «женственность, перейдя через которую женщина перестает быть женщиной» [1: с. 262–263]. В буржуазном обществе женщины почти везде — рабы, и, по мнению Бакунина, «мы сами — рабы их рабства, без их освобождения, без их полной, безграничной свободы наша свобода невозможна, а без свободы нет ни красоты, ни достоинства, ни истинной любви» [2: с. 252].

Бакунин требовал полного политического и социального уравнивания женщин с мужчиной и замены легальной семьи, узаконенной религиозно-юридическим браком, браком свободным. Он выступал за уничтожение не только брака, но и семейного права, которое он неразрывно связывал с правом наследства. Кроме того, он ратовал за социальные гарантии матерям по беременности и воспитанию ребенка.

П.А. Кропоткин также выступал за освобождение женщины от работы по дому. «Но женщина, писал он, — со своей стороны, тоже начинает требовать, наконец, своей доли в освобождении человечества. Она больше не хочет быть вьючным животным своего дома; довольно с нее и того, что она столько лет своей жизни отдает на воспитание детей. Она не хочет больше быть в доме кухаркой, судомойкой, горничной!» Освободить женщин поможет развитие научно-технического прогресса, которое должно охватить и бытовую сферу: применение в домашнем хозяйстве моечных машин, устройств для чистки обуви и т. д., а также открытие учреждений службы быта и столовых для каждой группы домов. «Освободить женщину, — писал Кропоткин, — не значит открыть для нее двери университета, суда или парламента; потому, что освобожденная женщина всегда сваливает домашний труд на какую-нибудь другую женщину. Освободить женщину — значит избавить ее от огупляющего труда кухни и прачечной; это значит — устроиться так, чтобы дать ей возможность, кормя и выращивая своих детей, вместе с тем, иметь достаточно много свободного времени, чтобы принимать участие в общественной жизни». Миссию освобождения от «рабства домашней прислуги» Кропоткин отводил анархо-коммунистической социальной революции [5: с. 138–143].

Знаменательны размышления теоретиков русского анархизма в отношении женского вопроса, который с конца XIX века звучит в России более явно и определенно. Но на лицо и двойственность в оценке положения женщины в государстве, что, безусловно, связано со средой, в которой они воспитывались, и статусом женщины, бытовавшем в Российской империи XIX века. Сама постановка вопроса о месте женщины в новом безгосударственном обществе и путях ее раскрепощения опережала самые дерзкие и радикальные идеологии того времени. Теоретики русского анархизма, по сути, предвосхитили процесс раскрепощения русской женщины и феминизации, которая начнется лишь в Советском государстве.

Литература

1. *Бакунин М.А.* Письма сестрам (середина сентября 1839 г. Петербург) // Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. Т. 2: Гегелианский период. 1837–1840. М., 1934. 502 с.
2. *Бакунин М.А.* Письмо родным (Сестрам и братьям) (1 мая 1845 г.) // Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. Т. 3: Период первого пребывания за границей. 1840–1849. М., 1934. 640 с.
3. *Брешко-Брешковская Е.* Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки 1873–1920. М.: Центрополиграф, 2006. 335 с.
4. *Брешко-Брешковская Е.* Три анархиста: П.А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель. (Воспоминания). Б. м., 1921. 40 с.
5. *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля. М., 1917. 164 с.
6. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.
7. *Тишков В.А.* Женщина в российской политике и структурах власти // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен: мат-лы Международной конференции. М.: Наука, 1994. С. 8–16.

8. *Чернов В.* Перед бурей. Минск: Харвест, 2004. 416 с.
9. *Чернов В.М.* Перед бурей. Воспоминания. Н.-У.: Изд. имени Чехова. 1953. 411 с.

Literatura

1. *Bakunin M.A.* Pis'ma sestram (seredina sentyabrya 1839 g. Peterburg) // Bakunin M.A. Sobranie sochinenij i pisem. T. 2: Gegelijskij period. 1837–1840. M., 1934. 502 s.
2. *Bakunin M.A.* Pis'mo rodu'm (Sestram i brat'yam) (1 maya 1845 g.) // Bakunin M.A. Sobranie sochinenij i pisem. T. 3: Period pervogo preby'vaniya za granicej. 1840–1849. M., 1934. 640 s.
3. *Breshko-Breshkovskaya E.* Skry'ty'e korni russkoj revolyucii. Otrechenie velikoj revolyucionerki 1873–1920. M.: Centropoligraf, 2006. 335 s.
4. *Breshko-Breshkovskaya E.* Tri anarxista: P.A. Kropotkin, Most i Luiza Mishel'. (Vospominaniya). B. m., 1921. 40 s.
5. *Kropotkin P.A.* Xleb i volya. M., 1917. 164 s.
6. *Kropotkin P.A.* Zapiski revolyucionera. M.: Moskovskij rabochij, 1988. 544 s.
7. *Tishkov V.A.* Zhenshhina v rossijskoj politike i strukturax vlasti // Zhenshhina i svoboda: puti vy'bora v mire tradicij i peremen: mat-ly' Mezhdunarodnoj konferencii. M.: Nauka, 1994. S. 8–16.
8. *Chernov V.* Pered burej. Minsk: Xarvest, 2004. 416 s.
9. *Chernov V.M.* Pered burej. Vospominaniya. N.-У.: Izd. imeni Chexova. 1953. 411 s.

L.G. Orchakova

Women and Women's Issue in Revolutionary Activity at the Turn of XIX–XX Centuries

The article reveals the issue of women's participation in the activity of revolutionary parties in the late XIX – early XX centuries. Special attention is paid to E. K. Breshko-Breshkovskaya's personality. The author analyzes the views of theorists of Russian anarchism on the women's issue.

Keywords: women's issue; the political history of Russia; anarchism; P.A. Kropotkin; M.A. Bakunin; E.K. Breshko-Breshkovskaya.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2016, № 1 (21)**

Агуреев Станислав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГПУ (stas.agureev@mail.ru).

Гонтарев Василий Владимирович — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (gontarev.vasil@yandex.ru).

Исаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ (isakov-va@yandex.ru).

Карпов Евгений Александрович — соискатель кафедры отечественной истории МГПУ (Evg-A-Karpov@yandex.ru).

Крыкин Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГПУ (smkrykin@mail.ru).

Музафарова Нелли Ильинична — доктор исторических наук, профессор общеуниверситетской кафедры истории МГПУ (muzafarovan@mail.ru).

Орчакова Лариса Геннадьевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (luchlg@ya.ru).

Павлов Андрей Альбертович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета (aapavlov@rambler.ru).

Рябов Виктор Васильевич — доктор исторических наук, профессор, президент МГПУ, заведующий общеуниверситетской кафедрой истории МГПУ (Ryabov@mgru.ru).

Салихов Эдуард Рафикович — аспирант кафедры отечественной истории и права Челябинского государственного педагогического университета (mco90@mail.ru).

Токарева Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории МГПУ (tokarev-elena@yandex.ru).

Фурцев Роман Витальевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры всеобщей истории МГПУ (marinaio0707@mail.ru).

Хаванов Евгений Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ (Khavamov@mgru.ru).

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2016, № 1 (21)

Agureev Stanislav Aleksandrovich — Ph.D. (History), docent of World History department, MCU (stas.agureev@mail.ru).

Gontarev Vasilij Vladimirovich — postgraduate student of History of Russia department, MCU (gontarev.vasil@yandex.ru).

Isakov Vladimir Alekseevich — Doctor of History, professor of World History department, MCU (isakov-va@yandex.ru).

Karpov Evgeniy Aleksandrovich — competitor of History of Russia department, MCU (Evg-A-Karpov@yandex.ru).

Krykin Sergei Mikhailovich — Ph.D. (History), docent, World History department, MCU (smkrykin@mail.ru).

Muzafarova Nelli Ilinichna — Doctor of History, professor of all-university History department, MCU (muzafarovan@mail.ru).

Orchakova Larisa Gennadievna — Doctor of History, professor of History of Russia department, MCU (luchlg@ya.ru).

Pavlov Andrey Albertovich — Ph.D. (History), docent of department of Russian and Foreign History, Syktyvkar State University (aapavlov@rambler.ru).

Ryabov Viktor Vasilievich — Doctor of History, professor, president of MCU, head of all-university History department, MCU (Ryabov@mgpu.ru).

Salikhov Eduard Rafikovich — postgraduate student of History of Russia and Law department, Chelyabinsk State Teachers' Training University (mco90@mail.ru).

Tokareva Elena Anatolievna — Ph.D. (History), docent, History of Russia department, MCU (tokarev-elena@yandex.ru).

Furtsev Roman Vitalievich — Ph.D. (History), doctoral candidate, World History department, MCU (marinaio0707@mail.ru).

Khavanov Evgeniy Ivanovich — Doctor of History, professor of World History department, MCU (Khavamov@mgpu.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 1 (21), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Заместитель главного редактора:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
И.Е. Посоха
Корректор:
К.М. Музамилова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 29.03.2016 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.